

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Галустов Кирилл Артёмович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ**

Научная специальность 1.6.13.

Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук
К.Э. Аксёнов

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ	13
1.1. Основные теоретико-методологические подходы к исследованию трансформации современного российского городского пространства..	13
1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию городских режимов, их проявлению и воздействию на трансформацию городского пространства	21
ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ	38
2.1. Методика исследования случаев воздействия городских режимов на трансформацию пространства современного российского города.....	38
2.2. Общественно значимые проекты изменения городской среды в России как пример воздействия городских режимов на трансформацию современного городского пространства.....	47
2.3. Пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге.....	70
2.4. Результаты трансформации внутригородских пространств под воздействием городских режимов на примере Василеостровского и Петроградского районов Санкт-Петербурга	81
ГЛАВА 3. ТИПЫ, ПРИНЦИПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ	92
3.1. Типология трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов	92

3.2. Принципы и закономерности трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	120
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	145
СПИСОК РИСУНКОВ	149
СПИСОК ТАБЛИЦ	150
СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ	151
ПРИЛОЖЕНИЯ	152

Введение

Актуальность исследования

В мировом городском развитии в последние годы активизировались процессы, связанные с новыми глобальными изменениями – постиндустриализмом (Hutton, 2004; Neumann, 2016), глобализацией (Sassen, 2016; Smith, 2018), постсоциалистической и рыночной трансформацией (Sykora & Bouzarovski, 2012; Sjöberg 2014; Müller, 2019), вступлением общества в новый технологический уклад (Глазьев, 2010; Махотин, 2017). Эти изменения особенно чувствительно проявляются в крупных городах, определяющих социально-экономическое благополучие стран (Tolley, 1974; Разинский, 2014). Такие быстрые трансформации требуют применения новых исследовательских подходов к их изучению. Понимание и осмысление внутренней природы процессов изменения пространства позволит эффективнее управлять ими, точнее прогнозировать дальнейшие пути и перспективы городского развития.

Сегодня общемировыми тенденциями в трансформации современных городских пространств стали трансформация «ржавых поясов», связанная с постиндустриализмом (Hobor, 2013; Neumann, 2016), включая коммерческий реновмент промышленной периферии (Axenov, Timoshina, 2020), реиндустриализация (Forrest et al., 2004; Shaw, 2008), трансформация районов массовой жилой застройки в странах постсоциализма (Аксёнов, 2019), джентрификация ввиду усиления социального расслоения (Ядов, 2001), дефицит территории для развития (Чистобаев и Висленёва, 2013; Федорова и Сафина, 2016) и появление новых общественных пространств вследствие роста общественного участия в городских процессах (Вендина, 2009; Andersson, 2021). В городах начинают возникать новые функции и морфологические особенности, требующие современных пространственных решений. Быстрая урбанизация, рост городского населения способствуют усилению значения городов в мире, городского пространства в жизни государств, а значит проблема трансформации городских пространств становится важнейшей не только на городском, но и на национальном и даже глобальном уровне (Ильченко, 2013).

Трансформации носят комплексный характер и затрагивают все сферы жизни, в которых действуют различные акторы (носители особых интересов) – власть, бизнес и общество. Интересы каждого актора меняются во времени с разной скоростью и в разных направлениях – модели кооперации акторов усложняются, и, как следствие, усложняется и система городского управления. По этой причине в настоящей работе используется теория, которая структурно объединяет разнонаправленные действия и интересы акторов

в городах – **теория городских режимов** Кларенса Стоуна. Если под **режимом** в целом мы понимаем систему взаимодействий, отношений, формальных и неформальных правил, то **городским режимом** называют совокупность договорённостей и отношений акторов, образующих коалицию, с помощью которых осуществляется управление городским пространством (Stone, 1989; Ледяев, 2008). Воздействие режимных взаимодействий на трансформацию городов является универсальной тенденцией для всех городских пространств, но имеет и характерную только для России специфику (Махрова и Голубчиков, 2012; Тыканова и Хохлова, 2015). Результаты такого воздействия фактически отражаются в облике городов (Paradopoulos, 1996), но мало исследованы в российском научном дискурсе. Проблематика трансформации городского пространства и связанных с ней градостроительных тенденций в условиях воздействия городских режимов является новым предметом исследования, поэтому настоящая работа призвана восполнить недостаток подобных исследований в современной географической науке.

Объект исследования – пространство современного российского города в процессе трансформации.

Предмет исследования – трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов.

Цель работы – выявить принципы и закономерности трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить основные теоретико-методологические подходы в области исследований трансформации современного российского городского пространства;
- определить теоретические и методологические подходы к исследованию городских режимов, их проявлению и воздействию на трансформацию современного российского города, сформулировать понятийно-концептуальный аппарат исследования;
- обосновать методику исследования случаев воздействия городских режимов на трансформацию современного российского городского пространства;
- составить пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города;

- определить типы трансформации пространства современного российского города, которые могут возникать под воздействием городских режимов;
- выявить общие принципы и закономерности изменения современного городского пространства в Российской Федерации под воздействием городских режимов.

Методология и методы исследования

В ходе исследования автор опирался на широкий спектр **теоретико-методологических подходов**, таких как теория городских режимов К. Стоуна, концепцию «машин роста» Дж. Логана и Х. Молотча, центрально-периферийный подход неомарксистской школы И. Валлерстайна, подход географической полимасштабности А. Трейвиша, экологический подход чикагской школы Р. Парка и Р. Маккензи, подход пространственной диффузии инноваций лундской школы Т. Хагерстранда, институциональный подход Р. Мертона, «радикальной географии» Д. Харви, позиционный подход Б. Родмана и др. Общеметодологические основы исследования проистекают из фундаментальных работ теоретиков отечественной школы социально-экономической географии (В. Семёнов-Тян-Шаньский, А. Трейвиш, Б. Родман, А. Чистобаев и др.), а также крупнейших зарубежных специалистов в области геоурбанистики (Д. Харви, П. Хаггет, Д. Голд, К. Линч, С. Сассен и др.). В качестве центральных для целей исследования были выбраны концепция городских режимов К. Стоуна и теоретические исследования постсоциалистической городской трансформации Л. Сикоры, С. Бузаровского и К. Аксёнова. Базовым полигоном исследования выступил Санкт-Петербург и другие крупные российские города (Москва, Екатеринбург, Вологда).

Степень разработанности проблематики городских режимов в географии городов сегодня недостаточна. Наиболее глубоко исследованы проблемы взаимоотношения акторов в городском управлении (К. Стоун, В. Ледяев, С. Файнштейн), типологии городских режимов (Б. Ферман, Г. Стоукер, К. Моссбергер, Ю. Пустовойт), географии режимов в разных городах и географических масштабах (А. Пападопулос, К. Хэнкинс), адаптации концепции городских режимов для европейских городов (К. Вард, М. Де Социо, Д. Имброзио). Важным вкладом в методiku исследования трансформации городского пространства в России являются работы Е. Перцика, Г. Лаппо, А. Трейвиша, К. Аксёнова, А. Махровой, Н. Зубаревич, О. Вендиной, Т. Нефёдовой. Проблема роли городских режимов в развитии российских городов затрагивалась лишь в частных аспектах в исследованиях социологов и политологов (Д. Тев, В. Гельман, А. Хохлова, Л. Чернышева). Автор вносит вклад в существующие исследования локальных режимных

взаимодействий в российских городах (В. Бедерсон, А. Желнина, И. Шевцова, Е. Тыканова), развивает географическое направление исследований городских режимов (Э. Треттер, О. Голубчиков), соединяет актуальную городскую повестку с теоретическим измерением проблемы.

В качестве основных **методов исследования** в работе использованы:

- количественные и качественные методы социологических исследований (проведение экспертного опроса, контент-анализ основных городских случаев столкновения акторов, кейс-анализ);
- математическое моделирование (перевод данных в количественные показатели, расчёт системы баллов и составление пространственно-временных моделей);
- картографический метод (создание картосхем пространственно-временных моделей и трансформации городского пространства);
- сравнительно-географический метод (сопоставление результатов трансформации городского пространства в городах и районах);
- типологический метод (создание типологии трансформации городского пространства; составление классификации критериев общественно значимых проектов трансформации городской среды);
- метод визуального наблюдения.

Теоретическая значимость исследования определяется включением теории городских режимов в общий контекст общественно-географических и геоурбанистических исследований российского города XXI века. Отличительным свойством исследования является использование концепта городских режимов для выявления тенденций в трансформации российского городского пространства. Обосновываются особенности и отличия модели городского режима российского города в сравнении с американскими и европейскими моделями. Автор впервые предлагает новый подход, комбинирующий географические и социологические подходы к пониманию взаимодействия городского пространства и городских режимов. Несмотря на большое количество исследований динамики городских режимов и частных аспектов трансформации в российских городах, данное исследование впервые предпринимает попытку концептуализации воздействия городских режимов в географическом пространстве. Автор предлагает собственную

типологию трансформации городского пространства в зависимости от характера влияния городского режима.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые разработаны подходы к концептуализации воздействия городских режимов на городское пространство;
2. Созданы пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города, возможные к повторению на любом другом примере;
3. Составлена авторская типология трансформации городского пространства в условиях воздействия городских режимов;
4. Раскрыты характерные пространственные тенденции, принципы и закономерности в изменении городского пространства, возникающие в результате воздействия городских режимов;
5. Определён новый актуальный предмет географического исследования – изменения городского пространства под воздействием городских режимов.

Личный вклад автора состоит в разработке новой методики исследования городского пространства, позволяющей обнаружить влияние городских режимов и изменения в результате этого влияния. С этой целью автор собрал и проанализировал собственную уникальную базу экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге (n=94), проведя верификацию данных через экспертный опрос. Дополнительно автором проведён отбор и подробный анализ кейсов общественно значимых проектов трансформации городской среды в разных городах России, графически отражён процесс трансформации городского пространства. Автор провёл собственное исследование, включившее экспертный опрос, контент-анализ, кейс-анализ, создание картосхем и геоинформационных систем (ГИС). Картосхемы построены в программах CorelDraw X7 и CorelDraw 2017, табличные данные обработаны в Microsoft Excel и SPSS.

Практическая значимость исследования состоит во внедрении нового инструмента исследования и прогнозируемости городских изменений. Методика позволяет считывать конфликтные и кризисные процессы в городском пространстве, определять в динамике направления развития городских пространств. Выявляются проблемные локации, нуждающиеся в особом внимании городской власти и общества, моделируется динамика изменений городского пространства. Применение результатов исследования в работе органов власти поспособствует снижению общей

конфликтогенности городских пространств, нейтрализации городских конфликтов на ранних стадиях проявления. Материалы исследования могут быть использованы при выработке концептуальных направлений городской политики и подготовке законопроектов, связанных с устойчивым развитием городов, градостроительным планированием, инвестиционными проектами и защитой зелёных насаждений. Также исследование может быть полезно как образовательный материал для урбанистов, политологов, географов, социологов, экономистов, других представителей научного сообщества.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Городские режимы как системы взаимодействий акторов воздействуют на направления трансформации пространства российских городов, изменяя его урбанистическое наполнение. Трансформация городских пространств имеет общие географические и хронологические особенности проявления в крупных российских городах, заданные рамками и направлениями поведения власти, бизнеса и общества.

2. Трансформация городского пространства под воздействием городских режимов выражается в появлении новых функций и морфологических особенностей городского развития, диффузии конфликтных зон взаимодействия акторов из центра на периферию, возникновении, изменении, переносе или отмене общественно значимых проектов изменения городской среды.

3. Воздействие городских режимов на трансформацию пространства российских городов, в основном, связано с постепенным переходом российских городов от режима роста к прогрессивному режиму среднего класса. Этот переход сопровождается ростом роли общественного активизма, появлением нового баланса интересов акторов. В ходе этого процесса нарастает число городских конфликтов и общественно значимых проектов трансформации городской среды – примеров столкновения интересов вовлечённых сторон: общества, бизнеса и власти. В результате происходит заметный процесс трансформации функционального назначения городского пространства от коммерческо-делового к общественно-рекреационному.

4. Трансформация городского пространства имеет типологические особенности в зависимости от характера воздействия городских режимов, которые могут быть применены для любого российского городского пространства. Трансформация пространства может различаться по преобладанию интересов акторов, местоположению, характеру смены функции пространства, числу смен направленности трансформации, продолжительности, масштабу влияния акторов и резонансу в СМИ.

5. Существуют универсальные принципы и закономерности трансформации современного российского городского пространства под воздействием городского режима, подробно описанные в настоящей работе. Они отражают наиболее характерные пути городского развития при разных городских режимах, основные пространственно-временные черты воздействия городских режимов, взаимосвязь динамично изменяющихся акторных интересов и эволюции городского пространства.

Степень достоверности и апробация работы. Научные положения и выводы исследования получили отражение в выступлениях автора на научных конференциях международного и всероссийского уровня, таких как: XVII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен» (Екатеринбург, 2022), Международная конференция, посвящённая 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ (Санкт-Петербург, 2022), Международная конференция СПбГУ «Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества» (Санкт-Петербург, 2023), XIII и XIV Международные ежегодные научные Ассамблеи АРГО (Тюмень, 2022; Улан-Удэ – Улан-Батор, 2023), Международный Арктический саммит «Арктика: перспективы, инновации и развитие регионов» (Санкт-Петербург, 2023), Международная конференция «XVII Большой Географический Фестиваль» (Санкт-Петербург, 2023), Научный семинар Института страноведения им. Лейбница (Лейпциг, 2021) и другие.

По теме диссертации опубликовано 13 научных работ на двух языках (русском и английском), из них в том числе 3 статьи в журналах, входящих в список Web of Science RSCI, ядро РИНЦ, ВАК России и «Белый список» РЦНИ, 2 статьи в журналах, индексируемых в базе данных Scopus и 1 статья в Web of Science Core Collection.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложений. Список литературы включает 305 наименований, 133 из которых – на иностранных языках. Работа изложена на 194 страницах, содержит 16 иллюстраций, 27 таблиц и 9 приложений.

Глава 1 описывает теоретико-методологические подходы к исследованию трансформации городского пространства, городских режимов и их воздействию на городские изменения.

В главе 2 обосновывается методика исследования случаев воздействия городских режимов на трансформацию городского пространства, исследуются примеры воздействия городского режима в разных российских городах, составляются пространственно-

временные модели такого воздействия, картосхемы трансформации внутригородского пространства под воздействием городского режима.

В главе 3 на основе исследования воздействия городских режимов разрабатывается типология трансформации городского пространства, выявляются принципы и закономерности этого процесса.

Благодарности. Автор благодарит за выбранный научный путь, многолетнюю поддержку и помощь в работе своего научного руководителя профессора Константина Эдуардовича Аксёнова. Отдельная благодарность за разработку идеи исследования Директору Института страноведения им. Лейбница профессору Себастиану Ленцу, докторам Института страноведения им. Лейбница Надиру Киноссяну и Владимиру Сгибневу, доценту Северо-Западного института управления РАНХиГС Сергею Андреевичу Хрущёву. Большое спасибо за постоянную поддержку семье, моей маме Надежде, папе Артёму. Автор признателен за помощь с анализом кейсов муниципальному депутату МО «Пороховые» Марианне Алфёровой и магистрам программы «Геоурбанистика» СПбГУ Ивану Котенко, Валентину Уссу, Аскару Бахтиярову, Мартину Манёрову и Алексею Коськину, развившими многие идеи исследования. Большая благодарность аспиранту БФУ им. Канта Роберту Гресю, докторанту Арктического Университета Норвегии Эдуарду Хачатряню, аспиранту ЕУ СПб Дмитрию Диденко, аспиранту ИО РАН им. Ширшова Виталию Шармару, старшему преподавателю кафедры гидрологии суши СПбГУ Дмитрию Банцеву за полезные идеи по оформлению картографических материалов, подходам к завершению оформления работы. Автор высоко ценит вклад экспертов и консультантов исследования – профессора Анатолия Ивановича Чистобаева, Ильи Матвеева, Михаила Демидова, Светланы Дубровской, Станислава Лачининского, депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга Бориса Вишневого, Марины Шишкиной, Надежды Тихоновой и Михаила Амосова. Выражаем признательность Центру городских технологий и пространственного развития СЗИУ РАНХиГС и лично Сергею Михайловичу Зимину и Арине Сендер, Управлению научной работы СЗИУ РАНХиГС и лично Павлу Савельеву, кафедре рационального природопользования РГПУ им. А.И. Герцена и лично Андрею Дрегуло и Николаю Бобылёву, а также Феликсу Плескачевскому, Владимиру Жилину и Евгению Баркову. Отдельная благодарность за совместную работу над публикациями, ставшими методологическим прологом работы – Игорю Ходачеку, Максиму Андрееву и Кириллу Дельве. Исследовательская часть была частично поддержана Национальным фондом естественных наук Китая (№ 41871154), «Адаптивное управление регенерацией городов: сравнительное исследование между Гуанчжоу и Санкт-Петербургом», а также грантом

Российского научного фонда № 23-27-00034. Автор выражает признательность Санкт-Петербургскому государственному университету, профессорско-преподавательскому составу и сотрудникам за возможность проведения данного исследования.

Глава 1. Основные теоретико-методологические подходы к исследованию трансформации городского пространства под воздействием городских режимов

1.1. Основные теоретико-методологические подходы к исследованию трансформации современного российского городского пространства

Городское пространство как объект исследования существует как базовая единица географической науки с самого начала ее формирования (Страбон (пер.), 1879; Tardieu Amédée, 1886). Считается, что современный город воплощает в себе наиболее развитую существующую форму пространственной организации жизнедеятельности (Карпов, 2008). По выражению А. Трейвиша, город – это «фокус» стран и районов, центр концентрации деятельности и контактов, «глобальный коммутатор» (Трейвиш, 2009). Город сосредотачивает в себе основные социальные процессы, образцы культуры, архитектуры, инженерной мысли (Гутнов и Глазычев, 1990). Проблема изучения современного городского пространства лежит в области экономико-географических исследований (Семёнов-Тян-Шаньский, 1928; Haggett et al., 1977; Нефёдова и др., 2001; Трейвиш, 2009; Чистобаев и Висленёва, 2013, 2014; Савоскул и др., 2014), политической географии (Колосов и Бородулина, 2004; Pacione, 2009; Аксёнов, 2011, 2012; Коськин и др., 2021), поведенческой географии (Listengurt, 1975; Goodey & Gold, 1987), социологии (Lefebvre, 1991; Зеленов, 2000; Желнина, 2011; Тыканова, 2013), социальной географии (Harvey, 1996, 2003; Вендина, 2008), политологии (Logan & Molotch, 1987; Stone, 1989), экономики (Sassen, 2001; Санофф, 2015; Grossi & Pianezzi, 2017), архитектуры (Lynch, 1960; Rossi, 1984), георбанистики (Лаппо, 1987, 1997; Полян, 2014; Перцик, 2018) и других связанных отраслей научного знания. Автором исследовалась проблематика городских конфликтов и протестов (Галустов, 2016, 2022, 2023), идеологизации городского пространства (Галустов, 2013), городские общественно значимые проекты (Аксёнов и Галустов, 2022, 2023), практики общественного участия в городах (Галустов и др., 2021a, 2021b), вопросы развития городских общественных пространств (Андреев и Галустов, 2021).

На первом этапе настоящего исследования мы определяем основные теоретико-методологические подходы к трансформации современного российского городского пространства, так как в исследовании мы исходим из той предпосылки, что воздействие городских режимов предполагает не просто появление отдельных пространственных особенностей, а изменение сущностного содержания города (Аксёнов, 2014). В современных научных исследованиях данная проблематика затрагивалась лишь в частных аспектах и не формировала существенных географических обобщений (Тев, 2006;

Гельман и Рыженков, 2010; Тыканова, 2013; Тыканова и Хохлова, 2015, 2017, 2019, 2020; Чернышева и Хохлова, 2021; Коськин и др., 2021).

Применительно к предмету исследования ключевым элементом теоретической базы работы выступают наряду с теорией городских режимов выступают **теории городской трансформации** (например, Treivish et al., 1999; Rudolph, 2001; Sykora and Bouzarovski, 2012). Само понятие «**трансформация**» (от позднелатинского *transformatio* «преобразование, превращение, метаморфоза») означает «изменение, преобразование, превращение»¹. Поэтому, когда мы говорим о трансформации пространства, мы имеем ввиду изменение его характеристик. В марксизме слово «формация» означает стадию общественной и экономической эволюции (Marx, 2004; Илюшечкин, 2006), смена этой стадии является трансформацией. Поскольку в нашем исследовании мы говорим о российском городе, то нельзя не учесть тот факт, что Российская Федерация с общественно-экономической точки зрения находится на этапе постсоциалистической трансформации (Аксёнов, 2011), а значит любой город, принадлежащий к её пространству – постсоциалистический (также встречается «постсоветский»). Это понятие включает города всех стран, оказавшихся на этапе «транзита» из социалистической в капиталистическую общественно-экономическую формацию, начиная с конца 1980-х годов. Феномен постсоциалистического города активно дискутируется в современной социологической и географической науке (Schweitzer & Stephenson, 2007; Аксёнов, 2012; Зубаревич и Сафронов, 2013; Hirt, 2013; Gel'man, 2015; Ferenčuhová and Gentile, 2016; Kronenberg et al., 2020 и др.).

Существуют также и более частные исследования: в части анализа городских трансформаций – в сфере теорий геоурбанистики (Аксёнов, 2012; Перцик, 2018); городских конфликтов – политической конфликтологии (Шмелева, 2008; Тыканова и Хохлова, 2014); формирования коалиций – социологии общественных движений (Zald et al., 1980; Здравомыслова, 1990; Byron, 2000; Goldstone, 2004; Goodwin and Jasper, 2004; McAdam, 2004; Della Porta and Diani, 2006; Tarrow, 2011; Санофф, 2015); их взаимодействия – политической социологии, социологии города (Щипанов, 1999; Зеленев, 2000; Артёмов, 2002; Парк, 2002) и правоведения (Parchomovsky, 2006; Медведев, 2016; Клюканова, 2019; Akkermans, 2020a; Капри и Маттеи, 2021). Вопросы символической и топонимической трансформации города поднимаются в исследованиях В. Тхакахова (2017, 2021).

¹ Академический толковый словарь русского языка // Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под редакцией Л. П. Крысина. М.: ЯСК, 2016. 668 с. Интернет-ресурс: <https://sanstv.ru/dict/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (Дата обращения: 1.02.2023).

Для целей нашего исследования мы во многом ориентируемся на подход Миллса, который делает акцент на том, что для исследования трансформации городского пространства нужно объединить географическое и социологическое восприятие пространства (Миллс, 1998; Wilkinson, 2012). По мнению Харви (2018), социологическое представление не учитывает специфику мира и пространства, где развивается общество. А географы в силу своих пространственных представлений, если не будут учитывать социологический аспект, будут создавать пространства, непригодные для жизни людей (Харви, 2018). Для географа при исследовании города важно освободиться от доктрины простых картосхем и глубже исследовать сложную социальную организацию (Webber, 1963, с. 54). Поэтому наш подход исходит из комбинации географических и социологических методов исследования. С опорой на идеи Миллса (1998) и Харви (2018) мы связываем воедино пространственное сознание (восприятие пространства и места, отношение к окружающему пространству) и социологическое (интересы людей и социальные явления). В нашем исследовании мы анализируем пространство вне отрыва от тех социальных процессов, что в нём происходят. Городское пространство выступает неотъемлемым элементом жизни общества, а его деятельность осуществляется в рамках пространства.

По В. Семёнову-Тян-Шаньскому (1928) «пространство» — это совокупность мест действия физических или психических явлений. Его размеры (масштабы) не ограничены, любые ограничения теряются как в бесконечно малых пространствах, так и в бесконечно больших. Э. Сойя полагает, что пространство состоит из реального и воображаемого. «Реальное» пространство — это физическое пространство, включающее здания, дороги и прочие материальные объекты, «воображаемое» пространство, задуманное человеком и конструируемое в сознании, образах и истории, а также «реальное-и-воображаемое» пространство, проживаемое пространство представлений или «третье пространство» (Soja, 1989). А. Лефевр обращает внимание, что новое знание о пространстве одновременно учитывает прошлое и смотрит в будущее, помогая понять, как именно общества порождают пространство. Лефевр полагает, что свойства пространства являются лишь культурными конструктами (Lefebvre, 1991).

К. Аксёнов (1993, 2014) выделяет проблему различия физического и общественно-географического пространства. Физическое пространство возможно измерить, оно имеет границы и более структурированные методы анализа, это «контейнер для материи, объектов и процессов» (Елацков, 2012). Общественно-географическое пространство является более гибким понятием, оно не отражает размер объекта, а отражает масштаб события, которое произошло в рамках того или иного физического пространства. При

этом оно может не иметь жёстких границ, такое пространство имеет определённый набор изменяющихся пространственных факторов и является **динамической категорией**, способной изменяться во времени. Аксёнов не рассматривает пространство, абстрагируясь от времени, явно увязывая эти элементы в единый пространственно-временной подход. Такие пространственно-временные модели уместно рассматривать для анализа различных общественно-географических явлений (Аксёнов, 1993, 2014).

Если пространство является динамической категорией, то его трансформация и является процессом его изменения во **времени**. Согласно Родоману (2017), современная география не может отказываться от изучения движений, динамики, исторических изменений (Родоман, 2017). Динамическая статика в географии объясняет неподвижные объекты (в нашем случае городское пространство) как результаты, продукты, конечные и начальные пункты, узлы, формы, моментальные состояния процессов, перемещений, движений, потоков (в случае нашего исследования это отражение смены городских режимов и их отражение в пространстве). Базовой частицей времени выступает **«событие»**, определяемое как первичное изменение сущности общественного явления (Аксёнов, 2014).

Географическая наука рассматривает пространство на разных таксономических уровнях (Метелева, 2011), в свою очередь, трансформация в состоянии динамически изменять сущность пространства на разных уровнях. **Макроуровнем** трансформации можно назвать совокупные изменения свойств пространства на общестрановом и глобальном уровне (Юсим и др., 2015). Такой тип трансформации может описывать изменения формаций в целом (например, смена капитализма на социализм). **Мезоуровень**, как правило, исследователями определяется как региональный уровень (Зелинская, 2012), активно используется в исследованиях региональной экономики (Kirdina-Chandler, Maevsky, 2020). В нашей работе мы, в основном, рассматриваем трансформацию на **микроуровне** – уровне конкретных территорий, районов, обобщая полученные результаты для городского пространства в целом. Трансформация на макроуровне чаще всего задаёт общий тренд для трансформации на нижестоящих ступенях, результаты макротрансформации закрепляются в пространстве, но имеют свои индивидуальные особенности на разных микроуровнях (Куричева и Куричев, 2018).

Родоман (1999) указывает, что под действием внешних факторов объекты могут **менять свои местоположение, свойства и функции** (принцип «давления места»). Согласно Аксёнову (2014), исследовавшему трансформацию на разных уровнях общественно-географических явлений, трансформация места сопровождается ещё и заменой породившей его сущности. Значит трансформацию пространства можно

определить, как «**драматическое изменение свойств пространства и исчезновение его сущности**». Трансформация полностью видоизменяет сущность места-пространства и заменяет его на принципиально новое (Рис. 1.1; Аксёнов, 2014).

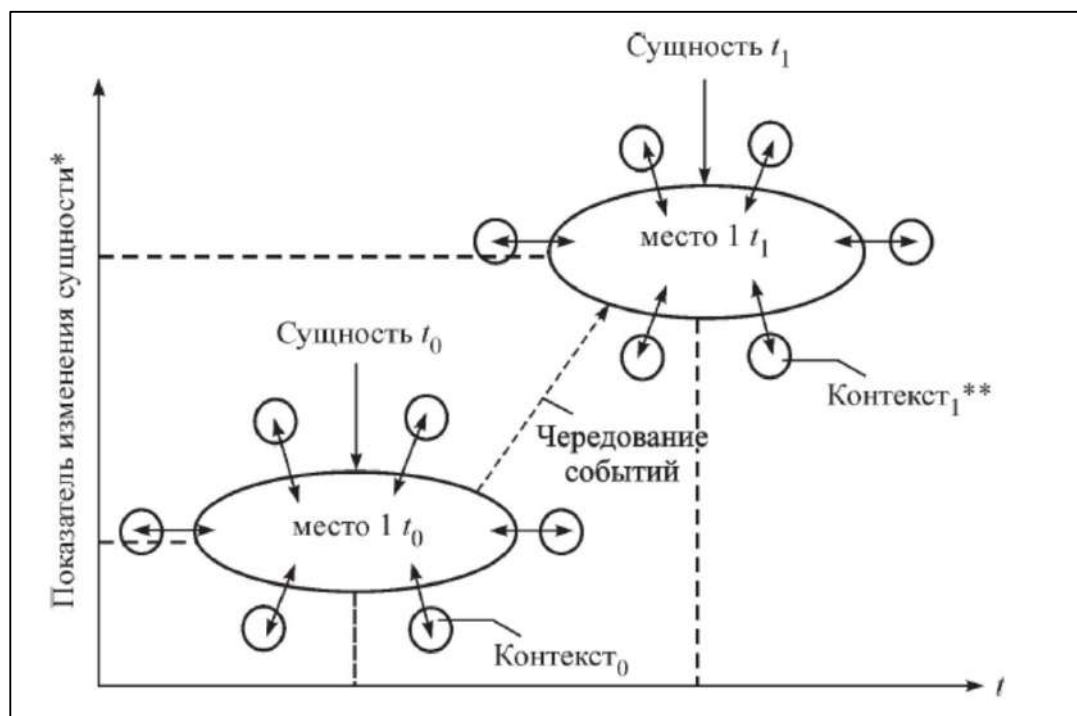

Рис. 1.1. Процесс трансформации места (Аксёнов, 2014)

Согласно Л. Сикоре и С. Бузаровскому (2012), для трансформации постсоциалистического города (к которым можно отнести и российский город) характерны три сущности – трансформация институтов, социальных практик и морфологии городского пространства. Эти трансформации могут происходить разнонаправленно и с разной поступательной скоростью, однако чаще всего они взаимоувязаны между собой. Исследователи утверждают, что, несмотря на окончание институциональной трансформации, остальные типы ещё продолжаются в постсоветских городах (Sýkora & Bouzarovski, 2012). Мы рассматриваем процесс городской трансформации с точки зрения новых градостроительных тенденций и результатов, которые отражают взаимодействие в целом изменившихся институциональных акторов и активно меняющихся социальных практик в морфологии городского пространства. В отечественной литературе проблемы социальной трансформации пространства современного российского города и её связи с городской морфологией (джентрификацией и редевелопментом) исследовались географами Махровой и Голубчиковым (2012, 2013). Социолог Мокроусова (2012) увязывает трансформацию пространства с социальными переменами, которые в нём происходят.

По словам Аксёнова (2011), сегодня российские города на макроуровне проходят постсоциалистическую трансформацию – последнюю комплексную трансформацию городского пространства в современной истории. Количество новых или сменивших свою сущность пространственных объектов и систем за это время было максимальным, результаты этих трансформаций закрепились в городском пространстве (Аксёнов, 2011). Постсоциалистическая трансформация в России, начиная с начала 1990-х годов, объединяет в себе целую череду общественно-географических событий, связанных с изменением функций различных общественно-географических мест. Новые градостроительные результаты, появившиеся в городском пространстве в результате такой трансформации, являются предметом внимания настоящей работы. Максимально приближенным к предмету исследования является понятие «редевелопмент», которое предполагает изменение функционального назначения в ходе трансформации, в результате чего пространство приобретает качественно новые свойства, более гибкие к текущей конъюнктуре (Gotham, 2001; Weber, 2002). Поэтому для целей настоящей работы трансформация городского пространства рассматривается с позиции **трансформации городской морфологии и изменения функционального назначения городского пространства.**

Процессы трансформации, которые мы исследуем, рассматриваются через призму современного российского городского пространства, однако стоит отметить, что исследование не претендует на обзор всего множества российских городов. Говоря о современном российском пространстве, мы акцентируем внимание именно на том, как воздействие городских режимов способно проявлять себя в разных российских городских локациях, какие пространственные, морфологические изменения происходят под этим воздействием.

Впервые проблемы развития и трансформации городского пространства стали активно исследоваться в зарубежной академической науке (например, Stone, 1989; Лефевр, 1991; Harvey, 1996, 2003). Поэтому, по мнению Мюллера, возникающие на постсоветском пространстве «периферийные» городские исследования конкурируют с уже существующим «ядром» западной науки (Müller, 2019). Под словом «западный» мы понимаем, прежде всего, американскую и западноевропейскую науку (Великобритания, Франция, ФРГ), то есть науку развитых (согласно классификации ООН²), капиталистических стран.

² Классификация стран ООН, 2014. Интернет-ресурс: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2014wesp_country_classification.pdf (Дата обращения: 15.01.2023).

Феномен развития современного города в большинстве западных работ объясняется с позиции неолиберальных и неомарксистских теорий (Kinossian & Morgan, 2014). Неолиберальные теории, как правило, объясняют городское развитие с позиций понятий развития, качества управления и институтов. Согласно О. Голубчикову, неолиберализм стал нарративом и «стандартной» рамкой анализа для исследований всех городов на постсоциалистическом пространстве (Golubchikov, 2010). Сьёберг и Мюллер (Sjöberg 2014; Müller, 2019) в своих работах отмечают значительный недостаток оригинальных концепций и теорий, объясняющих феномен трансформации постсоциалистического города и характера его управления. Сьёберг также отмечает характерную проблему «местничества» и недоступности «периферийных» исследований – научная литература в области городских исследований остаётся в своём регионе, имея ограниченные возможности выхода на более широкую международную аудиторию (Sjöberg, 2014).

Как отмечает А. Трейвиш, города России представляют особую сложность для научного анализа – это асимметричный «архипелаг» островов в океане внутренней периферии (Трейвиш, 2009). В. Каганский отмечает, что в России с советского времени общество в гораздо большей степени тождественно с государством (чем в США – прим. Автора) и оно же формирует пространственные структуры (Каганский, 2012). Всё в пространстве *«статусно дифференцировано»*, что предопределяет мощную административно-региональную структуру, которой свойственны жёсткость и монополизм (Каганский, 2012). Российский город как явление представляет ещё слабо изученное направление, являясь в своём роде «отклонением от научной нормы», то есть не вписывающимся в обоснования традиционных теорий городского пространства (Ferenčuhová and Gentile, 2016, 484). Именно в этой связи мы используем накопленный опыт исследований в разных странах, даже с оговоркой, что не все теоретические модели одинаково к ним применимы.

Следует отметить, что экономика и политика России заимствует как некоторые рыночные черты западных государств, так и включает отдельные особенности государственной советской системы (Offe, 1991). Клаусом Оффе был выдвинут тезис о том, что сама природа постсоциалистического транзита закладывает огромные противоречия (Offe, 1991). По словам И. Матвеева, после 2014 года в России стала проводиться политика, для которой интересы капитала второстепенны по отношению к идеологической мобилизации и внешнеполитической повестке (Матвеев, 2017; Матвеев, 2019). Это особенно любопытно с учётом того, что неолиберальный взгляд на «транзит» не признает разных путей и результатов этого перехода: например, демократии,

авторитаризма и сложных случаев «посередине». Для него характерна гомогенизация по стандартному «вестернизированному» образцу. Однако, очевидно, что не все рецепты гомогенизации одинаково реализуются в разных странах, работают и обратнаправленные тенденции.

По мнению Гэдди и Айкса (2013), в российском случае существуют некоторые ограничения для «стандартного» анализа трансформации городского пространства. Первое – это унаследованная от СССР производственная структура как особый вид физического и человеческого капитала, накопленный в советское время, так и способ их распределения, включая особое, «нерыночное» пространственное размещение городов и их инфраструктуры. Второе влияет на города в меньшей степени – это значительная нефтяная зависимость, что означает необходимость распределять ренту между производственными предприятиями, которые используют этот унаследованный физический и человеческий капитал (Gaddy and Ickes, 2013). Согласно Кроненбергу и Швайцеру, в современном российском городе приоритеты городской повестки начинают смещаться от социальных к экономическим (Kronenberg et al., 2020) и экологическим (Schweitzer & Stephenson, 2007).

Несмотря на то, что в России регулярно декларируется и открыто не отвергается «широкая» повестка политической модернизации пространства (включающая в себя демократизацию и расширение политических свобод), она либо откладывается, либо сводится к нулю, как это наблюдалось в период начала 2010-х гг. (Gel'man 2015, 460). Вопреки западной партисипаторной культуре для России по-прежнему во многом более характерны патриархальная (провинциалистская) и подданническая культура (Almond & Verba, 1965). Согласно Киноссяну и Моргану (Kinossian & Morgan, 2014), в пространственном отношении такая культура часто характеризуется глобальной экономической периферийностью и отсталостью. Ослунд называет это «родовой, плутократической и нефеодальной системой» (Åslund 2019, 232). Патерналистское сознание общества, связанное со значительным периодом авторитарных и тоталитарных политических режимов, является ограничением для формирования культуры активного общественного участия, широких демократических процессов в российских городах, что также является ограничением путей трансформации. Решение городских проблем, как правило, не является прерогативой местного населения, множество функций делегировано государству (Вагин и др., 2015; Шульга и др., 2017). Очень часто государственные проекты остаются драйвером регионального развития. Эта ситуация является характерной для российского города XXI века. Несмотря на это, в нашем исследовании мы показываем, что в крупных городах в 2010-е годы можно встретить очень сильные

локальные сообщества и локальную культуру общественного участия (Галустов, 2016; Желнина и Тыканова, 2019; Ходачек и др., 2020; Галустов и др., 2021a).

По мнению К. Аксёнова (2011), нет ясного ответа на вопрос навёрстывают ли восточноевропейские города (в том числе российские) отставание в развитии от западных или развивают собственные структуры. Неолиберальные теории модернизации и «вестернизации» связывают процесс развития российских городов с рыночной экономикой и демократическим развитием, и, это означает, что в перспективе они пройдут «западные» пути развития, хотя и с определённой задержкой (Тихонова, 2011). Однако, существует и ряд исследовательских подходов, подчёркивающих уникальный путь развития городов (Трейвиш, 2009; Бурлина, 2019; Бедерсон и Шевцова, 2021). Объектом нашего исследования является пространство крупного российского города, где, согласно Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронову (2013) наиболее заметен разрыв «центр – периферия», а городская политика зависит от сложного характера взаимодействий её акторов (режимов). Поэтому данное исследование фокусируется только на тех результатах трансформации морфологии и функций городских пространств, которые произошли благодаря воздействию городских режимов.

1.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию городских режимов, их проявлению и воздействию на трансформацию городского пространства

Как уже было сказано, с развитием институтов бизнеса, гражданского общества и в условиях реформирования политической системы интересы основных акторов – носителей особых интересов становятся склонными к быстрым изменениям. Это непосредственно ведёт к тому, что между акторами возникают взаимодействия, которые в значительной степени могут менять характер городского пространства. Как отмечал Анри Лefевр, все акторы так или иначе борются за право производства пространства и его изменения в своих интересах (Lefebvre, 2002). По словам Дэвида Харви, в городском пространстве обществу приходится объединяться и защищать «право на город» (Harvey, 2003), которое, в свою очередь, приходится отстаивать в постоянном взаимодействии с властью и бизнесом.

Под **акторами** в исследовании понимается три крупных группы игроков в городском пространстве – власть, бизнес и общество (Waddel & Brown, 1997). У каждого из акторов могут существовать различные представления о том, как городское пространство должно использоваться (Brown & Timmer, 2006). Под «властью» мы

понимаем аналог английского термина «government», который обозначает группу людей, управляющую организованным сообществом, в нашем случае городом. Этот актор обладает исключительным правом издавать законы и контролировать их соблюдение, принимать окончательные решения относительно использования городского пространства (Smelser & Baltes, 2015).

«Бизнес» в контексте исследования – это сообщество предпринимателей, куда входят, прежде всего, девелоперы, застройщики, инвесторы и прочие субъекты, имеющие коммерческие интересы в использовании городского пространства. Главной целью бизнеса является извлечение прибыли (дохода), развитие собственного дела, увеличение масштаба результатов предпринимательской деятельности (Gold, 1990; Cugurullo, 2013).

Под «обществом» в исследовании понимается сложившаяся в городском пространстве конфигурация городских сообществ, то есть всех людей и групп людей, проживающих в городе. Каждое городское сообщество может обладать собственным интересом, поэтому поведение разных частей общества может быть разнонаправленно (Andersen N., 2013). По мнению Харви, общество стремится использовать городское пространство, которое является для него ресурсом (Харви, 2018). Однако, общество как актора отличает отсутствие прямого коммерческого интереса (как у бизнеса) и прямых рычагов управления городским пространством (как у власти). Поэтому, несмотря на максимальную близость «к городской земле», общество имеет очень ограниченный набор инструментов влияния на трансформацию городского пространства (Anderson E., 2013).

Закономерности и эффективность взаимодействий между тремя основными городскими акторами анализирует так называемая «теория» (или концепция) городских режимов (или городских политических режимов) (Stone, 1989; Fainstein, 1994; Dowding et al., 1999; Dowding, 2001; Ледяев, 2008; Саматарёва, 2017 и др.). Из современных городских теорий она представляется нам во многом универсальной, так как с одной стороны, классический экологический подход чикагской школы объясняет социальные процессы с точки зрения «невидимой руки рынка» (Burns, 1980; Bishop, 1995). С другой, левая марксистская философия работает в рамках отношений «эксплуататор – работник», которая не объясняет роли представителей современного общества, не являющихся наёмными работниками, а также сложного комплекса отношений власти и «бизнеса-буржуазии» (Трубина, 2011; Примаков, 2022).

В ходе исследования мы столкнулись с множественностью трактовок самого понятия «режим». Слово режим (от фр. «regime», лат. «regimen») переводится в широком смысле как «условия работы, деятельности», «взаимодействия», «существование чего-либо», «проявление чего-либо», «система правил», «распорядок жизни», «образ жизни»

(Ушаков, 1940). В более узком смысле под «режимом» понимают «управление, командование, систему управления» (Шамсунова, 2001). В политологии наиболее распространена трактовка режима как «государственного строя, государственной системы» (Марченко, 2010). Существуют ещё такие объяснения режима как «способ (метод) преобразования», «распорядок, жизненный уклад», «система правил, взаимодействий» (Попова, 2017). Краснер (1983) отмечает, что под режимом в общем смысле правильно полагать «совокупность принципов и норм, **формальных и неформальных взаимодействий**» (Krasner, 1983; Шанин, 2008). В механике режимом называют «рабочее состояние механизмов» (Свищев, 1994), а П. Капица применительно к температурному режиму указывает, что для того, чтобы можно было изучать режим, он должен сначала установиться (Рубинин, 1985) – то есть важным фактором существования режима является возможность его установления. Значительный набор трактовок смысла этого слова зачастую вводит в заблуждение. В нашем исследовании мы рассматриваем понятие режима в самом широком смысле этого слова. Суть понятия сводится к **«системе взаимодействий, отношений, формальных и неформальных правил, соблюдаемых в образе жизни»**. На следующем этапе необходимо объяснить, как связаны понятия «города» и «режима».

Автор теории городских режимов Кларенс Стоун в своём классическом определении описывает городской режим как **«совокупность договорённостей или отношений, реализуемых в действии акторов, образующих коалицию, с помощью которых осуществляется управление общностью»** (Stone, 1989). В своей работе «Regime Politics. Governing Atlanta. 1946-1988» (Stone, 1989) он на примере г. Атланта (США) доказывает, что сложившаяся в нём система управления в полной мере зависит от **неформальных взаимоотношений городской администрации и бизнес-сообщества**. И далее эта система взаимоотношений углубляется в зависимости от «степени знакомства, приближенности» власти и бизнеса, позволяет выстраивать систему, которая находится «за спиной» формального управления. Городской режим начинает формироваться лишь тогда, когда в городском пространстве во взаимодействии акторов начинают возникать пересекающиеся интересы (Paradopoulos, 1996). По выражению А. Пападопулоса (1996), «режимы – это **«software»** (система взаимодействий), который необходим для построения **«hardware»** (градостроительного результата в городской среде).

В современной отечественной литературе устойчивый англоязычный термин Стоуна «urban regime» имеет несколько вариантов переводов (Аксёнов и Галустов, 2022). Встречаются понятия «городской режим» (Трубина, 2011), либо «городской политический режим» (Ледяев, 2008), что на английском языке в концепции Стоуна не разграничено.

Однако же, на наш взгляд, термин «городской режим» имеет более широкую трактовку и точнее описывает отношения и взаимодействия, формирующиеся в городе, к которым могут относиться отнюдь не только политические, но и экономические, социально-культурные. Формирование коалиций и смена режимов также могут быть вызваны неполитическими причинами и подразумевать не только политические процессы. В этой связи для целей настоящей работы, направленных на **анализ городских режимов с точки зрения воздействия на трансформацию пространства**, мы используем термин **«городской режим»**.

Кларенс Стоун предложил первую **классификацию** основных типов городских режимов (Stone, 1989; Ледаев, 2008). Городской режим может быть постоянным, но под влиянием изменения интересов и возможностей акторов проявляется его динамика и режимные взаимодействия трансформируются. Именно на эту классификацию мы, в основном, будем ориентироваться в нашем исследовании:

1. Режим статус-кво. При такой форме акторы максимально заинтересованы в **сохранении баланса** и не вносят никаких идей по изменению городского пространства. Основной принцип – «лучше ничего не делай, лишь бы не стало хуже». Стоун увязывает возникновение такого режима с экономическими причинами, считая, что вероятность режима растёт с уменьшением масштаба городов. «Статус-кво» максимально тормозит любую диффузию инноваций в городском пространстве. В более расширенной типологии Стоукера и Моссбергера (1994, 2001) режим «статус-кво» называется «режимом-сторожем». Такой режим был во многом характерен для большинства небольших постсоветских городов в первый период постсоциалистической трансформации (1990-е годы), когда только появляются бизнес и общество как акторы нового коалиционного управления.

2. Режим роста. Данный вид опирается на концепцию Х. Молотча и Д. Логана под названием «машины роста» (Molotch, 1976; Logan & Molotch, 1987). «Рост» рассматривается как совокупность экономических показателей, включающих увеличение населения, новое строительство, активизацию деловой жизни (Molotch, 1976). Режим роста формируется в формате кооперации власти, бизнеса или общества (Papadopoulos, 1996) в интересах быстрого экономического роста города. Именно такой режим позволяет ощутить выгоды от взаимной кооперации, поэтому создаёт необходимость консенсуса между заинтересованными сторонами. Чаще всего такие коалиции формируются между властью, бизнесом и примыкающими к ним проектными, сервисными организациями, архитекторами. Типология Стоукера и Моссбергера (1994, 2001) называет такой режим «режимом развития» или «инструментальным режимом».

С. Элкин также обосновывает необходимость внутреннего подразделения «режима роста». Он выделяет плюралистический, федералистский и предпринимательский режимы (Elkin, 1985, 1987).

2.1. Плюралистический режим возникает при слабой зависимости власти от бизнеса, связанной со значительными материальными ресурсами власти, в силу чего бизнес не имеет сопоставимого потенциала влияния в иных сферах общественной жизни. Такие режимы наиболее характерны для городов с пёстрой национальной структурой (Elkin, 1985). Для плюралистического режима характерно повышение эффективности использования земли в центре города (джентрификация) и улучшение транспортных связей с периферией. Во многом такой режим характерен для Москвы рубежа 1990-2000-х годов.

2.2. Федералистский режим характерен для городов, сильно зависимых от дотаций федерального центра (федеральных целевых программ, целевого финансирования и т.п.). Такого рода режим характерен для территорий, испытывающих определённый кризис «модели роста», когда первостепенную важность приобретают **социальные проблемы** (образование, рабочие места, сервис), которые выходят на первый план по отношению к активному использованию городского пространства (Stoker, 1989).

2.3. Предпринимательский режим характерен для тотального преимущества бизнеса в процессе принятия решений, это наиболее явная форма «машины роста», которая ставит городскую экономику в явный приоритет над городской политикой. Приоритеты городской политики при таком режиме реализуются практически всегда в соответствии с представлениями частного капитала (Elkin, 1987; Ледяев, 2008).

3. Прогрессивный режим «среднего класса» возникает на экономически развитых территориях, где общество начинает всерьёз противостоять издержкам, возникающим на ниве идей «роста». По мнению Стоуна, для такого режима является необходимым существование **«активного среднего класса»** (активного гражданского общества) с существенным количеством свободного времени (Stone, 1989). Общей кооперационной повесткой для общества становится тема экологии, антимилитаристская проблематика, охрана культурного наследия, городская мобильность (Шпаковская и Чернова, 2017). Проявлением существования прогрессивного режима в городе является развитие «культурных индустрий», новых общественных и креативных пространств (Хезмондалш, 2014; Власова, 2021). Обычно движущей силой режима являются госслужащие, фрилансеры, работники социальной сферы, чьё благосостояние непосредственно не связано с ростом. По мнению Н. Зубаревич, «именно в городах концентрируются люди с более высокими доходами, высоким уровнем образования, более

высоким человеческим и социальным капиталом» (Зубаревич, 2015, с. 34). Как правило, прогрессивный режим возникает на противодействии общества стратегиям роста власти и бизнеса. При этом не всегда одно лишь наличие общественного активизма приводит к прогрессивному режиму, для этого необходимо снижение общих объёмов делового строительства, смещение городской повестки в пользу социального и экологического функционала (более подробно в Таблице 1.1). Также в концепции Стоуна отмечается, что именно наличие «среднего класса» означает эффективную стратегию участия общества (Stone, 1989). Власть с гораздо большим успехом отражает участие бедных слоёв населения против проектов городского строительства, реновации, экологических изменений.

Согласно типологии Стоукера и Моссбергера (1994, 2001) частным случаем «прогрессивного режима» является так называемый «символический режим», который направляет интересы участников городских коалиций на идеологию или имидж города (примером может быть проведение Олимпиады и Чемпионата мира по футболу, торговый бренд города – «выставочные города» Лейпциг, Ганновер, «ганзейские города» Гамбург и Любек и проч.). Для символического режима важно, чтобы город стремился к изменению имиджа и идентичности местных сообществ (Борисова, 2010).

Режимная коалиция может комбинироваться из различных союзов – в самой простой модели существует три актора: власть, бизнес и общество. Однако, иногда к ним можно добавить также религиозные организации, которые выступают со своей повесткой или крупные государственные корпорации, интересы которых могут находиться вне линии поведения региональной власти и бизнеса. Коалиции акторов, на которых базируется понятие городского режима, играют важную роль в динамике городской политики и её результатах (Stone, 1993). Важно отметить, что и сами городские режимы динамичны и способны меняться в зависимости от изменений интересов коалиций.

Первые нарративы, связанные с исследованиями комбинаций участия разных акторов общественной жизни можно увидеть в ранних исследованиях институционального направления социологии (Г. Спенсер, П. Сорокин, Т. Мартонс). Некоторые институциональные теории (Р. Мертон, Ф. Ратцель) также отмечают возможность отличия страновой системы от общепринятой модели, что может адаптировать новую систему к существующему порядку. Также, включая теорию городских режимов в контекст географических исследований следует учитывать теоретический базис, связанный с попытками объяснять социальные явления через пространственный фактор (Г. Бокль, Т. Мальтус) (Громов и др., 2017).

Исторически модель городских режимов основана на исследованиях США (Stone, 1989; Stoker & Mossberger, 1994, 2001; Dowding, 1999, 2001 и др.). В Европе формы режимов могут не совпадать с вышеуказанной классификацией ввиду традиционно более высокой роли государства и меньшей бизнеса, менее выраженной капиталистической моделью (половина стран Европы, включая Россию – постсоциалистические), и, как следствие, меньшей зависимостью государства от институтов гражданского общества. В принципе роль государства в Европе заметно выше, особенно в постсоветских странах, что отмечает множество авторов (Di Gaetano, 1993; Ward, 1996; Davies, 2003).

А. Пападопулос (1996), исследовавший характер существования городских режимов в Европе (на примере Брюсселя), полагает, что в зависимости от общности интересов и политической повестки могут формироваться тактические «режимы кооперации» и существовать ровно столько, сколько существует общий интерес. Сообщества могут одерживать множество побед над коалицией власти и бизнеса до той поры, пока речь идёт о разрушении домов, фасадов исторических зданий, защищённых законом. Чем дольше длятся такие столкновения, тем сильнее проявляются процессы кооперации (Закирова, 2008). В таких случаях часто власть вынуждена прибегать к тактической коалиции. С обратной стороны на примере Брюсселя Пападопулос демонстрирует, что в случае крупных коалиций «власть – бизнес» (например, строительства офисных кварталов) сообщества проигрывают и тогда переходят в полную оппозицию к «машине роста» – «режиму сопротивления» (Papadopoulos, 1996).

Проблематика использования теории городских режимов для анализа процессов трансформации городского пространства в России (в том числе в сравнении с зарубежными практиками) присутствует и в отечественной литературе (Карпов, 2013; Тыканова и Хохлова, 2015; Хохлова и Тыканова, 2017; Пустовойт, 2018). Следует отметить, что сегодня существует множество современных социологических исследований по городским социальным практикам, общественному активизму и партисипаторности (Здравомыслова, 1990; Sabannes, 2004; Закирова, 2008; Санофф, 2015; Иванова и Зыкова, 2017; Колодий и др., 2017; Бахарев и Демина, 2019; Желнина и Тыканова, 2019). В литературе есть множество исследований по анализу эффектов от осуществления мегапроектов (Altshuler and Luberoff, 2004; Ансберг и Марголис, 2009; Dixon, 2010; Тыканова, 2013; Медведев, 2016), экологических, градостроительных и экокультурных протестах в городах (Ядов и др, 2008; Медведев, 2015, 2016; Галустов, 2016; Капри и Маттеи, 2021), управленческих практиках в данной сфере (Parchomovsky, 2006; Королева и Чернова, 2017; Шевцова и Бедерсон, 2017; Bell, 2018; Kessler and Wagner, 2020; Lifshitz, 2020; Akkermans, 2020b). В географических исследованиях также

существует ряд смежных работ, посвященных проблемам образа географического пространства, метагеографии и интеграции этих представлений в системах естественных и общественных географических наук (Замятин, 2003; Замятин, 2010; Замятина, 2022). Следует также отметить работы Калущкова (2020) о геоконцептах, раскрывающих ассоциативный образ места, пространственно-временных связей и ассоциаций.

Существует также ряд работ, посвящённых критике основ теории городских режимов. Так, Дэвис (2002) с неомарксистских позиций доказывает, что теория неубедительна по двум причинам. Она недостаточно структурирована и плохо объясняет, какое значение имеют местные политические процессы. В другой работе (Davies, 2003) он подмечает, что несмотря на моду копировать городскую политику США, институты городской политики в Великобритании, скорее всего, останутся совершенно иными, а значит стоуновские городские режимы могут не в полной мере подходить к другим странам. Ди Гаэтано (1993) это называет “localistic bias” – «локальной предвзятостью» теории городских режимов, вместе с тем, подчёркивая, что она неплохо объясняет режимные взаимодействия в городском управлении.

Схожей позиции придерживаются и некоторые другие работы, так, например, Вард (1996) также отмечает трудности переноса теории городских режимов на другую почву на примере США и Великобритании. Бёрнс (2003) считает, что усиление государственного участия происходит и в кросс-секторальных коалициях в США. Вард настаивает на том, что говорить о современной режимной трансформации приходится только при более точной типологизации городских режимов. Марк де Социо (2012) также отмечает, что роль государства в Великобритании иная, нежели в США. В силу существенной фискальной нагрузки со стороны региональных и национальных правительств европейских стран, роль государства здесь заметно ощутимее, чем роль бизнеса (De Socio, 2012). Во многом это относится и к российской практике.

Существует и ряд других работ, требующих упоминания в контексте исследования городских режимов. Так, Имброзио (2003) отмечает, что новаторская роль теории городских режимов во многом заставляет переосмыслить и основы научного знания в экономике и социологии. Дэвидсон и Ивесон (2015) с позиций разных теорий описывают, что город, благодаря существованию городского режима, становится политическим субъектом. И. Доэрти (Doherty, 2000) углубляет проблему применения типологии режимов в разных странах, на примере Великобритании затрагивая вопрос, как может проявляться режим в разных региональных институциональных условиях. В поздних работах Стоуна (Stone, 2005, 2015) уже отмечается, что успехи городских реформ во многом зависят от того, как действия правительства сочетаются с действиями

неправительственных организаций, вклада «неэлиты» (общества), а также от стратегической поддержки со стороны элит (бизнеса). Стоун ставит под сомнение, что в современных городах могут формироваться стабильные и сплоченные правящие коалиции, объединённые вокруг высокоприоритетной повестки дня (Stone, 2015).

Мы в своей работе поддерживаем аргумент Дэвиса (2003) и Де Социо (2012) о несколько ином характере модели режимного взаимодействия в европейских странах, а также в России, Китае, Индии, других развивающихся странах. Признаки изменения городских режимов здесь могут быть не столь явными, как это описано у Логана и Молотча в концепции «машин роста» (Logan & Molotch, 1987).

Развивая позицию Имброзио (2003) мы подчеркнём, что внедрение теории городских режимов в географические исследования также требует совершенно новых научных подходов и методов к изучению трансформации города, которые и разрабатываются в данной диссертации.

Непосредственно в **географии** теория городских режимов также представлена прежде всего в зарубежных исследованиях. Так, Кэтрин Хэнкинс (2015) исследует, насколько по-разному режимы могут проявляться в разных американских городах. Она указывает на то, что предварительное исследование особенностей места-города даёт гораздо более надёжный концептуальный инструмент для понимания современного городского политического ландшафта и позволяет точнее идентифицировать городской режим (Hankins, 2015).

Канадский учёный Элиос Треттер на примере шотландского города Глазго связывает воедино понятия географического масштаба, режимы и систему городского управления – **«urban governance»**. Основное отличие governance от традиционного government состоит в уходе от традиционного патрон-клиентского подхода к управлению и переходе к совместному «коалиционному», в рамках которого у каждого актора могут появляться рычаги воздействия на городское пространство. Смысл теории заключается в том, что сегодня для анализа решений, принимаемых в городе, недостаточно исследования управленческих решений власти. Важным становится изучение взаимодействий власти, бизнеса и общества, оказывающих влияние на принятие решений. Решение может приниматься под их непосредственным влиянием. По мнению Гая и Пьера (2012), такая концепция больше подходит для описания взаимосвязей между сложной современной организацией местного самоуправления, особенно в крупных городах, и столь же сложными местными общественными структурами (Guy & Pierre, 2012).

Треттер указывает на слабость теории городских режимов в том, что она недостаточно учитывает географическую категорию масштаба. Из-за этого упущения теория городских режимов имеет тенденцию недооценивать то, как эффективное управление городом может быть результатом взаимодействия людей на разных пространственных уровнях. Исследование Треттера демонстрирует, что способность правящей коалиции преобразовать город и эффективно управлять была следствием политики и административных действий, предпринятых в других географических масштабах (Tretter, 2016).

Обратимся к отечественным исследованиям городских режимов в российских городах. Ю. Пустовойт (2017) на основе работ Б. Ферман (Ferman, 1996; Ледяев, 2012) вывел собственную упрощённую классификацию городских режимов, адаптированную для анализа российской практики. По его мнению, характер городского режима определяется **масштабом города**, в котором уменьшение количества разных экономических субъектов приводит к установлению режима **«контроля»**, а увеличение к становлению режима **«координации»** (близкий к идее «режима кооперации» Пападопулоса). Режим «контроля» направлен на концентрацию властных ресурсов в одних руках, поэтому во многом близок понятиям субнационального авторитаризма и неопатримониализма. По мнению Пустовойта, такой субнациональный авторитаризм на городском и региональном уровне вполне может уживаться с демократическим «дизайном» страны (Пустовойт, 2017). Например, это наглядно демонстрируют примеры губернаторов «красного пояса» России в 1990-е годы (Колосов и Туровский, 1996).

Режим координации же представляет совокупность отношений участников, заставляющих их считаться друг с другом и действовать на основе безличных норм. Для координации в большей степени характерны понятия конкуренции, регламентации и полиархии (Пустовойт, 2017). Однако же, данная классификация городских режимов существенно ограничена концентрацией внимания на политических аспектах. В контексте трансформации городского пространства классификация Стоуна-Ледяева является наиболее релевантной для нашего исследования, так как по ней можно точнее идентифицировать роль и место каждого актора, более очевидна динамика городских режимов. Поэтому для исследования описываемых городских режимов мы будем использовать базовую классификацию «режим статус-кво – режим роста – прогрессивный режим среднего класса».

В России существуют также частные исследования, связанные с адаптацией теории городских режимов к исследованию российских городов. Так, социологи Анисья Хохлова и Елена Тыканова, в частности, указывают на сформировавшийся в Санкт-Петербурге

режим **«машины роста»** (термин Логана и Молотча) – тактического компромисса интересов власти и крупного строительного бизнеса. Эта «машина» подавляет прочих акторов, лишает их возможности голоса, а общество вынуждает искать пути консолидации с различными политическими группами, партиями, градозащитными организациями в целях повлиять на ситуацию (Тыканова, 2013; Тыканова и Хохлова, 2015). Стоун указывает на то, что такая ситуация может возникать только в условиях возможностей власти и бизнеса мобилизовать капитал. В таком случае даже ограниченный потенциал прибыли становится второстепенным фактором для формирования коалиционного режима. Географы Алла Махрова и Олег Голубчиков обобщают тенденцию к росту как универсальную для российских городов. Они называют российскую разновидность «машины роста» моделью **«городского антрепренерства»**, которое также предполагает погоню за прибылью и выкачку денег из градостроительных проектов (Махрова и Голубчиков, 2012).

В ещё более ранних работах социолога Д. Тева отмечается, что акторные взаимодействия сильно связаны с городским пространством. В городах, где у власти находятся «коалиции роста», крайне важное место занимает эффективное, рациональное использование недвижимости и неосвоенных пространств (Тев, 2006). Во многом поэтому дополнительным фактором становится историко-культурный, так как наибольшая вероятность подобного режима возникает в больших городах, которые имеют характерную историю и архитектуру, обостряющие конкуренцию за городское пространство (Jon & Cole, 1998; Тыканова и Хохлова, 2015). Проявлением формирования режима роста в 2000-е годы также является тесно переплетённая сеть между городской администрацией, а также крупнейшими финансовыми и строительными компаниями. Именно эти компании, благодаря связи с городским правительством, получают возможности политической гегемонии. Также растущая туристическая привлекательность города, его бренд и идентичность являются важнейшими факторами для формирования режима роста (Тев, 2006).

Режим роста («машины роста») являются вполне объяснимой предпосылкой трансформации пространства российских городов. Важнейшим структурным фактором формирования коалиций роста становится восстановительный экономический рост, в России он имел повсеместный характер в первой половине – середине 2000-х годов (Борисова и др., 2011). Согласно Д. Харви (2003), городское пространство притягивает капитал за счёт экстенсивного фактора развития (например, замещения

старопромышленных депрессивных территорий новым жильём, джентрификацией³), что позволяет бизнесу извлекать очень большие прибыли и всё время вкладывать средства в освоение или редевелопмент территорий. Вместе с этим, автоматического роста благосостояния горожан может и не происходить, более того, возможность их влияния на использование пространства быстро снижается. По Трубиной, они становятся «жертвами джентрификации» (Трубина, 2011). В том или ином масштабе это проявляется во всех странах постсоциалистической модели.

Отметим, что в нашем исследовании теория городских режимов используется как инструмент анализа, который позволяет увидеть способность различных акторов работать вместе над производством результата в городском пространстве (Stone, 1989). То есть городской режим в нашем случае это такая система отношений, которая в результате своих внутренних взаимодействий реализуется как градостроительный результат в городском пространстве. В своём исследовании на разных примерах мы на различных примерах демонстрируем, что городские режимы могут непосредственно воздействовать на трансформацию городского пространства.

Предпосылкой исследования является факт того, что вне коалиционного характера городской режим существовать не может, так как является плодом совместной деятельности зависимых друг от друга акторов (Ледяев, 2008). Мы также развиваем тезис Варда (1996) о важности типологизации городских режимов, считая принципиальным, чтобы эта типология не была оторвана от городской географии с её масштабной поливариантностью и локальной спецификой. В исследовании мы опираемся на тезис Треттера (2016) о различиях проявления городских режимов в разных географических масштабах, на этот же факт указывает Ю. Пустовойт (2017, 2019). Раскрыв основные аспекты теории городских режимов и её применения в географии, обобщим методологические подходы к проблеме.

Как было сказано выше, методологические подходы нашего исследования базируются на комбинации географических и социологических методов исследования с применением вспомогательных методов прочих наук. По словам К. Аксёнова, пространство выступает неотъемлемым атрибутом деятельности общества (Аксёнов, 2014). С опорой на идеи Миллса (2001) и Харви (2018) мы связываем воедино **изменение пространственной сущности (трансформация городского пространства) и общественно-политические процессы (городские режимы)**, протекающие вне отрыва

³ Джентрификация – это реконструкция пришедших в упадок городских кварталов путём благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей (Lees et al., 2008).

от пространства. На этой основе данное исследование предлагает новый взгляд на механизмы трансформации городского пространства.

Теория городских режимов выбрана в качестве основной теоретико-методологической парадигмы, так как она объединяет в себе всю систему городских решений вокруг пространства, в том числе и те, которые не являются формальными институтами (неформальные договорённости, правила). Данная теория позволяет не замыкаться на односложной системе управления («кто правит?»), а позволяет учесть ходы всех игроков, использующих и меняющих городское пространство. Для классификации режимов в исследовании представляется наиболее эффективным соединением подходов К. Стоуна (1989) и В. Ледяева (2008, 2012). Этот подход предполагает наличие режимов статус-кво, роста и прогрессивного, а также переходных вариаций этих режимов (Ледяев, 2008).

Для того, чтобы определить особенности влияния трансформации городского режима мы выявляем черты, на основе которых можно приблизительно определить, какому городскому режиму ситуация соответствует в большей степени. На основе анализа и обобщения существующих исследований (Stone, 1989; Stoker & Mossberger, 1994; Тев, 2006; Ледяев, 2008; Тыканова и Хохлова, 2015; Хохлова и Тыканова, 2017; Пустовойт, 2019), мы составили набор сопоставимых признаков выделения городского режима, на основе которых можно сделать выводы о характере городского режима. Ниже представлена таблица таких признаков (Таблица 1.1).

Таблица 1.1. Признаки наличия городского режима

№	Тип режима	Признаки
1	Статус-кво	1. Отсутствие, либо приостановка крупных инфраструктурных проектов 2. В медиа и информационной повестке власти не озвучивается идея обновления, изменения городского пространства 3. Низкое влияние бизнеса и общества, апатия к принятию решений 4. Низкий уровень межакторного взаимодействия 5. Приостановка всех реформ, проектов изменения городского пространства
2	Роста	1. Общий экономический рост города (рост доходов городского бюджета) в краткосрочной перспективе 2. Высокая степень кооперации власти и бизнеса вокруг ключевых инвестиционных проектов 3. Общество вынуждено искать пути консолидации с другими акторами, почти не способно принимать участия в принятии решений 4. Высокая конкуренция акторов за использование

		городского пространства (характерно для глобальных городов, финансовых центров, «культурных и архитектурных столиц», туристическая привлекательность, бренд)
2.1	Плюралистический	1. Характерно слабое влияние бизнеса на принятие решений 2. Высокий процент джентрификации 3. Стабильный, низкий уровень налогов
2.2	Федералистский/ патерналистский	1. Высокая зависимость городской экономики от федеральных дотаций 2. Низкое внимание внутригородских акторов к проблеме использования городского пространства 3. Возникновение социально-экономических проблем, отвлекающих внимание от проблемы использования городского пространства
2.3	Предпринимательский	1. Бизнес допускается к власти 2. Бизнес почти всегда выходит победителем из градостроительных конфликтов 3. Политическая элита начинает принимать решения по использованию пространства только в интересах бизнеса (за редким исключением)
3	Прогрессивный среднего класса	1. Наличие критической массы среднего класса/активистов (большинства), оказывающей влияние на принятие решений 2. Высокий процент гражданской активности 3. В городе возникают новые экологические, антивоенные, гражданские движения 4. Снижение объёмов строительства 5. Активное изменение законодательства в соответствии с запросом общества, изменение правил выдачи разрешений на строительство, коэффициента использования территории 6. Высокая налоговая нагрузка 7. Акцент на социальной и экологической, а не экономической полезности территориальных объектов
4	Переходный	Невозможность выделить уникальные признаки, характерные для конкретного режима

Составлено автором на основе Stone, 1989; Stoker & Mossberger, 1994; Ледяев, 2008.

В литературе анализируются условия, необходимые или достаточные для формирования любого городского режима. Стоун делает акцент на том, что наиболее вероятно возникновение и сохранение режимов в больших городах и в особенности в тех, которые характеризуются уникальностью и своеобразием (Stone, 1989; Ледяев, 2008). Именно здесь наиболее вероятно формирование устойчивых сложных систем неформальных межакторных связей (Пустовойт, 2014). Вместе с тем, процессы расширения городской территории, активные миграционные процессы могут уничтожать

коллективную идентичность, которая необходима для кооперации усилий акторов. Если обобщить важнейшие факторы существования режима в принципе, то можно выделить пять основных (Jon & Cole, 1998; Борисова и др., 2011):

1. Местная проекция интересов бизнеса, его активное участие в городской политике.
2. Интегрированность и ассоциированность бизнеса с городской экономикой.
3. Городские коалиции могут возникать и сохраняться в относительно больших городах с высоким уровнем коллективной идентичности.
4. Коалиции чаще формируются в городах, обладающих уникальностью и своеобразием.
5. В городе присутствует исторический опыт успешного партнёрства акторов.

Для идентификации изменения городского режима необходима критическая масса событий, прямо указывающая не просто на отдельные городские изменения разной направленности, а на новое направление городского развития. Например, в случае долговременного существования режима роста основным признаком его смены на прогрессивный режим среднего класса является активное и результативное вовлечение общества в городскую повестку (Ледяев, 2008). Под результативностью следует понимать приостановку спорных проектов (с точки зрения общества), изменение градостроительной политики. На возникновение режима статус-кво укажет, например, отсутствие/приостановка крупных инфраструктурных проектов власти и бизнеса (Stone, 1989). Однако, ключевой задачей настоящего исследования является не столько точность определения характера городского режима, что является чисто теоретической задачей, сколько выявление, какие изменения возникают в городском пространстве в результате существования режимных отношений. В предыдущих исследованиях вопрос таким образом не ставился – это существенная научная новизна работы, а значит для решения такой научной задачи необходимы новые оригинальные методы исследования. Подробно данная методика раскрыта в Разделе 2.1.

Помимо типов, городские режимы могут отличаться и своими масштабами. Алекс Пападопулос полагает, что городской режим часто может быть в том числе и локальным, так как у определённых городских территорий может существовать собственная система взаимодействий между акторами (Papadopoulos, 1996), которая может отличаться от общегородской системы управления (на примере Брюсселя Пападопулос доказал, что в рамках одного города могут существовать локальные режимы в зависимости от политических и экономических обстоятельств). В других современных работах (Тев, 2006;

Tretter, 2016; Аксёнов и Галустов, 2023) режимные взаимодействия также описываются на локальном уровне, что позволяет говорить о возможности наличия режимных элементов даже без обязательного выполнения вышеперечисленных пяти факторов существования городского режима по Джону и Коулу (1998).

Поэтому автор использует теорию городских режимов на примере разных **локальных кейсов в российских городах**. Развивая тезис Треттера (2016) о недооценке роли масштабов в исследовании городских режимов, в работе уделяется внимание различиям в проявлении воздействия режимов на трансформацию города на разных таксономических уровнях. Мы исходим из того, что городскую трансформацию под воздействием городских режимов можно исследовать, используя так называемую «игру масштабами» (Каганский, 1997; Haggett, 2001; Трейвиш, 2006), которая позволяет индуктивно на локальном и вышестоящих уровнях увидеть столкновения интересов акторов и их результаты (отражение) в городском пространстве. Автор фокусируется на выявлении локальных городских режимов, совокупность которых позволяет делать заключения о характере городского режима в целом. Исследуемые автором примеры, в основном, описывают как раз локальные смены городских режимов, однако, часто становятся «прецедентными» для исследованных городов. Сами режимные воздействия исследуются на разных уровнях масштабов – от общероссийского до внутригородского.

Согласно Стоуну (1989), городской режим существует только в городах со своеобразием. Но также важно, что режим можно идентифицировать только как сложившуюся устойчивую систему (Stone, 1989; Di Gaetano, 1993), а значит необходимым условием является существование взаимодействий в городе на протяжении определённого времени. Поэтому в исследовании выводы о существовании городских режимов формируются на основе долговременных кейсов, по итогам которых можно судить о неслучайности и устойчивости межакторных взаимодействий.

В. Гельман и О. Бычкова подчёркивают, что, несмотря на общестрановые тенденции, городские режимы в разных городах могут различаться в зависимости от объёма политических и экономических ресурсов (Бычкова, Гельман, 2010). Изменение этих пропорций в совокупности с изменением роли акторов также способно приводить к формированию нового городского режима.

Последние отечественные исследования интерпретируют существовавшую в 2000-е годы – начале 2010-х годов ситуацию в российских городах как «режимы роста» (Тев, 2006; Махрова и Голубчиков, 2012; Тыканова и Хохлова, 2015). Стоун указывает на то, что такая ситуация может возникать только в условиях возможностей власти и бизнеса мобилизовать капитал (Stone, 1989; Бедерсон и др., 2021). Как только эти возможности

становятся ограничены, возникает почва для формирования нового режима. С помощью данного исследования мы демонстрируем, что режим роста в 2010-е годы в современном российском городе уже не в полной мере соответствует современным тенденциям городского развития. Новые конфликты в городском пространстве показывают, что существенным фактором городских изменений становится **общественный активизм**. Остальные акторы вынуждены лавировать при принятии решений, а интересы «роста» перекрываются возможностями серьёзных политических рисков (Аксёнов и Галустов, 2023). В работе мы сосредоточимся на тех случаях, которые удалось изменить под воздействием общественного активизма, так как именно его наличие свидетельствует о вовлечении всех сторон акторных взаимодействий. Мы полагаем, что именно этот фактор стал новой движущей силой современной городской трансформации. Поэтому границей исследования является фокус только на тех типах воздействия городского режима, которые связаны со столкновением интересов **всех основных акторов** в пространстве и отражением во всех трёх публичных дискурсах – бизнеса, власти и общества.

Глава 2. Практика трансформации пространства современного русского города под воздействием городских режимов

2.1. Методика исследования случаев воздействия городских режимов на трансформацию пространства современного русского города

В данном разделе мы исследуем, как городские режимы могут влиять на трансформацию пространства русских городов. С этой целью автором проводится работа по отбору методов, позволяющих идентифицировать влияние городского режима на город, а также изменения городского пространства в результате этого влияния. Несмотря на существенное количество исследований, связанных непосредственно с анализом городских режимов (Stone, 1989; Stoker & Mossberger, 1994; Ледяев, 2008 и др.), социологическим контекстом или русской спецификой городской трансформации (Аксёнов, 2012; Колодий и др., 2017; Желнина и Тыканова, 2019), данное исследование впервые связывает сложный процесс взаимодействия акторов с результатом этого взаимодействия в градостроительном воплощении – появлением или исчезновением новых городских функций, домов, парков, храмов, бизнес-центров, прочих морфологических особенностей.

В этой связи мы исследуем только те случаи, что связывают городские режимы с морфологическим и функциональным изменением городского пространства. Так, мы не анализируем динамику экономических показателей города или изменения политического представительства в городских парламентах (например, Бедерсон и др., 2021), поскольку их результаты не обязательно отражаются в трансформации городского пространства. Нашим фокусом являются только такие примеры воздействия городских режимов, которые можно увидеть в городском пространстве, а значит которые меняют или способны менять его градостроительное наполнение.

Для отбора случаев воздействия городских режимов используются ограничения исследования, уже описанные в Главе 1:

1) Исследуются только те типы воздействия городского режима, которые не связаны с уже доказанным в русских городах режимом роста (Махрова и Голубчиков, 2012; Тыканова и Хохлова, 2015; Желнина и Тыканова, 2019), а значит сопряжённых с наличием **столкновения интересов всех трёх основных акторов** в пространстве и отражением во всех трёх публичных дискурсах – власти, бизнеса и общества (Аксёнов и Галустов, 2022, 2023). Акцент исследования только на тех кейсах, которые вызывают прямые, видимые столкновения всех трёх акторов – **конфликты** по поводу путей изменения городского пространства;

2) Так как на разных локальных уровнях могут существовать собственные системы взаимодействий между акторами (Paradopoulos, 1996), которые могут заметно отличаться от общегородской системы управления, автор исследует конкретные **локальные кейсы** в городах, проявившиеся в разных масштабах публичного дискурса – от федерального до муниципального;

3) Автор исследует локальные кейсы в трёх масштабах воздействия городских режимов – на примере **разных городов**, на примере **районов одного города**, на примере **внутригородских пространств** в отдельных районах, используя принцип «игры масштабами» (Каганский, 1997; Haggett, 2001; Трейвиш, 2006);

4) Городской режим отличается относительной стабильностью на протяжении времени и не меняется моментально в зависимости от того, вокруг каких городских вопросов идёт политическая дискуссия (Stone, 1989; Di Gaetano, 1993; Ледяев, 2008). В этой связи в исследовании рассматриваются только **устойчивые, продолжительные системы городских взаимодействий**, которые представляется возможным оценить во времени;

5) Исследуются только случаи, связанные с возможностью изменения городского пространства, появлением новых объектов или консервацией старых – автора не интересует любое воздействие на городскую экономику или политику, а лишь **проявление влияния городских режимов в изменениях городской функциональной сущности, топографии и морфологии**.

Итак, воздействие городских режимов на трансформацию пространства может быть сопряжено с наличием столкновения интересов акторов, исследовано на локальном уровне (Paradopoulos, 1996) и в разных городских масштабах. В соответствии с вышеперечисленными ограничениями, мы определили **два основных подхода исследования**:

1. Анализ осуществления разных **общественно значимых проектов трансформации городской среды** как примера воздействия городских режимов на трансформацию современного российского городского пространства;

2. Составление **пространственно-временных моделей** воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города **на примере конфликтов вокруг трансформации городского пространства – экологических и экокультурных конфликтов**. На основе пространственно-временных моделей анализируются результаты трансформации внутригородских пространств под воздействием городских режимов в отдельных городских районах.

Основной идеей последовательного применения избранных подходов является возможность дедуктивного анализа с помощью вышеназванного приёма «игры масштабами». Как писал А. Исаченко, «идя от общего к частному, мы последовательно прослеживаем всю картину дифференциации геосферы сверху донизу» (Исаченко, 1991). В этой связи, не имея возможности глубоко исследовать абсолютно все показательные кейсы во всех российских городах в рамках одного исследования, в первом подходе на общероссийском уровне (макроуровень) анализируются лишь самые публично значимые проекты трансформации в разных городах. Второй подход фокусируется на пространственно-временных моделях воздействия городского режима внутри одного городского пространства. На базе этого подхода предпринимается исследование трансформации внутригородского пространства на самом нижнем в работе микроуровне трансформации – на примере отдельно взятых районов.

Первый подход к исследованию – анализ осуществления общественно значимых проектов трансформации городской среды (также – ОЗП) как примера воздействия городских режимов на трансформацию современного российского городского пространства. В последнее время появляются проекты, которые являются «знаковыми» для общества, имеют имиджевое значение для власти и бизнеса, становятся известными на международной арене. К таким проектам можно отнести реконструкцию Владивостока к саммиту АТЭС, несостоявшееся строительство комплекса «Охта-центр» в Санкт-Петербурге, строительство олимпийских объектов в Сочи в 2014 году.

Общественно значимые проекты трансформации городской среды являются громкими, заметными в средствах массовой информации и в общественном дискурсе, являются результатом сложных межакторных взаимодействий, поэтому, на наш взгляд, они могут быть рассмотрены как индикатор воздействия на трансформацию городского пространства. Общие принципы взаимовлияния ОЗП и городских режимов были обоснованы в авторских научных публикациях (Аксёнов и Галустов, 2022, 2023).

Первый подход фокусируется только на проектах преобразования городского пространства, имеющих **общественную значимость**. Это понятие имеет множество различных интерпретаций. Так, с социально-экономической точки зрения проект, решающий или смягчающий социальные проблемы, уже является общественно значимым (Петров и др., 2018). Агеева (2019) добавляет, что общественно значимыми можно назвать те проекты, результаты которых оказывают существенное влияние на социально-экономические условия городского развития. По мнению Королевой и Черновой (2018), значимость проектов растёт, если власть начинает обращать внимание на общественное

мнение. С точки зрения воздействия на городскую среду ОЗП могут проявляться в разных формах. Наиболее распространенной и известной сегодня является *«редевелопмент»*, который, как мы описывали в Главе 1, предполагает изменение функционального назначения, в результате чего объект приобретает качественно новые свойства, более гибкие к экономической ситуации (Gotham, 2001; Weber, 2002). Это может быть строительство гостиницы вместо предприятия, создание ландшафтного парка вместо гаражного кооператива и т.п. В последние годы в российских городах появились процессы *«реновации»*, под которой понимают обновление территорий за счет существенной перепланировки заброшенных пространств с возможностью переоценки роли и функции важной части города (Martinaitis et al., 2004; Jensen and Maslesa, 2015), *«ревитализации»* — оживление территории или объекта, вышедших из эксплуатации (Hughes, 1999; Barney et al., 2011), реализовывались *«мегапроекты»*, под которыми в литературе подразумевают любые проекты по изменению городской среды с повышенной стоимостью (Altshuler and Luberoff, 2003). На данном этапе исследования мы оставляем за скобками термин *«городской конфликт»* (столкновение противоположных интересов, целей, установок, идеологий между индивидами, социальными группами, классами в городском пространстве) (Черепанов, 2013; Дементьева, 2013а), хотя в большинстве случаев множество общественно значимых проектов будет пересекаться с множеством городских конфликтов. Любой из этих случаев (чаще всего редевелопмент, сопровождающийся конфликтом-столкновением акторов) может попасть в зону внимания нашего исследования, если он в состоянии повлиять на формирование нового образа города в публичном пространстве.

ОЗП отражают взаимодействие изменившихся институциональных акторов (Sykora and Bouzarovski, 2012) и активно меняющихся социальных практик в трансформации морфологии городского пространства (Ахенов et al., 2006; Ахенов, 2014). Например, нереализованное строительство *«Охта-центра»* привело администрацию Санкт-Петербурга к идее ограничения высоты строящихся зданий в центре и на городской полупериферии⁴, а нереализованное строительство комплекса Верховного суда РФ на Тучковом буяне обострило вопрос о необходимости переноса органов федеральной власти в Санкт-Петербург⁵ (Аксёнов и Галустов, 2023).

⁴ «В Смольном хотят контролировать высоту новостроек Петербурга», 30.11.2015. Интернет-ресурс: https://www.novostroy-spb.ru/novosti/v_smolnom_hotyat_kontrolirovat (Дата обращения: 22.12.2021); «Всё ниже и ниже», 05.10.2015, <https://asninfo.ru/magazines/html-version/672-spb/15114-vse-nizhe-i-nizhe> (Дата обращения: 22.12.2021).

⁵ «Путин поддержал идею разбить парк вместо судебного квартала в Петербурге», 23.04.2019. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/society/23/04/2019/5cbf1ba29a7947cde3bed5f9> (Дата обращения: 23.12.2021); «Верховный суд готовится к переезду. Почему жители Петербурга этому не рады?», 22.10.2019. Интернет-ресурс: <https://www.bfm.ru/news/427625> (Дата обращения: 23.05.2023);

Сама **городская среда** как понятие является устойчивой характеристикой общественно-географического пространства-времени и одной из существенных составляющих структуры городского пространства (Аксёнов, 2014). Общественно значимые проекты формируют другую составляющую – **сущностное наполнение городской среды**, которая, в свою очередь, окружает и влияет на происходящие внутри неё процессы. Поэтому, обобщая и дополняя приведенные выше подходы и определения, под «общественно значимыми» мы подразумеваем те проекты трансформации, которые оказывают **максимальное воздействие на изменение и закрепление нового образа города в общественном сознании** (Гельман, 2003), **изменяют сущностное наполнение городской среды и городского пространства** (Gotham, 2001; Weber, 2002, Аксёнов, 2014), **существенно корректируют текущий публичный дискурс** (Белобрагин и Грошева, 2015; Королева и Чернова, 2018) и **городское развитие в целом** (Агеева, 2019). Мы полагаем, что вследствие этого, общественно значимые проекты могут выступать **примером воздействия городских режимов**, так как именно в этих случаях на локальном уровне можно увидеть столкновения интересов акторов и их результаты в пространстве. Общественная значимость тесно связана не только со столкновением интересов акторов, а с преобладанием интересов общества над интересами других акторов, что является одним из методологических условий исследования.

В рамках подхода используется несколько основных методов. В нашем исследовании он включает следующие ключевые этапы:

- разработка критериев выделения ОЗП;
- отбор ключевых современных ОЗП за последние 10 лет, подпадающих под действие разработанных критериев (далее – Критерии) и выбор нескольких наиболее релевантных для целей исследования кейсов;
- анализ результатов ОЗП для города, региона и Российской Федерации в целом;
- определение характера функционирования городского режима, исходя из анализа результатов ОЗП;
- выявление особенностей воздействия городских режимов на трансформацию современного российского городского пространства.

Отбор ОЗП в российских городах производится на основе авторской методики выделения «**критериев общественной значимости**». Оценка общественной значимости

осуществляется с помощью анализа заинтересованности акторов, участия высших лиц государства и корпораций, реакции медиа, разнообразия концепций развития городской среды. В основе данной методики используются опубликованные авторские наработки (Аксёнов и Галустов, 2023), а также используется аналитический подход Е. Тыкановой, А. Хохловой и А. Желниной (2015, 2019), которые рассматривали кейсы протестных инициатив локальных сообществ в Санкт-Петербурге, Москве, Париже для определения характера существующих городских режимов. Для анализа участия акторов в общественно значимых проектах и создания их типологии адаптирована методика Бин Ли (Bin Li, 2021). Вместе с тем, данная методика модернизирована, включает также географические аспекты местоположения и масштаба, соответствующего публичного дискурса. В соответствии с выявленными критериями подобран массив кейсов, наиболее соответствующих задачам исследования. В дальнейшем кейсы сопоставлены, согласно шкале определения значимости критериев, на основе чего анализируется результативность отобранных кейсов.

Второй подход предполагает составление пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию пространства российского города на основе анализа градостроительных конфликтов в Санкт-Петербурге. В основе данной методики использованы авторские публикации (Галустов, 2016, 2022, 2023), исследовавшие модели влияния экологического и экокультурного общественного протеста на использование пространства через систему пространственно-временных критериев масштаба, местоположения, длительности трансформации, количества публикаций. Для демонстрации воздействия городского режима мы выбрали экологические и экокультурные конфликты, так как на аренах городских конфликтов могут выявляться и урегулироваться интересы вовлечённых сторон: общества, бизнеса и власти (Stone, 1989; Fainstein, 1994; Ледяев, 2008), а культура и экология во многом связаны с образом города и городской идентичности (Желнина, 2011), а также. Именно термин **«экологические и экокультурные»** мы будем использовать в отношении городских конфликтов, исследуемых в работе.

Данный подход применяется для анализа трансформации городского пространства на примере второго по населению российского города – Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург является крупной моноцентрической агломерацией, имеющей диверсифицированную экономику, высокий уровень занятости в сфере услуг, науки, образования, культуры. Санкт-Петербург имеет двуединое административно-территориальное начало. С одной стороны, он по всем признакам попадает под понятие

города, с другой – одновременно является и субъектом федерации, а значит регионом (Зимин и др., 2021). Поэтому в нём могут проявляться как проблемы локального урбанистического характера, так и характерные только для крупных городов, а также региональные проблемы. Согласно данным группы изучения глобализации и мировых городов во главе с Питером Тейлором (Beaverstock, Smith, Taylor, 1999), Петербург также является городом с «минимальными признаками формирования в качестве глобального». Согласно Индексу глобализации (The Global Cities Index) в 2021 году Санкт-Петербург занимал 78-е место среди глобальных мировых городов⁶. За исключением Москвы это единственный город России, который попадает в эту «элитную» категорию. Он действительно находится в состоянии формирования как «глобального», так как в нём присутствуют представительства транснациональных корпораций, банков, проводится Петербургский экономический форум. Петербург является важнейшим деловым центром РФ с высокой ролью и влиянием бизнеса, деловых кругов.

В контексте исследования уместно рассматривать Санкт-Петербург, так как в нём сосуществуют типичные для быстро растущего города проблемы, связанные со способностью города принять экономический рост в любых его формах (Ускова и др., 2019; Зубарев, 2019). Вследствие этого возникает всё больше конфликтных взаимодействий между акторами, в ходе которых проявляются интересы общества, бизнеса и власти (Черепанов, 2013; Бедерсон и Шевцова, 2020). Именно эти конфликтные взаимодействия акторов исследуются в работе. На примере протекания городских конфликтов мы предпринимаем попытку продемонстрировать, что существующий режим роста в 2010-е годы уже не в полной мере отвечает современным тенденциям городского развития.

Характер протекания экологических и экокультурных конфликтов в крупном городе довольно схож между собой. Экологический конфликт – это конфликт в области экологических проблем (ликвидация зелёных зон, вырубки, загрязнение, шум, мусор), целью которого является достижение гармоничного сосуществования природы и человека в условиях городской среды. Экокультурный (эколого-культурный) конфликт лежит прежде всего в области социально-экологических проблем (сохранение культурных ценностей, памятников истории, архитектурной среды) (Галустов, 2016). В узком смысле экокультурный конфликт тождественен градостроительному, а в широком – связан с проблемами в области социальной экологии (Зеленов, 2000; Алексеев и Ленчовский, 2010).

⁶ Рейтинг глобальных городов А. Т. Kearney. Интернет-ресурс: <https://nonews.co/directory/lists/cities/global-cities-index>. (Дата обращения: 17.05.2022).

Временные рамки настоящего исследования начинаются с 2006 года по настоящее время⁷. В 2005 году был принят один из ключевых нормативных актов, обеспечивших доминирование режима роста в Петербурге, связанный с либерализацией границ охранной зоны города, позволившим застроить множество территорий⁸. Это привело к усилению строительного бизнеса в историко-культурном ядре Петербурга (Тев, 2006). Несмотря на ещё существовавшие колебания внутри власти (протесты депутатов Законодательного собрания), правила были приняты⁹. По мотивам данной либерализации в следующем 2006 году разгорается крупный конфликт вокруг строительства бизнес-центра «Газпром-Сити» («Охта-центр»). Отмена строительства и перенос административного здания «Газпрома» на периферию города в Лахту существенно изменили дальнейшую политику по трансформации городского пространства (см. Раздел 2.2). История со строительством «Охта-центра» стала отголоском восприятия инноваций не только в Петербурге, но даже стала предметом общественных обсуждений в других регионах.

Роль Ленинграда – Санкт-Петербурга в области защиты городской среды в экологической сфере и охране культурных ценностей является инновационной для пространства СССР/РФ. Важно отметить, что формирование политических партий в Ленинграде во многом было обусловлено не политическими или экономическими причинами, а именно экокультурными (Галустов, 2016). Драйвером появления таких движений являются особенности общественного запроса, который выражается в нежелании отстранённости от политических процессов (Здравомыслова, 1990; Дементьева, 2013b). Сегодня к этой тенденции добавляются и идеи формирования комфортной городской среды (Евплова и Митягин, 2014).

Ввиду наличия сильных движений по охране культурного наследия («Живой город», Группа ЭРА и проч.), экокультурные конфликты являются важной особенностью Санкт-Петербурга. Они играют важную роль во взаимоотношениях общества и власти, так как вопросы сохранения культурных ценностей стоят в числе приоритетных у значительной части петербуржцев (Тев, 2006; Dixon, 2010; Тыканова и Хохлова, 2015). Также следует отметить интерес к экологической проблематике, например, вокруг традиционной проблемы сохранения гидросистемы и побережья Финского залива

⁷ Прим. автора. Окончание сбора данных для исследования зафиксировано на момент 2022 года.

⁸ Закон Санкт-Петербурга от 21 декабря 2005 года № 728-99 «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга». Интернет-ресурс: <https://docs.cntd.ru/document/8422495?marker>. (Дата обращения: 19.04.2022).

⁹ «Суд отказался отменить Генеральный план Санкт-Петербурга», 19.07.2007. Интернет-ресурс: <https://www.fontanka.ru/2007/07/19/044>. (Дата обращения: 17.05.2022).

(Залыгин, 1992), а также расширение числа конфликтов вокруг застройки парков и скверов в городе¹⁰.

В целом, исследование носит комплексный характер и включает в себя следующие методы:

- разработка критериев построения пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере экологических и экокультурных конфликтов;
- составление шкалы экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге;
- контент-анализ медиа-отклика конфликтов на основе региональных интернет-СМИ и упоминаний в электронных поисковых системах;
- количественная/весовая оценка критериев построения пространственно-временных моделей;
- расчёт условных баллов пространственно-временных моделей и их распределения по районам;
- проведение экспертного опроса по методике Браймана (Bryman, 2012) в целях верификации веса условных баллов пространственно-временных моделей;
- построение картосхем пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию городского пространства.

В данном подходе в качестве результирующего метода оценки воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города применяется построение пространственно-временных моделей. Основой исследования стал информационный массив экокультурных и экологических конфликтов, который был собран автором при помощи контент-анализа средств массовой информации и экспертного опроса для верификации веса критериев исследуемых моделей. Экспертный опрос составлялся на основе авторских методик, апробированных в аналогичных исследованиях (Галустов, 2016; Galustov, 2019; Галустов и Ходачек, 2021). На примере экокультурных и экологических конфликтов в Разделе 2.3 мы рассмотрим специфику воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере Санкт-Петербурга.

¹⁰ «Спикер ЗакСа Макаров: В парке Малиновка построят храм», 05.12.2018. Интернет-ресурс: <https://www.fontanka.ru/2018/12/05/042/> (Дата обращения: 20.01.2022).
«Муринский парк защитили от застройки», 8.12.2020. Интернет-ресурс: <https://bellona.ru/2020/12/08/murinskij-park-zashhitali-ot-zastrojki/> (Дата обращения: 17.05.2022).

На основе данного подхода в разделе 2.4 более детально рассматривается практика трансформации городского пространства внутри городских районов на примере Василеостровского и Петроградского районов Санкт-Петербурга. Все кейсы в этих районах подробно анализируются и переносятся на картосхемы районов с подробными комментариями. Данный подход позволяет глубже рассмотреть отдельные пространственно-временные модели воздействия городского режима. Тем самым, мы получаем детальную информацию о преобладающих интересах акторов в каждом конкретном случае, а также каким образом это связано с функциональным наполнением пространства и уровнем вовлечения участников.

2.2. Общественно значимые проекты изменения городской среды в России как пример воздействия городских режимов на трансформацию современного городского пространства

Анализ общественно значимых проектов трансформации городской среды и определение их индикативной роли в воздействии городских режимов является первым подходом исследования. Как мы говорили выше, этот подход используется в силу своей максимальной публичной и общественной значимости (Trumbull, 2010, 2012; Федотова, 2018; Орлова и др., 2019), такие проекты оказываются надолго «закрепляются» в городском материальном пространстве, влияют на общественное сознание людей (Гельман, 2003; (Белобрагин и Грошева, 2015). В ходе реализации проектов появляются инструменты урегулирования отношений всех акторов-интересантов (Тыканова, 2013; Королева и Чернова, 2017).

Для оценки воздействия городских режимов автором предлагается три группы **критериев общественной значимости проектов трансформации** городской среды. Эти критерии верифицированы и опубликованы (Аксёнов и Галустов, 2023). Они описывают все 3 стороны изучаемого явления:

- 1. Пространственные (средовые).**
- 2. Резонанса и участия акторов.**
- 3. Трансформационные.**

В рамках групп выделены критерии, определяющие общественную значимость ОЗП, они подробно описаны в каждой из групп.

Группа 1. Пространственные (средовые) критерии

Критерий 1.1. Локализованный в городе крупный проект редевелопмента территории. В фокусе внимания находятся только проекты редевелопмента определённых городских территорий, то есть связанные с появлением на территориях новых городских функций. Проекты, затрагивающие только отдельные городские объекты или районы нового освоения (впервые получающие определённую городскую функцию, а не меняющие текущую), в рассмотрение не включались.

Критерий 1.2. Местоположение в общественно значимой локации для города. Углубляя критерий 1.1, мы акцентируем внимание на том, что сам город можно разделить на локации, закрепляющие статус города и второстепенные к ним. К общественно значимым локациям, как правило, относятся центральные, исторические, публично доступные и посещаемые, эстетически или символически значимые места. Для оценки критерия используется уже описанная и адаптированная для городского пространства модель «центр – периферия» (Галустов, 2016; подробное описание в разделе 2.3).

Группа 2. Критерии резонанса и участия акторов

Критерий 2.1. Столкновение интересов трёх основных акторов в пространстве и отражение во всех трёх публичных дискурсах – власти, бизнеса и общества. Если хотя бы один из акторов не имеет интереса к проекту, такой проект не будет восприниматься как общественно значимый. Именно наличие этого критерия выводит из нашего поля зрения «федеральные мегапроекты» городских трансформаций, такие как подготовка Сочи к Олимпиаде-2014 или Владивостока к Саммиту АТЭС – они не являлись полем столкновения всех акторов. Как правило, комплексный общественный резонанс имеют именно те проекты, которые вызывают прямые столкновения интересов всех трёх акторов – **конфликты** по поводу использования городского пространства.

При этом ОЗП привлекают больше «спонтанного» внимания к проекту со стороны, не позволяя ему разрешиться реализацией интересов одного конкретного актора и локально влияют на изменение городского режима. В исследовании мы сосредоточились на тех проектах, которым удалось измениться под влиянием общественного активизма, поскольку именно в этих случаях взаимодействие акторов нагляднее всего позволяет продемонстрировать воздействие городского режима.

Критерий 2.2. Участие всех уровней государственной и муниципальной власти в публичном дискурсе. Самые «раскольные» и имиджевые для акторов проекты трансформаций не позволяют разрешить конфликт в рамках обычной внутригородской

системы взаимодействия «городская власть – городской бизнес – городские сообщества». Как правило, в таких случаях общественная значимость становится столь велика, что требует вовлечения в дискурс внешних эшелонов власти – в особых случаях даже высших лиц государства. Существование такого типа принятия решений относится к концепции т.н. «патерналистского урбанизма»¹¹, который весьма характерен для такой страны как Российская Федерация. В настоящей работе используются кейсы, которые соответствуют параметрам этой концепции.

Критерий 2.3. Значимый для образа города резонанс в публичном дискурсе, СМИ и интернет-медиа. Повышенное внимание к проекту трансформации в значительной степени связано с увеличением количества публикаций в СМИ, уровнем СМИ, в которых ведутся дискуссии, количеством публичных мероприятий и событий, формирующих информационные поводы и связанных с возможной реализацией проекта.

Группа 3. Трансформационные критерии

Критерий 3.1. Процесс изменения функционального назначения пространственного объекта в процессе редевелопмента. Если на месте бизнес-центра появляется новый бизнес-центр, а на месте старого парка более благоустроенная зелёная зона, то такой проект не может кардинально изменить образ городского пространства. Важно, что проект трансформации меняет сущностное содержание городской среды, существенно меняет характеристики и образ города, дает актерам на выходе возможность получить новый пространственный функционал.

Критерий 3.2. Смена концепции проекта в ходе реализации. Предполагается, что наиболее значимыми примерами ОЗП становятся те, которые в силу обстоятельств не находят окончательного результата в течение длительного времени, даже в случае вмешательства вышестоящих органов власти. Такие проекты способны формировать оценку качества управления городской средой как в стране, так и за рубежом, имеют очень сложные позитивно-негативные коннотации среди разных акторов. Как правило, смена/адаптация проекта (равно как и описанный ниже его перенос) в таких случаях происходят в процессе конфликтной коммуникации между актерами, что выступает едва ли не самым значимым индикатором для оценки изменения городских режимов. Каждая смена концепции знаменует собой начало новой фазы проекта. Одна фаза – это период от

¹¹ Патерналистский урбанизм – тип принятия решений в городском управлении, когда ожидается, что некоторые важные спорные вопросы, относящиеся к юрисдикции города, будут решены (или де-факто решены) не самим городом, а центральными (внешними высшими) властями. Важно то, что после вмешательства центральных (внешних высших) властей в спорный вопрос городского развития все конфликтующие городские субъекты прекращают конфликт, даже если решение не удовлетворяет их в полной мере и такой компромисс не был бы приемлемым для них раньше (Bin Li и др., 2021).

установления одной концепции проекта до её смены на другую под влиянием меняющихся межакторных взаимодействий.

Критерий 3.3. Перенос реализации проекта трансформации в новую локацию в ходе пересмотра проекта. Особую общественную значимость имеют такие проекты, функции которых реализуются на новом месте в результате столкновения интересов акторов в одном пространстве. Согласно Аксёнову (2014), изменение положения объекта в пространстве создаёт принципиально иное место и является непосредственным признаком трансформации пространства. Пространственное перемещение проекта может снижать негативный фон, связанный с предыдущей локацией, также при этом может происходить падение общественной значимости в силу утраты прежнего конфликтного местоположения и общего снижения напряжённости во взаимоотношениях акторов.

В результате отбора возможных кейсов для рассмотрения на основе описанных критериев оказалось, что региональных проектов, подпадающих под действие критериев 2.1 и 2.3 в России немало. Можно, в частности, вспомнить конфликты вокруг застройки Нагатинской поймы в Москве, строительства намывных территорий в Петербурге, проекта реконструкции к 1000-летию Казани. Однако, проектов, в которых присутствовало какое-либо вмешательство федерального уровня власти (Критерий 2.2), повлиявшее на изменение концепции трансформации или перенос реализации проекта в другое место (Критерии 3.2 и 3.3), оказалось совсем не так много¹². Именно данный критерий вмешательства федерального уровня власти в совокупности с критерием радикальной смены концепции оказался решающим «отсекающим» критерием. Так, опираясь на описанную выше методику, мы выявили всего шесть таких крупных кейсов (Таблица 2.1).

¹² В 2020 г. под руководством проф. К. Аксёнова магистрантами программы Геоурбанистика СПбГУ был собран и обобщен первичный материал по 9 кейсам общественно значимых проектов трансформации последнего десятилетия в 5 городах. Среди них: исследуемый в настоящей работе Проект сооружения Охта-Лахта центра («Башня Газпрома»); протест против застройки парка им. С. Фёдорова в Москве; также затронутые в работе конфликтные проекты строительства храма святой Екатерины в сквере на Октябрьской площади в Екатеринбурге, «Тучков Буян» в центре Санкт-Петербурга и другие. В работе частично использованы эти материалы и дополнены новыми данными и новыми кейсами.

Таблица 2.1. Общественно значимые проекты трансформации городской среды и публичный дискурс

№	Проект	Город	Публичный дискурс ¹³
1	«Охта-центр»	Санкт-Петербург	«Экономика – сохранение культурного наследия»
2	Парк «Зарядье»	Москва	«Инфраструктура власти – зелёные зоны в центре»
3	Храм Святой Екатерины	Екатеринбург	«Храмы – парки»
4	Тучков буян	Санкт-Петербург	«Дорогой девелопмент с властными функциями – зелёные зоны в центре»
5	Бетонирование набережных р. Вологда	Вологда	«Благоустройство – сохранение зелени»
6	Застройка полей Тимирязевской академии в Москве	Москва	«Редевелопмент – наука»

Составлено автором.

1. Первым проектом является нереализованное строительство бизнес-центра «Охта-центр» («Газпром-Сити») в центре Санкт-Петербурга. Конфликт вокруг «Охта-центра» стал результатом растущего разрыва в понимании градостроительного развития между властью, бизнесом и обществом (Vorobyev and Stiglitz, 2014). Государственная компания «Газпром», как инициатор строительства, очевидно, стремилась закрепить свою особую экономическую роль при помощи символического закрепления в городском ландшафте, тогда как противостоящие общественные организации руководствовались культурно-эстетическими представлениями о необходимости консервации уникального историко-культурного ландшафта (Малышева, Чернышев, 2013). Отсутствие широкого общественного широкого обсуждения, нежелание бизнеса идти на переговоры,

¹³ Публичный дискурс является авторской оценочной категорией на основании опубликованного исследования вышеназванных кейсов (Аксёнов и Галустов, 2023).

прямолинейное продвижение проекта привели к крупнейшему экокультурному конфликту последних лет, ставшему широко известным в мире (Dixon, 2010). Ситуация стала разрешаться после того, как Комитет всемирного наследия при ЮНЕСКО под влиянием протестов в защиту города обратился к России с просьбой разработать и изучить альтернативные проекты освоения Охтинского мыса. Окончательно строительство отменено под влиянием Президента РФ Д.А. Медведева, заявившего, что решение о строительстве может быть принято только по окончании судебных процессов и проведения консультаций с ЮНЕСКО. Последующий перенос строительства бизнес-центра на окраину города в Лахту (Приморский район Санкт-Петербурга) стал важным этапом кризиса режима «машины роста», сложившегося в Санкт-Петербурге к 2000-м годам (Тыканова, Хохлова, 2015). На Рис. 2.1 в качестве примера показано, как проект мог повлиять на городское пространство в случае его реализации.

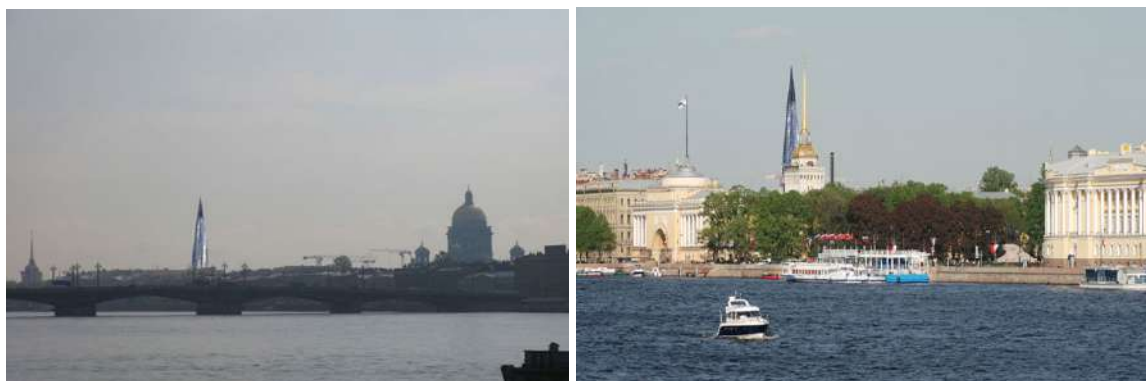

Рис. 2.1. Моделирование потенциального влияния Охта-Центра на «небесную линию» Санкт-Петербурга¹⁴ (составлено автором на основе gorzakaz.org)

2. Парк «Зарядье» — огромная территория в самом сердце Москвы, к востоку от Красной площади. Идея реализации парка значительно повлияла на урбанистический имидж Москвы как в России, так и зарубежом (Ткаченко, 2019). До 2007 года эту территорию занимало здание гостиницы «Россия» в стиле советского модернизма. После долгих обсуждений о возможностях реконструкции, было принято решение о сносе гостиницы и возведении на данной территории Парламентского центра (для переезда Федерального собрания РФ), гостинично-делового комплекса и жилого квартала. Однако, в 2012 году по итогам проведённого опроса среди жителей о возможном месте для гайд-парка¹⁵, было принято решение о создании парковой зоны. Характерно, что оба решения не вызвали противодействия общественных активистов (Ткаченко, 2019). Власти

¹⁴ Экспертиза ВООПИиК: «Охта-центр» и панорамы Петербурга, 29.05.09, Интернет-ресурс: <http://www.gorzakaz.org/news/view/14892.html>. (Дата обращения: 26.04.2022).

¹⁵ «Москвичи голосуют за Болотную и Зарядье как аналог "Гайд-парка"», 25.05.2012. Интернет-ресурс: <https://ria.ru/20120525/657359450.html> (Дата обращения: 01.02.2022).

признали, что наибольшей ценностью для этого места обладает рекреационно-туристический объект (Тер-Восканян, 2018; Ткаченко, 2019). Несмотря на региональную компетенцию проекта, федеральная значимость проекта была подчеркнута совместным заявлением Премьер-Министра РФ В. Путина и Мэра Москвы С. Собянина. По словам Путина, строить парламентский центр, деловую зону с гостиничным комплексом, как предлагалось ранее, неэффективно, так как это создаст дополнительную нагрузку на центр Москвы¹⁶. В итоге с помощью прямого вмешательства федерального центра споры о функциональном будущем территории были предприняты (Ткаченко, 2019).

3. Строительство храма Святой Екатерины в Екатеринбурге стало самым резонансным проектом трансформации за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Изначально строительство храма предполагалось в самом центре города, на площади Труда. Этот кейс наиболее интересен тем, что под воздействием общественного активизма локация для строительства храма менялась четыре раза¹⁷. Семь лет вялотекущего противостояния застройке (2011 – 2018) сменились решимостью региональной и муниципальной власти завершить строительство собора и ответными массовыми несанкционированными митингами местного населения в 2019 году¹⁸. Конфликт стал широко известен всей стране, сделав Екатеринбург практически символом борьбы людей за «право на город» (Lefebvre, 2002; Harvey, 2003; Тыканова и Хохлова, 2015). Наряду с крупным конфликтом о передаче Исаакиевского собора Русской православной церкви сопротивление строительству храма святой Екатерины стало наиболее известным примером проявления городской антиклерикальной повестки. Ситуация разрешилась вмешательством Президента РФ, предложившего найти компромисс между сторонами и провести общественный опрос¹⁹. По итогам опроса был достигнут консенсус между городскими акторами, строительство храма вновь было отложено.

4. Территория Тучкова Буяна в Санкт-Петербурге характеризуется регулярной сменой проектов трансформации этой территории. Если изначально после сноса

¹⁶ «На месте гостиницы "Россия" построят аналог площади Сан-Марко», 19.04.2013. Интернет-ресурс: https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2013/04/19/na_meste_gostinicy_rossiya_postroyat_analog_ploschadi (Дата обращения: 01.02.2022).

¹⁷ «В Екатеринбурге подвели итоги опроса по новой площадке для храма», 14.10.2019. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/society/14/10/2019/5da443249a794740315d8995> (Дата обращения: 04.02.2022);

¹⁸ «Жители Екатеринбурга вышли на акцию против строительства храма третий вечер подряд», 15.05.2019. Интернет-ресурс: <https://www.interfax.ru/russia/661291> (Дата обращения: 19.01.2022);

«Активисты предложили вынести на референдум вопрос о земле под храм в Екатеринбурге», 11.06.2019. Интернет-ресурс: <https://www.interfax.ru/russia/664818> (Дата обращения: 19.01.2022);

«В конфликт вокруг строительства храма в Екатеринбурге вмешался Путин», 17.05.2019. Интернет-ресурс: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/16/801646-konflikt-vokrug-stroitelstva> (Дата обращения: 19.01.2022).

¹⁹ «Путин предложил способ решения конфликта из-за храма в Екатеринбурге», 16.05.2019.

Интернет-ресурс:

<https://www.rbc.ru/politics/16/05/2019/5cdd66b29a79470bfa116d24#ws> (Дата обращения: 04.02.2022);

находившегося здесь Государственного института прикладной химии предполагалось строительство общественно-делового квартала «Набережная Европы»²⁰, то в 2012 году решением Президента РФ В.В. Путина было принято решение застроить Тучков буян комплексом зданий Верховного суда России²¹. В рамках кампании по выборам Губернатора Санкт-Петербурга в 2019 году Врио Губернатора А.Д. Беглов создание парка на данной территории, сославшись на многочисленные обращения и требования горожан. Данное решение было лично поддержано Президентом РФ, изменившим свою позицию по вопросу о строительстве Верховного суда на данной территории. Однако, в 2022 году вопрос о строительстве судебного квартала на данном месте вновь появился в медиаповестке²².

5. Проект бетонирования набережных Вологды широко обсуждался в региональной и федеральной повестке. Изначальный план предусматривал благоустройство набережных, но встретил ожесточённое противодействие местного населения. Принципиальная позиция региональной власти, призвавшей «никого не слушать»²³ привела к неоднократным прямым обращениям и жалобам местного населения Президенту РФ²⁴. Однако, в данном случае даже вмешательство первого лица не сразу затормозило процесс бетонирования²⁵. На сегодня процесс частично приостановлен, обсуждаются возможности более рационального благоустройства, с максимальным сохранением зелёных насаждений²⁶.

²⁰ «Губернатору понравились проекты «Набережной Европы», 04.03.2009. Интернет-ресурс: https://www.bsn.ru/news/market/spb/16141_gubernatoru_ponravilis_proekty_naberezhnoy_evropy/ (Дата обращения: 01.02.2022).

²¹ «В Петербурге расчищают земли для федеральных судей», 04.12.2012. Интернет-ресурс: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/12/2012/5592a5af9a794719538cd961?utm_source=amp_full-link (Дата обращения: 01.02.2022).

²² «ВВС: вместо парка Путин хочет достроить в Петербурге судебный квартал», 11.01.2022. Интернет-ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/5157179> (Дата обращения: 01.02.2022).

²³ «"Ну и что, что берега будут забетонированы": вологодский губернатор высказался о работах на набережной», 20.07.2019. Интернет-ресурс: <https://newsvo.ru/news/121398> (Дата обращения: 09.02.2022).

²⁴ «Владимиру Путину пожаловались на бетонирование исторической набережной в Вологде», 14.02.2019. Интернет-ресурс: <https://vologda-poisk.ru/news/na-zlobu-dnya/vladimiru-putinu-pozhalovalis-na-betonirovanie-istoricheskoy-naberezhnoy-v-vologde-video/> (Дата обращения: 19.01.2022);

«Владимиру Путину вновь напомнили о скандальном бетонировании набережной в Вологде», 26.06.2020. Интернет-ресурс: https://www.xn--b1aqxu.xn--p1ai/articles/society/vladimiru_putinu_vnov_napomnili_o_skandalnom_betonirovanii_naberezhnoy_v_vologde_/?sphrase_id=2623533 (Дата обращения: 19.01.2022);

«Архитектор Надежда Снигирева рассказала Путину о том, что городскую набережную в Вологде заливают в бетон», 12.02.2019. Интернет-ресурс: <https://newsvo.ru/news/118678> (Дата обращения: 09.02.2022);

«Путину снова напомнили о бетонировании набережной в Вологде», 27.06.2020. Интернет-ресурс: <https://newsvo.ru/blogovo/127926> (Дата обращения: 09.02.2022).

²⁵ «Сроки работ по берегоукреплению набережной в Вологде продлили до сентября 2020 года», 17.01.2020. Интернет-ресурс: <https://newsvo.ru/news/124744> (Дата обращения: 09.02.2022).

²⁶ «НАБЕРЕЖНАЯ. Тезисы большого интервью мэра», 16.12.2020. Интернет-ресурс: <https://newsvo.ru/blogovo/124235> (Дата обращения: 09.02.2022).

6. Застройка территории Тимирязевской академии на севере Москвы также стала крупным ОЗП, вышедшим на федеральный уровень. В данном случае речь шла о реализации крупного жилого строительства на территории научных полигонов Академии. Однако, сложившаяся ситуация вызвала недовольство общественности и сотрудников Академии, которые обратились к Президенту, предложившему в ответ оставить территорию в покое²⁷. Первоначально было принято решение о сохранении планов строительства на территории, но более эффективного использования земли²⁸. На данный момент (2023 год) под влиянием вмешательства общественности и федеральной власти проект был сокращён со 100 до 24 гектаров²⁹.

В следующей шкале (Таблица 2.2) были оценены критерии общественной значимости ОЗП. Для критериев 1.1 и 1.2 вводятся географические параметры местоположения и масштаба, информацию о функциональном статусе территории до реализации проекта. Критерий 2.1 был обозначен как «Преобладание интересов акторов в начале и конце проекта» и дифференцирован по принципу, кто из акторов являлся крупнейшим бенефициаром в начале реализации и по окончании проекта. Критерий 2.2, оценивающий значимость проекта для разных уровней власти построен по иерархическому принципу от высшего уровня вмешательства (международный, федеральный) к низшему (региональный, муниципальный). Значимость проекта трансформации классифицирована по шкале «высокая – низкая». Критерий 2.3 фокусируется на широте публикаций о проекте и отражает, насколько дискурс вышел за пределы региональной (городской) повестки. Для оценки применена аналогичная Критерию 2.2 шкала. Критерий 3.1 анализирует изменение функционального назначения территории в ходе проекта, позволяет увидеть, как меняется сущностное направление проекта трансформации. Критерий 3.2 с помощью метода выделения фаз оценивает число изменений концепции проекта трансформации и его функционального наполнения в процессе согласования всеми акторами. И, наконец, Критерий 3.3 демонстрирует, было ли принято решение о переносе проекта (или его функции) в другую локацию, что указывает на тип разрешения конфликта вокруг кейса и отражает особую значимость проекта трансформации. Более детальный анализ содержательности результатов кейсов, роли и участия акторов в общественно значимых проектах представлен дополнительно (Таблица 2.3).

²⁷ «Путин предложил «оставить в покое» Тимирязевскую академию», 14.04.2016. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/570f8f059a794765734b5ea8> (Дата обращения: 08.02.2022).

²⁸ «Чем ближе к выборам, тем больше вбросов», 14.04.2016. Интернет-ресурс: https://www.gazeta.ru/politics/2016/04/14_a_8176571.shtml (Дата обращения: 19.01.2022).

²⁹ «Тимирязевку снова хотят застроить», 15.10.2021. Интернет-ресурс: <https://www.vesti.ru/article/2626889> (Дата обращения: 08.02.2022).

Таблица 2.2. Шкала оценки критериев общественной значимости проектов трансформации городской среды

Группы критериев		Группа 1. Пространственные		Группа 2. Резонанса и участия акторов			Группа 3. Трансформационные			
№	Критерии/ Название кейса, время реализации	Критерий 1.1. (Параметры проекта редевелопмента территории)	Критерий 1.2 (Местоположение)	Критерий 2.1 (Преобладание интересов акторов в начале и конце проекта)		Критерий 2.2 (Значимость для разных уровней власти)	Критерий 2.3 (Общественный резонанс в публичном дискурсе и СМИ)	Критерий 3.1 (Изменение функционального назначения)	Критерий 3.2 (Количество фаз-смен концепций проекта в ходе реализации)	Критерий 3.3 (Релокация проекта)
				Начало	Конец					
1	«Охта-центр» (2006 – н.в.)	Санкт-Петербург, 4,7 га, Последняя функция: Производственная	Полупериферия Санкт-Петербурга. Красногвардейский район. Историческая территория Охтинского мыса, территория бывших крепостей «Ландскрона» (1300 – 1301) и «Ниеншанц» (1617 – 1703)	Бизнес, Власть	Общество	Высокая 1. ЮНЕСКО 2. Президент РФ 3. Губернатор СПб 4. Депутаты ЗакСобрания СПб 4. Муниципал	Высокий	В общественно-деловой – общественно-рекреационный (отказ от деловой функции)	3 фазы 1. 2006 - 2010 Штаб-квартира государственной корпорации «Газпром» 2. 2010 - 2020 Общественно-деловой центр со значительной культурной функцией 3. 2020 - н.в. Музейно-выставочное пространство с высокой долей общественных пространств	Да («Лахта-центр»), Периферия города

						ные депутаты				
2	Парк «Зарядье» (2006 – 2017)	Москва, 13 га, Последняя функция: Общественно-деловая	Центр Москвы. Тверской район. Историческая территория купеческой застройки Зарядья.	Власть	Общество	Высокая 1. Президент РФ 2. Мэр Москвы 3. Мосгордума	Низкий	В рекреационно-туристический (отказ от административной и деловой функций)	3 фазы 1. 2006 - 2010 Реконструкции гостиницы «Россия», создание офисов 2. 2010 - 2012 Строительство парламентского центра, гостинично-делового квартала 3. 2012 - 2017 Создание парка	Да (Перенос проекта парламентского центра в Мневники) Периферия города
3	Храм Святой Екатерины (2010 – н.в.)	Екатеринбург, 0,6 га, Последняя функция: Рекреационная	Центр Екатеринбурга. Площадь Труда, акватория городского пруда, Сквер у Театра Драмы	Власть	Общество	Высокая 1. Президент РФ 2. Губернатор Свердловской области 3. Мэр Екатеринбурга	Высокий	В рекреационный (отказ от религиозной функции)	4 фазы 1. 2010 Проект строительства храма на площади Труда 2. 2016 - 2017 Проект строительства храма в акватории городского пруда 3. 2017 - 2019 Проект строительства храма в сквере у Театра Драмы 4. 2019 - н.в. Проект строительства на территории бывшего приборостроительного	Да (3 релокации, перенос строительства на территорию приборостроительного завода) Периферия города

									завода. Сохранение рекреационной зоны у театра Драмы	
4	Тучков буян (2006 – н.в.)	Санкт-Петербург, 9,95 га, Последняя функция: Производственная	Центр Санкт-Петербурга. Петроградский район. Территория бывшего Государственного института прикладной химии	Бизнес	Общество	Высокая 1. Президент РФ 2. Губернатор СПб 3. Депутаты ЗакСобрания 4. Муниципальные депутаты	Высокий	В административно-рекреационный (отказ от селитебной и деловой функции)	3 фазы 1. 2006 - 2012 «Набережная Европы» (строительство элитного жилья, гостиницы, Театра танца) 2. 2012 - 2019 Судебный квартал (с сохранением проекта Театра танца) 3. 2019 - н.в. Парк «Тучков Буян» (с сохранением проекта Театра танца)	Да (Перенос строительства комплекса Верховного суда в Сад на Неве)
5	Бетонирование набережных р. Вологда (2011 – н.в.)	Вологда, 5,5 га, Последняя функция: Рекреационная	Центр Вологды. Зелёные набережные у Вологодского Кремля и вдоль всей реки Вологда.	Власть	Общество	Низкая 1. Президент РФ 2. Губернатор Вологодской области 3. Мэр Вологды	Низкий	В экологический (отказ от современно-рекреационной функции)	2 фазы 1. 2011 - 2018 Реализация бетонирования набережных г. Вологда 2. 2019 - н.в. Появление концепции зелёных благоустроенных набережных	Нет

6	<p>Застройка полей Тимирязевской академии в Москве (2016 – н.в.)</p>	<p>Москва, 24 га, Последняя функция: Научно-производственная</p>	<p>Периферия Москвы. Территория Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева</p>	Бизнес	Общество	<p>Низкая</p> <p>1. Президент РФ</p> <p>2. Министерство сельского хозяйства, Министерство природных ресурсов и экологии</p> <p>3. Депутаты ГосДумы</p> <p>4. Мэр Москвы</p>	Низкий	<p>В научный (частичный отказ от селитебно-деловой функции)</p>	<p>2 фазы</p> <p>1. 2016 -2020 Строительство жилых домов на территории полей Тимирязевской академии</p> <p>2. 2020 - н.в. Строительство общежитий, новых зданий для ВУЗа и жилая застройка</p>	Нет
---	---	---	--	---------------	-----------------	--	---------------	--	---	------------

Составлено автором.

Таблица 2.3. Шкала оценки роли и результативности участия акторов в ОЗП

№	Название кейса	Фаза реализации	Основные целевые функции	Кто принимает решение о функции	Кто согласует	Кто собирается финансировать	Кто возражает	Способ выражения недовольства
1	«Охта-центр»	<p>Фаза 1 (2006 - 2012) «Газпром-сити» (Охта-центр)</p>	<p>Деловой центр, штаб-квартира государственной корпорации «Газпром»</p>	<p>Город и бизнес</p>	<p>ЮНЕСКО, Федерация, Город</p>	<p>Бизнес при помощи Города</p>	<p>Общественность, эксперты-градостроители, градозащитные движения, депутаты Законодательного собрания, ЮНЕСКО</p>	<p>Митинги протеста в СПб и Москве, петиции, блокирование публичных слушаний, публичные заявления экспертов, знаковых персон, представителей ЮНЕСКО, инициация референдума, обращение в суд</p>
		<p>Фаза 2 (2010 - 2020) «Охтинский мыс» Новые проекты редевелопмента той же территории со стороны компании «Газпром»</p>	<p>Общественно-деловой центр со значительной культурной функцией</p>	<p>Федерация (под влиянием ЮНЕСКО и общественного активизма), Город (под влиянием Федерации) – остановка Фазы 1 Бизнес</p>	<p>ЮНЕСКО, Федерация, Город</p>	<p>Бизнес, Город, Федерация</p>	<p>Общественность, эксперты-градостроители, экологи, депутаты Законодательного собрания</p>	<p>Сбор подписей, петиции, народные сходы, обращение в суд</p>

		Фаза 3 (2020 - н/вр) Музей истории и археологии на Охтинском мысе	Музейно-выставочное пространство с высокой долей общественных пространств	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)	ЮНЕСКО, Федерация, Город	Федерация, Город	Бизнес	Публикации в прессе
2	Парк «Зарядье»	Фаза 1 (2006-2010) Проекты реконструкции гостиницы «Россия»	Гостиница, офисы, парковка	Город	Город	Бизнес ("СТ Девелопмент")	Бизнес («Монабу») (недовольство проведением конкурса)	Суд
		Фаза 2 (2010-2012) Строительство парламентского центра, гостинично-делового квартала, жилого квартала)	Здание парламентского центра, общественно-деловой центр	Город	Федерация, Город	Город	Архитекторы, Федерация (Премьер-министр), Город (Мэр Москвы)	Медиа, принятие альтернативного решения
		Фаза 3 (2012 - н.в.) Создание парка	Пешеходная зона, парковая зона, сохраняются исторические здания, зеленая	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)	Федерация, Город	Город	Архитекторы, экологи	Медиа

			зона, парковочная зона, филармония, концертный зал, гостиница					
3	Храм Святой Екатерины	Фаза 1 (2010) Проект строительства храма на площади Труда	Воссоздание храма, исторически существовавшего на данной территории (на площади Труда храм был расположен до 1930 года)	Регион, Город	Регион, Город	Бизнес (Уральская горно- металлургическая компания – УГМК)	Общественность, градостроительный совет, архитекторы	Митинги протеста, акции, медиа
		Фаза 2 (2016 - 2017) Проект строительства храма в акватории городского пруда	Строительство храма в акватории городского пруда в самом центре города. Появление нового визуального символа города	Регион, Город (под влиянием общественного активизма)	Регион, Город	Бизнес (УГМК, Русская медная компания)	Общественность, архитекторы	Обращения жителей к Президенту РФ, Мэру Екатеринбурга, публичные слушания, медиа

		<p>Фаза 3 (2017 - 2019) Проект строительства храма в сквере у Театра Драмы</p>	<p>Застройка храмовым объектом сквера на берегу пруда с обустройством культурной зоны для проведения мероприятий и размещением зоны отдыха</p>	<p>Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)</p>	<p>Федерация, Регион, Город</p>	<p>Город, Бизнес (ООО «Храм Святой Екатерины», Фонд Святой Екатерины)</p>	<p>Общественность</p>	<p>Массовые несанкционированные властью акции протеста населения, инициация референдума, акция «Городская переключка»</p>
		<p>Фаза 4 (2019 - н/в) Опрос по месту строительства. Проект строительства на территории бывшего приборостроительного завода</p>	<p>Проведение опроса из 13 новых площадок для строительства. Утверждение нового места строительства храма. Сохранение рекреационной зоны у театра Драмы</p>	<p>Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)</p>	<p>Федерация, Регион, Город</p>	<p>Город, Бизнес (Фонд Святой Екатерины - учредители РМК и УГМК)</p>	<p>Общественность</p>	<p>Петиция за признание приборостроительного завода памятником</p>
4	Тучков буян	<p>Фаза 1 (2006 - 2012)</p>	<p>Элитное жилье, гостиница, элитные</p>	<p>Город и федерация (под влиянием</p>	<p>Город</p>	<p>Застройщик под гарантии Федерации,</p>	<p>Эксперты-градостроители, настоятель соседнего</p>	<p>Медиа, пикет, открытое</p>

		Набережная Европы	торговые и сервисные объекты для коммерческих целей, Театр танца, общественная пешеходная набережная, без парка, одно историческое здание сохраняется	бизнеса)		Федерация	собора, работники снесенного предприятия, член правительства города, общественность города, несколько НПО	письмо губернатору, затем отставка члена правительства города, сбор подписей онлайн, митинги протеста
		Фаза 2 (2012 - 2017) Судебный квартал	Здание Верховного суда, Театр танца, открытое общественное пространство, общественная или частная пешеходная набережная, парка нет. Статус исторического наследия снят,	Федерация	Федерация, Город	Федерация	Общественность, эксперты-градостроители, экологи	Медиа, сбор подписей онлайн

			здания не сохраняются					
		Фаза 3 (2019 - н/вр) Парк «Тучков Буян»	Полностью открытое общественное пространство, парк, общественная набережная, Театр танца, одно историческое здание сохраняется	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)	Федерация, Город	Федерация, Город	Архитекторы	Медиа
5	Бетонирование набережных р. Вологда	Фаза 1 (2011 - 2018) Реализация бетонирования набережных г. Вологда	Благоустройство набережных, защита от затопления и подтопления	Регион, Город	Федерация (Федеральное агентство водных ресурсов), Регион, Город	Регион, Город, Бизнес (ОАО Вологдавтодор)	Местные жители, активисты, архитекторы, экологи, студенты и преподаватели местного университета	Многочисленные митинги, акции, медиа, выражения в СМИ, обращения к Президенту, заявления в полицию, в комитет природных ресурсов, обследование объекта, общественные обсуждения

		<p>Фаза 2 (2019 - н/вр) Остановка реализации проекта в первоначальном виде. Продолжение бетонирования. Появление концепции зелёных благоустроенных набережных</p>	<p>Формирование зелёной благоустроенной набережной, создание новых зелёных зон</p>	<p>Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)</p>	<p>Федерация (Федеральное агентство водных ресурсов), Регион, Город</p>	<p>Регион, Город, Бизнес (ООО «Магистраль»)</p>	<p>Местные жители, активисты, архитекторы, экологи, студенты и преподаватели местного университета, дизайнеры, историки и специалисты по охране наследия</p>	<p>Протестные акции, круглый стол с архитектурным бюро, обращения к Президенту, общественные обсуждения</p>
6	<p>Застройка полей Тимирязевской академии в Москве</p>	<p>Фаза 1 (2016 - 2020) Строительство жилых домов на территории полей Тимирязевской академии</p>	<p>Жилая застройка 100 га, парковая зона</p>	<p>Федерация, Город, Академия</p>	<p>Федерация (АИЖК, Министерст во сельского хозяйства РФ), Город, Академия</p>	<p>Бизнес (Фонд РЖС)</p>	<p>Бывшие руководители Минсельхоза СССР и Российской Федерации, студенты, преподаватели и сотрудники ВУЗа, Минприроды, функционеры партии «Единая Россия», Минобрнауки, лидер «Справедливой России» Сергей Миронов</p>	<p>Петиция, митинги, сообщения в СМИ, обращения к президенту, публичные высказывания</p>

		<p>Фаза 2 (2021 - н/вр)</p> <p>Строительство общежитий, новых зданий для ВУЗа и жилая застройка</p>	<p>Жилая застройка, студенческие общежития, жилой дом для сотрудников вуза и другие здания для академии</p>	<p>Федерация (Президент РФ), Город, Академия (под влиянием общественного активизма)</p>	<p>Федерация (Министерство сельского хозяйства РФ), Город, Академия</p>	<p>Бизнес («Группа ЛСР»)</p>	<p>Местные жители, студенты, преподаватели, правозащитники, Архнадзор</p>	<p>Сбор подписей, сообщения в СМИ, публичные выступления</p>
--	--	--	---	---	---	--------------------------------------	---	--

Составлено автором.

Стоит отметить, что все трансформационные проекты, требовавшие вмешательства федеральных властей, решались различными формами консенсуса между акторами. Все рассматриваемые проекты требовали личного участия Президента Российской Федерации, а в случае с «Охта-центром» даже вмешательства глобального актора – ЮНЕСКО. В результате ни один из этих проектов не был реализован так, как предполагалось изначально. Кроме того, 4 из 6 рассмотренных проектов были перенесены и реализованы в новом и менее конфликтном месте (например, перенос храма в Екатеринбурге на территорию бывшего приборного завода, перенос Охта-центра в Санкт-Петербурге на окраину города в Лахту). Подобные переносы во многом соответствуют общественному резонансу в СМИ и сопровождаются изменением концепции проектов на исходной территории.

Очевидно, что выбранные нами кейсы демонстрируют усложнившуюся систему межакторных взаимодействий. Как мы упоминали выше, по мнению некоторых исследователей (Махрова и Голубчиков, 2012; Тыканова и Хохлова, 2015), для крупных российских городов 2000-х годов был характерен **режим роста** ввиду существования явных тактический коалиций крупного строительного бизнеса с властью (по Гельману (2010) – режим «государства-хищника»). Как только возможности компромисса и совместной мобилизации становятся ограничены, возникает почва для изменений городского режима. В случае активного влияния общества начинает формироваться **прогрессивный режим среднего класса**. В случае пассивного влияния акторов на городские процессы формируется **режим статус-кво**.

На наш взгляд, именно «**прогрессивный режим среднего класса**» в большинстве кейсов характеризует сложившуюся ситуацию. По мнению Кларенса Стоуна для смены режима на прогрессивный необходимым является существование «активного среднего класса» (активного гражданского общества) с существенным количеством свободного времени (Stone, 1989). В такой ситуации общество начинает противодействовать повестке, возникающей на ниве идей роста, появляются и развиваются экологические и градозащитные движения. Переход к прогрессивному режиму во многом объясняет отказ от таких символических для городского имиджа проектов как Храм Святой Екатерины, «Охта-центр», или набережная Европы на Тучковом буйне. Тем не менее, на начальных фазах реализации данных ОЗП ситуация была в заметно большей степени приближена к режиму роста ввиду (см. Таблица 2.2). «Машины роста» (ситуативные коалиции власти и бизнеса) подавляют прочих акторов, лишают их возможности голоса, вынуждая общество искать пути консолидации с различными политическими группами, партиями, градозащитными организациями в целях повлиять на ситуацию.

Как следует из материалов Таблиц 2.2 и 2.3, все попавшие в рассмотрение ОЗП были инициированы либо бизнесом, либо властью (Критерий 2.1). Практически все они изначально имели деловую/коммерческую цель (один – религиозно-деловую), от которой в процессе взаимодействия акторов отказались в пользу новой общественно-значимой (Критерий 3.1). Исключение, возможно, представляет случай проекта застройки Тимирязевской Академии, где масштаб проекта был сокращён в пользу сохранения на части территории существующей функции. Согласно теории городских режимов, начальная фаза всех проектов, очевидно протекала в реалиях локальных городских режимов роста, с преобладанием интересов сложившихся коалиций бизнеса и власти. Последовавшее на следующих этапах возрастание роли в проектах общественного активизма (Критерий 2.3) и последовавшая смена во всех проектах целеполагания под его воздействием (Критерии 2.1 и Группа 3) позволяют утверждать, что в ходе их реализации произошла смена локального городского режима. Поскольку состав влияющих на проекты коалиций расширился за счет общественного актора и именно его интересы стали управляющими в финальной стадии всех проектов, мы можем утверждать, что в пяти случаях мы наблюдали смену локальных городских режимов от «роста» к «прогрессивному», поскольку реализованные интересы общества там были связаны не с консервацией, а с развитием в интересах городского «среднего класса», а в случае Тимирязевской Академии режим трансформировался в большей степени в сторону режима «статус-кво». На значительной части Академии была сохранена изначальная функция, но на другой её части возобладал интерес бизнеса (см. подробнее Аксёнов и Галустов, 2023).

Полученные материалы позволяют делать выводы о процессе и результатах воздействия локальных городских режимов. Мы показали, что в 5 исследованных случаях наблюдался переход городских режимов от «роста» к «прогрессивному», а в одном – от «роста» в сторону режима «статус-кво» (случай Тимирязевской академии). Используемый при отборе исследуемых случаев главный «отсекающий» критерий вмешательства федерального уровня власти в совокупности с критерием последовавшей радикальной смены концепции проекта в условиях особенностей российской политической системы позволяют предположить, что исследованные кейсы, хотя и описывают лишь локальные смены городских режимов, однако становятся потенциально «прецедентными» для исследованных городов.

Исследуемые ОЗП можно назвать важными индикаторами воздействия городских режимов. Они позволяют на микроуровне увидеть конфликтные и бесконфликтные взаимодействия акторов. В исследуемых кейсах элементы прогрессивного режима среднего класса выдавливают превалирующий режим роста. В этой связи важно подчеркнуть

локальный характер городских режимов в разных городах. Они могут различаться в рамках отдельного города и зависеть от локальной среды. Подобные условия могут сложиться в любом крупном российском городе, тогда можно ожидать сходных с описанными результатов трансформации городского пространства (Аксёнов и Галустов, 2023).

2.3. Пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге

В качестве ещё одного метода оценки используется методика построения пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию городского пространства, которая была апробирована (Галустов, 2016) и усовершенствована на примере экологических и экокультурных протестов (Галустов, 2022, 2023). Использование пространственно-временных моделей как средства географического анализа релевантно, так как сам по себе симбиоз пространства и времени является важнейшим методологическим вопросом общественной географии (Шарыгин и Чупина, 2013; Аксёнов, 2014). Фактологической основой исследования стала информационная база экологических и экокультурных конфликтов, составленная автором на основе контент-анализа средств массовой информации (в первую очередь, региональной прессы) и экспертного опроса для верификации веса критериев исследуемых конфликтов.

В разделе 2.1 мы обосновали, что экологические и экокультурные конфликты являются индикаторами воздействия городского режима. В свою очередь, сам конфликт с учётом доминирующих «машин роста» в российских городах можно рассматривать с помощью **двухакторной схемы** с двумя полюсами интересов – «коалиция роста» (власть + бизнес) и общество (Рис. 2.2). Такой подход применяется, так как в каждом отдельном конфликте не всегда очевидно напрямую, кто является единственным выгодополучателем от его итогов, чаще всего интересы власти и бизнеса сливаются воедино (Тев, 2006; Тыканова и Хохлова, 2015; Желнина и Тыканова, 2019). Тыканова и Хохлова (2015) подчёркивают «исключённость горожан из дискуссий о формах и целях редевелопмента» в условиях существования «машины роста», а она сама является дискурсивно сконструированным образом коалиции политических и бизнес-элит против «общего врага» – общества. Общая для власти и бизнеса «политика роста» встречает усиление протеста и сопротивление экологических организаций, противников уплотнительной застройки и защитников историко-культурного наследия (Тев, 2006). На Рис. 2.2 мы изобразили схему, из которой следует, что если побеждает общество («победа»), то происходит локальное изменение

городского режима, а если власть или бизнес («поражение»), то режим остаётся прежним. В случае промежуточного решения или компромисса говорить об однозначных трендах сложнее, однако, компромисс может быть признаком торможения «машины роста».

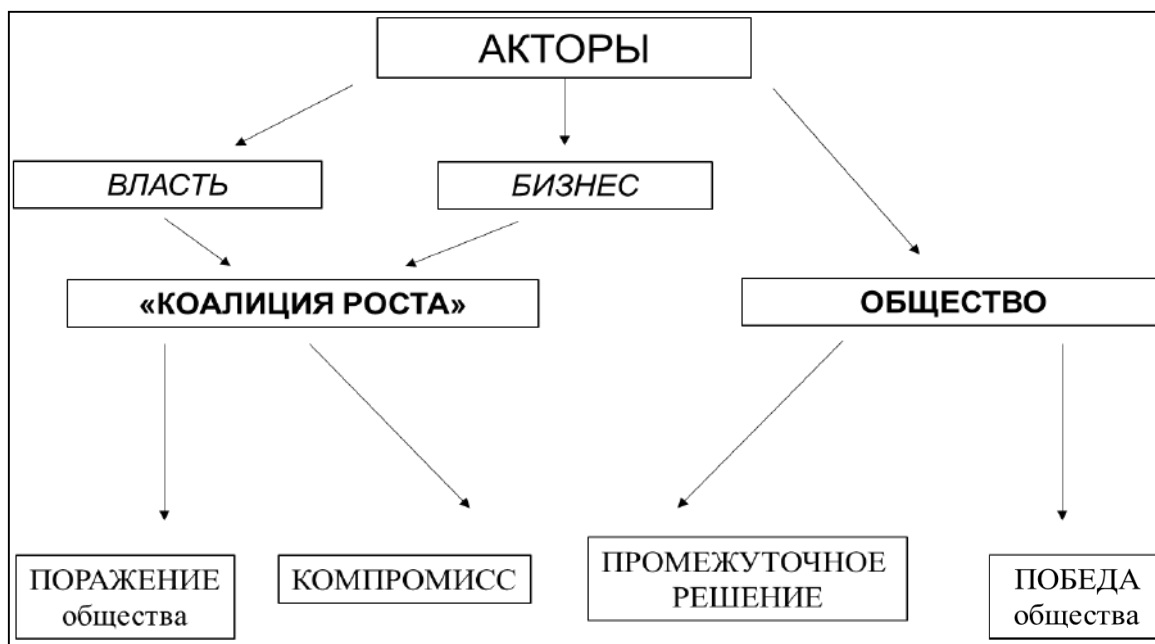

Рис. 2.2. Двухакторная схема конфликта (составлено автором)

Мы исходим из предпосылки, что протестный активизм является непосредственной инициативой общественности (сообществ) (Бараш и Антоновский, 2019). Поэтому в исследовании для удобства мы используем условные параметры, обозначая итог разрешения конфликта с позиции общества (победа – победа общества, поражение – победа власти/бизнеса). Выборка включает в себя основные конфликты, происходившие, начиная с проекта «Охта-центра» (2006 год). Среди конфликтных территорий присутствуют рекреационные зоны (зелёные насаждения), общественные пространства, ценные здания и объекты. В целях создания пространственно-временных моделей была составлена шкала экологических и экокультурных конфликтов (Приложение А), составленная по следующим категориям:

- 1) Наименование конфликта;
- 2) Итог протеста;
- 3) Масштаб территории конфликта;
- 4) Уровень решения/освещения проблемы;
- 5) Длительность конфликта;
- 6) Местоположение конфликта (в системе "центр-периферия");

7) Упоминания о конфликте в СМИ (контент-отклик).

Далее рассчитываются условные баллы конфликтов и их количество по районам (Приложения Б и В). Баллы имеют различный вес для каждой из категорий конфликта. В целях объективности оценки критериев конфликтов был проведён экспертный опрос для верификации веса критериев конфликтов, подробное содержание которого представлено ниже (Приложения Г и Д).

Итог протеста:

- 5 баллов – победа общественного активизма
- 3 балла – промежуточное решение/компромисс
- 1 балл – поражение

Масштаб территории:

- 3 балла – крупный (более 3 га)
- 2 балла – средний (от 1 до 3 га)
- 1 балл – малый (менее 1 га)

Уровень разрешения конфликта:

- 5 баллов – глобальный
- 4 балла – федеральный
- 3 балла – региональный
- 2 балла – муниципальный

Длительность конфликта:

- 4 балла – более 3 лет
- 3 балла – 1-3 года
- 2 балла – 0,5 – 1 год
- 1 балл – менее 0,5 года

Местоположение конфликта:

- 3 балла – центр
- 2 балла – полупериферия
- 1 балл – периферия

Контент-отклик в СМИ:

- 5 баллов – более 1 миллиона упоминаний
- 4 балла – от 100 000 до 1 миллиона
- 3 балла – от 10 000 до 100 000
- 2 балла – от 1 до 10 000
- 1 балл – менее 1 000

Итог конфликта является важнейшим параметром, определяющим уровень и значимость протестных действий в том или ином районе. Итогом конфликта может быть 4 основных сценария:

- 1) **победа** (положительный итог протестной деятельности);
- 2) **поражение** (отрицательный итог протестной деятельности);
- 3) **промежуточное решение** (замораживание конфликта на неопределённый срок);
- 4) **компромисс** (взаимные уступки акторов).

Характеристика масштаба территории является менее значимой, но достаточно важной категорией с точки зрения возможностей диффузии конфликта на прилегающие территории (Галустов, 2016). В некоторых случаях масштаб территории не всегда является фактором конфликта, достаточно привести в пример любой микроконфликт в историческом центре города. Малым является масштаб менее 1 га, средним – от 1 до 3 га, крупным – более 3 га.

Уровень решения/освещения проблемы – значимый параметр, по которому можно судить о вовлечённости органов власти, что тесно связано с важностью предполагаемого проекта и уровнем общественного внимания к проблеме. В случае высокой общественной значимости в конфликт могут вмешиваться внешние к региону акторы (высшие лица государства, ЮНЕСКО).

Длительность (продолжительность) конфликта – единственная временная составляющая пространственно-временной модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства. Длительное течение конфликта часто связано с повышением уровня внимания к нему. Быстрое решение конфликта обычно свидетельствует о низкой значимости конфликта для общества, либо, наоборот, о важности разрешения конфликтной ситуации для власти (Аксёнов и Галустов, 2023).

Критерий местоположения конфликта является ключевым и отражает географическое распределение конфликтов. Для создания шкалы местоположения мы предложили взять за основу классическую теорию геополитической экономики «центр-периферия», сформулированную в 1966 году американским географом-урбанистом Джоном Фридманом и социологом Иммануилом Валлерстайном в соответствии с которой мир разделён на 3 зоны – центр, полупериферию (пограничье) и периферию (Wallerstein, 1987). Подобную модель мы применяем к городу, но с несколько иными критериями, определяющими понятия в системе «центр-периферия».

Центр можно определить, как территорию в границах исторического центра города. ЮНЕСКО использует понятие «исторический центр Петербурга», подразумевая под ним территорию уцелевшей застройки, воплощённой по определённом плану (в основном, в дореволюционную эпоху)³⁰. На этой территории экологические и экокультурные конфликты особенно чувствительны в связи с большой значимостью территории для общества и значительной концентрацией памятников и зон охраны. В соответствии с моделью «центр-периферия» центр также можно определить, как территорию, оказывающую существенное влияние на всю городскую территорию, так как конфликты в центральной части города, являясь объектом всеобщего внимания, могут спровоцировать подобный протест и на периферии.

Периферией являются городские окраины, осваивавшиеся как городская территория преимущественно в период 1960-2000-х годов. Конфликты на этой территории, как правило, затрагивают только местное население и решаются на муниципальном или региональном уровне (в случае значимости конфликта для жителей прилегающих территорий).

Наиболее проблемным является определение городской полупериферии. Предлагается считать полупериферией территорию, не входящую в зону исторического центра, но расположенную к нему настолько близко, насколько может оказывать на него непосредственное влияние (а также и на прилегающую периферию). Примером можно считать упомянутый вопрос изменения исторической панорамы Санкт-Петербурга при

³⁰ UNESCO World Heritage Convention. Интернет-ресурс: <http://whc.unesco.org/ru/list/540#top/> (Дата обращения: 19.04.2022).

строительстве башни Газпрома. Например, проект «Охта-центра» подразумевает строительство за пределами центра, но его возможный вид влиял бы на общую панораму центра из разных точек. Другой пример – строительство Западного скоростного диаметра в Санкт-Петербурге. Пропилеи его Большого вантового моста вторгаются в панораму Большого проспекта Васильевского острова, а также искажают визуальную панораму со стороны Троицкого моста и Дворцовой набережной (Галустов, 2016). Для оценки влияния панорам Министерством культуры РФ были утверждены границы исторического поселения в Петербурге, который, в свою очередь, учитывает панорамы кругового обзора и «бассейны визуального восприятия исторической системы доминант». Согласно этому документу, охране подлежат «сочетания компонентов исторического городского ландшафта с акцентами и доминантами на фоне неба в пределах видимости», то есть панорамы. Для общегородских доминант (Петропавловский собор, Исаакиевский собор, Смольный собор и т.п.) этот предел составляет 11 км, для основных (Биржа, Никольский собор, Пантелеймоновская церковь) предел до 6 км. Примеры разного местоположения конфликтов указаны на Рис. 2.3.

Рис. 2.3.1

Центр
Снос Дома Рогова

Рис. 2.3.2

Полупериферия
Проект «Охта-центра»

Рис. 2.3.3

Периферия
Проект храма в парке Малиновка

Рис. 2.3. Примеры местоположения городских конфликтов³¹
(составлено автором на основе piter.tv, hraniteli-nasledia.com)

Последним пунктом, отражающим значимость конфликта, является количество упоминаний о нём в прессе. В ходе анализа прессы можно сделать вывод, что конфликты, вышедшие на новый уровень рассмотрения (например, от локального на федеральный) становятся повышенным объектом внимания прессы. Для оценки числа публикаций был использован контент-анализ основных региональных интернет-СМИ, после чего

³¹ Рис. 3.1. «Дом Рогова будет восстановлен судом», 14.08.2017. Интернет-ресурс: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/utraty/dom-rogova-budet-vostranovlen-sudom/> (Дата обращения: 24.03.2021).

Рис. 3.2. «Санкт-Петербургу нужны такие объекты, как «Лахта центр», 15.12.2017. Интернет-ресурс: <https://www.vedomosti.ru/realty/characters/2017/12/15/745405-nuzhni-lahta-tsentr> (Дата обращения: 24.03.2021).

Рис. 3.3. «Строительство храма перенесут из парка Малиновка на участок для больницы и роддома», 7.08.2015. Интернет-ресурс: https://piter.tv/event/parka_Malinovka_hram/ (Дата обращения: 24.03.2021).

анализировались все медиа-упоминания конфликта, а затем складывалось количественное соотношение публикаций (включая перепечатки, акцентирующие внимание на конфликте). Для конфликтов, вышедших на федеральный уровень, анализировался также массив общегосударственных СМИ и публикаций в других регионах (Галустов, 2016).

По итогам обобщающего анализа и суммирования условных баллов конфликтов был смоделирован итоговый агрегированный показатель, рассчитанный для каждого конфликта и нанесённый на картосхемы г. Санкт-Петербурга (см. Рис. 2.4, 2.5, 2.6). Именно его можно определить, как **пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства**, которые построены на основе анализа итогов экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге. Ниже представлена картосхема пространственно-временных моделей.

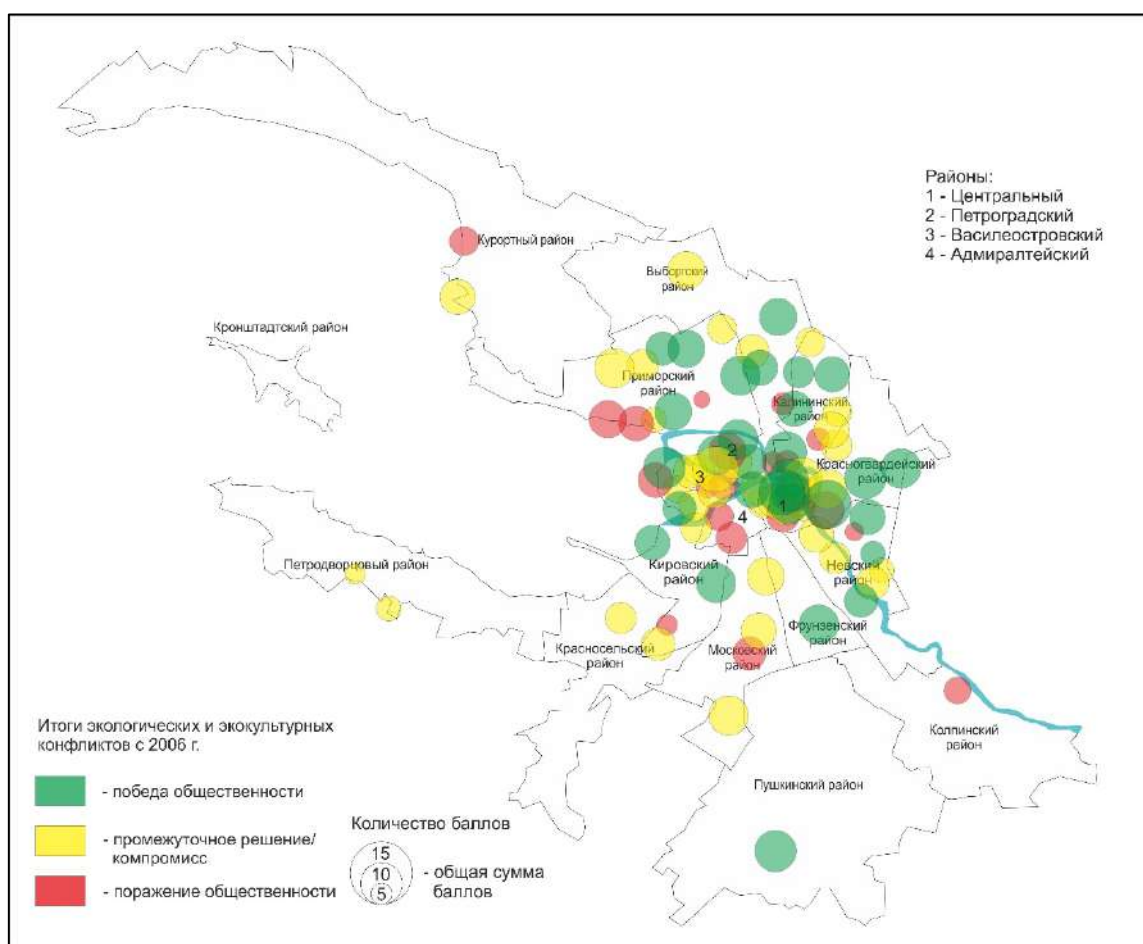

Рис. 2.4. Пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере итогов экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге
 (составлено автором на основе Приложения Б)

На рисунке представлены пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства, составленные на основе индикативных экологических и экокультурных конфликтов (Приложение Б). Как уже было сказано, в исследовании мы опирались на двухакторную схему (см. Рис. 2.2), поэтому модели разделены на 3 основные категории – победа общественности (зелёный цвет), промежуточное решение или компромисс (жёлтый) и поражение общественности, то есть победа власти или бизнеса (красный цвет).

Размер кружка означает число баллов конфликта в абсолютных единицах, где 1 балл – это 2 мм. Максимальное число баллов имеет конфликт вокруг строительства «Охта-центра» (23 балла). Этот кейс завершился победой общества, был решён с помощью вмешательства глобальных и федеральных акторов, продолжался в течение 4 лет и имеет максимальное количество публикаций. Второе и третье место соответственно набрали Конюшенное ведомство (22 балла) и Тучков буян (21 балл). Также по 20 баллов получили конфликты вокруг Баболовского парка, Военно-медицинской академии им. Кирова, парка «Малиновка», горельефа Мефистофеля на Доме Лишневского, Блокадной подстанции и парка на Смоленке. Более подробно информация о суммарных баллах конфликтов представлена в Приложении Б.

Исходя из данных таблицы и картосхемы, мы получили следующую картину – из **94** конфликтов в выборке **34** завершились победой общества, 30 промежуточным решением, 9 компромиссом и лишь **21** поражением. В относительных показателях большинство конфликтов закончились победой общественности – 36 %, 32 % завершилось промежуточным решением, 10 % компромиссом, тогда как 23 % сложилось в пользу «коалиции роста».

Красный цвет указывает на доминирующий режим роста – успешность коалиции власти и бизнеса, неспособность общества отстаивать свой интерес, либо слабость его сопротивления. Заметно большее количество пространственно-временных моделей зелёного цвета указывает на значительные успехи общества. Жёлтые модели говорят о многочисленных случаях невозможности принятия решения в точности в ту или иную сторону – для таких ситуаций характерен поиск консенсуса, затягивание конфликта. Власть и бизнес вынуждены слышать общество, но ещё вполне способны отстаивать и собственную точку зрения на изначальный проект. Такие ситуации вполне могут являться косвенным признаком прогрессивного режима среднего класса (Галустов, 2023).

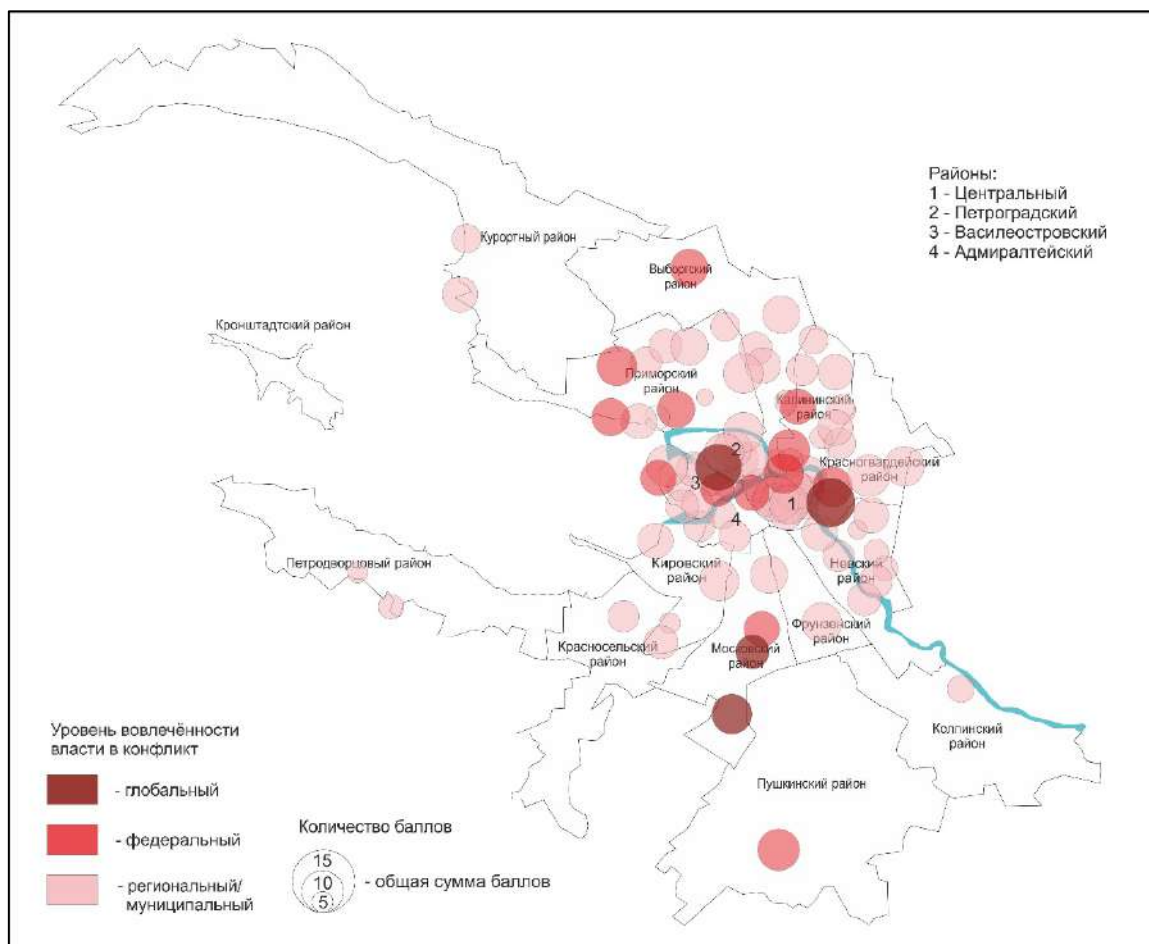

Рис. 2.5. Вовлечённость власти в экологические и экокультурные конфликты в Санкт-Петербурге (составлено автором на основе Приложения Б)

Данная картосхема (Рис. 2.5) фокусируется на аспекте вовлечённости власти в конфликт, что позволяет дифференцировать роли разных уровней власти в разрешении конфликтов. Уровни власти мы разделили на 3 категории – «глобальный», «федеральный» и «региональный/муниципальный». В связи с тем, что не все муниципальные конфликты попадают во внимание прессы, а также их малой значимостью, на картосхеме разделением на региональный и муниципальный уровни вмешательства представляется возможным пренебречь (подробные данные указаны в Приложении А). Размер кружка обозначает сумму баллов конфликтов, как и в предыдущей картосхеме.

Как видно из картосхемы, большинство из городских конфликтов разрешаются на региональном, либо муниципальном уровне. Конфликты федерального уровня уже представляют заметно более интересный предмет для анализа. К глобальному вмешательству мы относим участие ЮНЕСКО и других международных организаций в разрешении конфликта. В 3 из 4 случаев это участие оказалось критичным и привело к изменению изначального проекта («Охта-центр», Тучков буян, Пулковская обсерватория). Вмешательство ЮНЕСКО в конфликты фактически сделало эту организацию новым,

глобальным актором городского пространства, с интересами которой также приходится считаться. Из 14 случаев федерального вмешательства в конфликты, 6 закончились победой общества, 4 промежуточным решением, 2 компромиссом и всего 2 поражением. Это во многом позволяет говорить о том, что федеральное и глобальное вмешательство во многом способствуют итоговому консенсусу и в значительной степени учёту интереса общества.

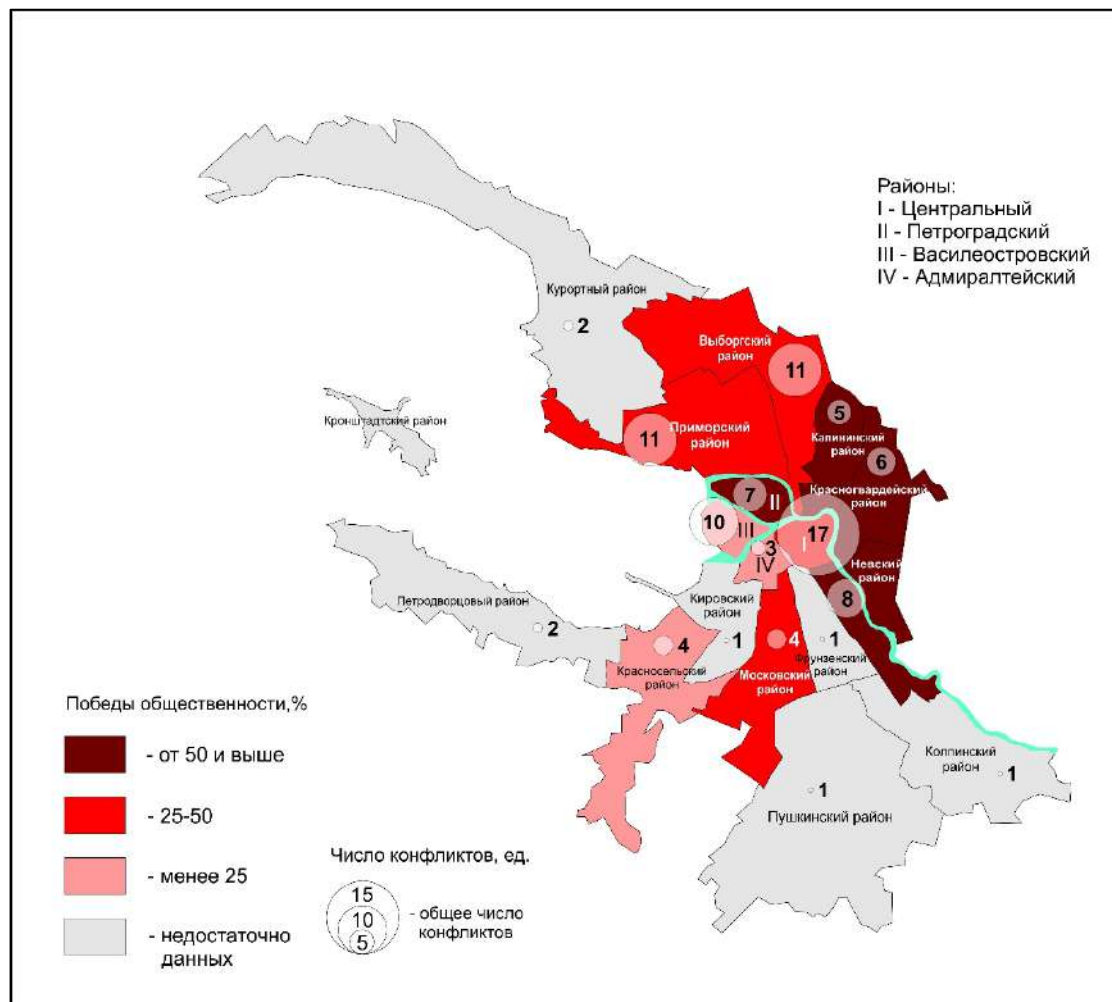

Рис. 2.6. Итоги побед актора «общество» в районах Санкт-Петербурга, %
 (составлено автором на основе Приложения В)

Следующая картосхема (Рис. 2.6) выполнена в смешанном формате картограммы и картодиаграммы, где картограмма отображает относительный показатель (процент побед общественности), а картодиаграмма – абсолютный (общее число конфликтов). Процент побед отнормирован по следующей шкале «от 50 % и выше», «25-50 %», «менее 25» и «недостаточно данных». В свою очередь, размер кружка отражает абсолютный показатель числа конфликтов на район, где 1 балл = 2 мм. Проанализировав процент побед общественности по районам Санкт-Петербурга, мы получили самые высокие показатели в соседствующих Калининском районе (60 %), Красногвардейском, Невском и Петроградском (все по 50 %). На второй ступени по количеству побед оказались Центральный, Московский,

Приморский и Выборгский районы. При этом максимальное число конфликтов обнаружено в Центральном районе (17), а также в Приморском (11), Выборгском (11), Василеостровском (10). В остальных районах число конфликтов оказалось статистически так незначительно, что для целей исследования ими принято решение пренебречь (см. Приложение В).

Исходя из полученных результатов, видно, что наиболее успешная активная часть общества в восточной периферии города, а также Петроградском районе – этот район мы используем для исследования кейсов более подробно. Это может говорить о сильных местных сообществах и отсутствии однозначных географических закономерностей в пользу центра Санкт-Петербурга. При этом дальние периферийные районы (Пушкинский, Петродворцовый, Курортный, Колпинский) являются фактически бесконфликтными территориями, как мы предполагаем, в силу крупных неосвоенных пространств и отсутствия тесных, сплочённых городских сообществ. Однако, также достаточно бесконфликтными оказались и приближенные к центру Фрунзенский, Кировский районы. Районы быстрого освоения (Приморский и Выборгский) по-прежнему обладают выраженными чертами режима роста, количество успехов власти и бизнеса здесь заметно выше, чем в менее быстро развивающейся восточной периферии.

Подчеркнём, что по итогам настоящего анализа можно сказать, что экологические и экокультурные конфликты являются индикаторами воздействия городского режима, которое, в свою очередь, влияет на изменения городской морфологии. В этой связи также можно обнаружить закономерность, что конфликты в центральной и полупериферийной части города, в основном, имеют экокультурный характер, тогда как на периферии – экологический (Галустов, 2016). По итогам конфликтов на территории могут возникать или не возникать новые проекты развития и редевелопмента.

Различия в местоположении конфликтов оказывают значительное влияние на общественное отношение к ним (Галустов, 2023), увеличивается неоднородность трансформационных процессов на разных городских территориях (Hillier & Hanson, 1984). Наиболее значимыми для горожан становятся конфликтные случаи, которые тяготеют к центру города, к охраняемым зонам культурного наследия (Чернышева и Хохлова, 2021). Именно на этой территории наблюдается средняя наибольшая продолжительность конфликта, максимальная концентрация промежуточных решений конфликтов и компромиссов (Тыканова и Хохлова, 2015). Во многом объекты культурного наследия притягивают внимание более значительных слоёв городской общественности, чем на периферии.

Итоги анализа пространственно-временных моделей демонстрируют локальные воздействия городского режима на пространство Санкт-Петербурга. Новый виток активности

общества, наиболее заметно проявившийся после событий вокруг «Охта-центра» в 2006 году, стал существенным фактором начала слома сложившегося городского режима в Санкт-Петербурге (Веревкин и Соколов, 2012). Это же демонстрируют и исходы большинства экологических и экокультурных конфликтов (Галустов, 2022). В основном, все городские конфликты, потребовавшие вмешательства федеральных органов власти, были разрешены в различных формах консенсуса акторов. Редчайшие из таких проектов были реализованы в первоначально задуманном виде (примеры: «Морской фасад», застройка парка 300-летия или сквера на 6-ой Советской улице). Другая часть наиболее важных проектов была перенесена и реализована в совершенно новой и менее конфликтной локации (например, перенос строительства комплекса зданий Верховного суда или «Охта-центра»). Такие переносы в значительной мере корреспондируют с контент-откликом в СМИ и сопровождаются сменой концепций проектов на изначальной территории³².

Воздействие городского режима проявляет себя в появлении новых функциональных изменений в городском пространстве. Как в случае общественно значимых проектов, так и в градостроительных конфликтах часто меняется направленность пространственных изменений. Планы городской трансформации в случае «машины роста» могут быть ускорены, в «статус-кво» приторможены или заморожены, а в случае «прогрессивного» режима корректироваться или пересматриваться в соответствии с новыми общественными запросами (Галустов, 2023). В следующем разделе мы рассмотрим детальнее, как режимные взаимодействия могут быть обнаружены в городской морфологии и изменении городских функций, а значит и в трансформации городского пространства в целом.

2.4. Результаты трансформации внутригородских пространств под воздействием городских режимов на примере Василеостровского и Петроградского районов Санкт-Петербурга

Для демонстрации различий результатов трансформации пространства под влиянием городского режима на внутригородском уровне автором выбрано два центральных района Санкт-Петербурга – Петроградский и Василеостровский. Согласно полученным в Разделе 2.3 результатам, Петроградский район является одним из лидеров по количеству побед общественности (57 %), в нём исключительно низкое число конфликтов, в которых коалиция

³² «Путин поддержал идею разбить парк вместо судебного квартала в Петербурге», 23.04.2019. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/society/23/04/2019/5cbf1ba29a7947cde3bed5f9> (Дата обращения: 23.12.2021); «Верховный суд готовится к переезду. Почему жители Петербурга этому не рады?», 22.10.2019. Интернет-ресурс: <https://www.bfm.ru/news/427625> (Дата обращения: 23.05.2023); «Стройку квартала для Верховного суда в Петербурге отложили до 2028 года», 16.01.2023. Интернет-ресурс: <https://www.rbc.ru/business/16/01/2023/63bff19e9a794700634b9bce> (Дата обращения: 23.05.2023).

власти и бизнеса успешно воспрепятствовала общественному сопротивлению. С другой стороны, соседний Василеостровский район характерен значительно более высокой концентрацией конфликтов и разновекторными результатами воздействия городских режимов (см. Приложение А, Рис. 2.4, 2.6). Вмешательство общества в конфликт здесь сыграло заметно менее выраженную роль.

На примере **Петроградского района** Санкт-Петербурга мы рассматриваем трансформацию пространства на следующих пространственно-временных моделях воздействия городского режима на трансформацию городского пространства. Как следует из Приложения А, на территории района выявлено семь таких моделей:

- Застройка Тучкова буяна (Большой пр. Петроградской стороны, д. 1а);
- Реконструкция Дома Басевича (Большая Пушкарская ул., д.7);
- Проблема восстановления барельефа Мефистофеля на Доме Лишневого (Лахтинская ул., 24);
- Застройка Матвеевского сада (Большая Пушкарская ул., 35);
- Застройка Лопухинского сада (ул. Академика Павлова, 13);
- Снос и приспособление под жилой комплекс Фабрики Мельцера (наб. р. Карповки, д. 27).

В **Василеостровском районе** зафиксированы следующие пространственно-временные модели (Приложение А):

- Строительство намывных территорий – «Морской фасад» (западная оконечность Васильевского острова);
- Попытки застройки прибрежной территории Финского залива – «Парк на Смоленке» (ул. Кораблестроителей, д. 28-30);
- Потенциальный снос здания медсанчасти № 1 завода им. М.И. Калинина (остров Декабристов, ул. Одоевского, д. 10);
- Строительство бизнес-центра «Соверен» на месте сквера (Малый проспект Васильевского острова, д. 22);
- Превышение высотного регламента Бизнес-центром «Биржа» (26-я линия Васильевского острова, д. 15, корп. 2);
- Строительство нового корпуса Больницы Св. Марии Магдалины (2-я линия Васильевского острова, д. 47);
- Снос и новое строительство на месте Гаванских бань (Гаванская ул., д. 5);
- Ущерб историческому Дому К.Г. Чубакова (11-я линия Васильевского острова, д. 58);

- Застройка Опочининского сада (периметр Большого пр. В.О., Наличной ул., ул. Опочинина, Среднегаванского пр.);
- Создание парка «Заросли» и строительство продолжения набережной Макарова (остров Декабристов, Уральская ул., д. 1).

В Петроградском районе Санкт-Петербурга существуют пространства, где вмешательство общества в результате привело к полному пересмотру изначальных проектов трансформации – это Матвеевский, Подковыровский, Лопухинский сады и Дом Лишневого. В этих конфликтах решение о сохранении/реконструкции этих пространств принималось под воздействием общественного активизма. Под давлением общества может быть сохранена, либо появляется впервые рекреационная функция вместо реализации деловой функции. По итогам конфликтов сады были целиком защищены от потенциальной застройки бизнесом, а вопрос восстановления образа Мефистофеля был решён положительно, несмотря на значительное сопротивление структур законодательной власти³³.

Иная ситуация складывается в случае промежуточных решений или компромиссов – в таком случае пространство не меняется (консервация Дома Басевича), либо меняется медленно и с изменениями первоначального проекта (Тучков буян), либо же проект переделывается на компромиссной основе (Фабрика Мельцера).

Рис. 2.7. Внешний вид Дома Басевича на 2020 г. (слева) и изначальный проект реконструкции (справа) (составлено автором на основе <https://kultfond.com>)

На примере Дома Басевича (Рис. 2.7) видно, что конфликт между акторами вокруг вопроса сохранения или реконструкции объекта культурного наследия привёл к его ветшанию и запустению³⁴. Аналогичным образом происходит в иных ситуациях, когда власть, бизнес и общество не могут прийти к компромиссу. Строительный бизнес не заинтересован в затратах на сохранение объекта, предлагая полный снос и строительство объекта «с нуля», тогда как общество противится уничтожению исторического центра города

³³ «ЗакС не стал возвращать Мефистофеля на Лахтинскую улицу в 2016 году», 21.10.2015. Интернет-ресурс: https://spb.aif.ru/politic/situation/zaks_ne_stal_vozvrashchat_mefistofelya_na_lahtinskuyu_ulicu_v_2016_godu/ (Дата обращения: 28.02.2023).

³⁴ На начало 2023 года.

(Бедерсон и др., 2021). В конечном счёте в городском пространстве часто сохраняется ситуация статус-кво, пространство приходит в «застывшее состояние». В подобном случае не происходит **ни развития, ни сохранения** (Ледяев, 2008), что сильно отражается на внешнем облике города.

На примере рассмотренного ранее Тучкова буяна мы видим, что региональные власти и бизнес предпочитают ждать федеральных решений и драйверов (Bin et al., 2021). Вмешательство федеральных акторов, разобщённость региональных элит, смена губернаторов – все эти факторы повлияли на то, что в течение 15 лет этой территории так и не была найдена приемлемая для всех функция. Единственным постоянным элементом при всех сменах планов редевелопмента оставалось строительство здания Академии Танца, публично обещанного Президентом РФ художественному руководителю театра Б. Эйфману³⁵ (см. Таблица 2.4).

Таблица 2.4. Трансформация пространства Тучкова буяна

	Фаза 1 (2006 - 2012) Набережная Европы	Фаза 2 (2012 - 2017) Судебный квартал	Фаза 3 (2019 - н/вр) Тучков Буян
Основные функции проекта	Элитное жилье, гостиница, элитные торговые и сервисные объекты для коммерческих целей, Театр танца, общественная пешеходная набережная, без парка, одно историческое здание сохраняется	Здание Верховного суда, Театр танца, открытое общественное пространство, общественная или частная пешеходная набережная, парка нет. Статус исторического наследия снят, здания не сохраняются	Полностью открытое общественное пространство, парк, общественная набережная, Театр танца, одно историческое здание сохраняется
Кто принимает решение о функции	Город и федерация (под влиянием бизнеса)	Федерация	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Федерация, Город	Федерация, Город
Кто собирается финансировать проект	Застройщик под гарантии Федерации, Федерация	Федерация	Федерация, Город
Кто возражает	Эксперты-градостроители, настоятель соседнего собора, работники снесенного предприятия, член правительства города, общественность города, несколько НПО	Общественность, эксперты-градостроители, экологи	Архитекторы

Составлено автором на основе Bin et al., 2021.

³⁵ «Путин заверил Бориса Эйфмана, что проект его театра не исчезнет из планов застройки Санкт-Петербурга», 25.04.2013. Интернет-ресурс: <https://tass.ru/spb-news/618351> (Дата обращения: 15.02.2022).

Как видно из Рисунка 2.8, постоянная смена проектов в угоду определённым акторам ведёт к консервации пространства. В период с 2006 по 2021 годы на Тучковом буяне вообще не велось никаких работ при том, что предыдущая производственная функция была утрачена (комплекс зданий АО «РНЦ «Прикладная химия (ГИПХ)» был снесён). Также, как и в случае с Домом Басевича, произошло «замораживание» пространства с перспективой межакторного компромисса в обозримом будущем. При этом пространство Тучкова буяна было отрезано от какого-либо использования на долгосрочный период³⁶ (Рис. 2.8).

Рис. 2.8. Тучков буян.

А – «Набережная Европы» (проект). Б – Судебный квартал (проект).

В – Парк с Театром Эйфмана (проект). Г – Реальность на 2020 г.

(составлено автором на основе archi.ru, zaks.ru)

На первый взгляд, трансформация как изменение сущности объекта в рассматриваемых случаях неочевидна. Однако, как мы отмечали, принципиально важным является изменение функционального назначения в ходе трансформации, в результате чего **пространство приобретает качественно новые свойства, более гибкие к текущей конъюнктуре и разным интересам акторов** (см. Главу 1). В этой связи Матвеевский и Лопухинский сады сохранили свою основную функцию, но в ходе трансформации

³⁶ «Суд или сад? Две версии будущего «Тучкова буяна», 15.12.2021. Интернет-ресурс: <https://www.fontanka.ru/2021/12/15/70319066/> (Дата обращения: 26.04.2023).

приобрели такие свойства, которые позволили их развивать далее в качестве парковых объектов уже без угрозы потенциальной застройки территории.

В Василеостровском районе территорий, где уместно будет говорить об эффективности вмешательства общества, только две – Парк на Смоленке и Опочининский сад (*прим. автора* – в 2023 году вокруг Опочининского сада развернулся новый виток экокультурного конфликта). Компромиссное решение было найдено в случае строительства Бизнес-центра «Биржа», где после жалоб на изменение высотного регламента, здание было сокращено на два этажа³⁷. Аналогичным компромиссным или промежуточным образом ситуация сложилась и в других кейсах. В случае строительства намыва Васильевского острова «Морского фасада», бизнес-центра «Соверен», нового корпуса больницы св. Магдалины общественное сопротивление было преодолено, «машина роста» в лице власти или бизнеса смогла достигнуть необходимого для себя результата. Такие случаи значительно отличают характер воздействия городского режима в Василеостровском районе от Петроградского.

На примере парка на Смоленке видно, насколько может быть разнонаправленным процесс трансформации пространства. Первоначальный проект строительства театра, а затем и отеля в видовом месте в устье реки Смоленки вызвал шквал критики местного населения, уже значительно пострадавшего от проектов строительства Западного скоростного диаметра и застройки намывных территорий. Появилось общественное движение за создание Парка на Смоленке, изменение идеологии отношения к территории Василеостровского района³⁸. В конечном счёте под влиянием общественного активизма город отказался от идеи застройки этого пространства. Идея парка победила, однако на момент 2023 года никаких работ по благоустройству здесь не проводилось³⁹ (см. Таблица 2.5, Рис. 2.9).

³⁷ «В Петербурге открыли биржу с "отрезанными" этажами», 11.02.2010. Интернет-ресурс: https://www.dp.ru/a/2010/02/11/v_peterburge_otkrili_birzh/ (Дата обращения: 26.04.2023).

³⁸ «Смоленская пуца. Как активисты борются за парк на Смоленке?», 25.03.2019. Интернет-ресурс: <https://luna-info.ru/discourse/park-na-smolenke/> (Дата обращения: 20.04.2023).

³⁹ «Что мешает созданию парка на Смоленке?», 24.09.2019. Интернет-ресурс: <https://spb.mk.ru/social/2019/09/24/chto-meshaet-sozdaniyu-parka-na-smolenke/> (Дата обращения: 20.04.2023).

Таблица 2.5. Кейс «Парк на Смоленке»

	Фаза 1 (2011 - 2015) Театр Аллы Пугачёвой	Фаза 2 (2016 - 2018) Инвест-отель ООО «Новые территории-девелопмент»	Фаза 3 (2019 - н/вр) Парк на Смоленке*
Основные функции проекта	Театр, культурный комплекс, завершение перспективы реки Смоленки, которая была задумана как осевая линия Невского проспекта	Комплекс апартаментов	Свободное общественное пространство с организацией набережных, без застройки
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Бизнес	Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Город	Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес	Бизнес	Город
Кто возражает	Общественность района и города, депутаты Законодательного собрания	Общественность, архитекторы, экологи, депутаты Законодательного собрания, градозащитные движения	Бизнес, чиновники городского правительства

Составлено автором на основе методики Bin et al., 2021.

Рис. 2.9. «Парк на Смоленке». А – «Театр Аллы Пугачёвой» (проект).

Б – Инвест-отель (проект). В – Парк на Смоленке (проект). Г – Реальность на 2021 г. (составлено автором на основе материалов Ш. Холматова, dp.ru, sobaka.ru, oreke.ru)

Как видно из Рисунка 2.9, что, как и в случае Тучкова буяна, постоянное изменение проектов под влиянием новых акторов не привело к развитию пространства, а привело к консервации идей по его развитию (Vin et al., 2021). Функция места была изменена, сейчас это рекреационное пространство. Однако, несмотря на то, что под воздействием общественного активизма происходит отказ города и бизнеса от своих изначальных решений, реализация общественных интересов происходит заметно медленнее. «Машина роста» исходит из того, что при благоприятном стечении обстоятельств параметры использования этого пространства вновь можно будет пересмотреть (как в случае Охтинского мыса, Тучкова буяна, застройки полей Тимирязевской академии и других). Отбор аналогичных кейсов представлен в Приложении Е. Анализ схожих репрезентативных кейсов в других районах продемонстрирован в Приложении З.

На рассмотренных примерах видно, что в ходе решений об изменениях пространства решающую роль играют акторы – принимающие решения, согласующие, финансирующие, возражающие. Их взаимодействие может вести как к развитию пространства, так и к замораживанию любых проектов.

Вторым значительным фактором трансформации является функциональное значение (Weber, 2002). Функцию можно определить при помощи нескольких инструментов, таких как:

- Генеральные планы города разных лет + проекты Генерального плана
- Правила землепользования и застройки
- Схемы территориального планирования
- Визуальные наблюдения

Самые конфликтно значимые для акторов проекты трансформации не позволяют разрешить конфликт в рамках обычной внутригородской системы взаимодействия «городская власть – городской бизнес – городские сообщества», требуется оценка масштаба вмешательства акторов.

На основе этих показателей построено две картосхемы трансформации городского пространства под воздействием городских режимов (на примере Василеостровского и Петроградского районов Санкт-Петербурга):

1. Карта начальной фазы (проекта) трансформации городского пространства;
2. Карта результатов трансформации городского пространства.

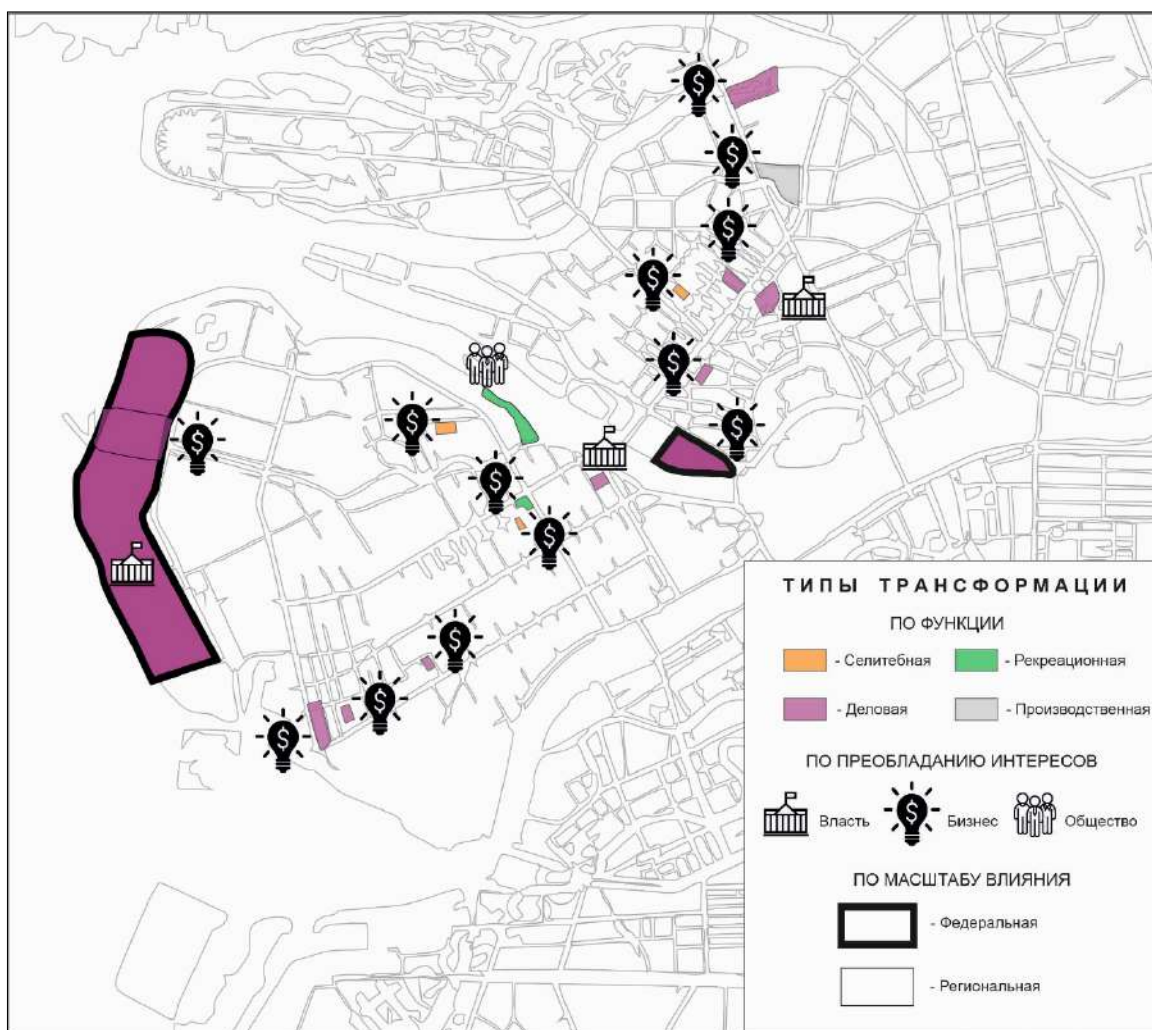

Рис. 2.10. Карта начальной фазы трансформации в Василеостровском и Петроградском районах Санкт-Петербурга (составлено автором)

На Рис. 2.10 продемонстрированы примеры трансформации городского пространства на их начальном этапе. Данные результаты получены на основе пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию городского пространства. Изображено 17 случаев трансформации – 10 в Василеостровском районе и 7 в Петроградском. Как мы видим, в 13 из 17 случаев (77 %) на начальном этапе преобладает интерес бизнеса. Часть проектов инициирована властями и лишь одна инициатива общества (Парк «Заросли») была частично реализована и впоследствии столкнулась с существенным сопротивлением других акторов⁴⁰. В большинстве случаев трансформация начинается с реализации или попытки реализации деловой функции (11 случаев из 17). В трёх случаях это селитебная функция, в двух – рекреационная, в одном – производственная. Далее рассмотрим, какие изменения произошли в процессе трансформации с пространством петербургских районов.

⁴⁰ «Смольный закатывает парк «Заросли» в асфальт. Магистраль победила зелень в сознании чиновников», 23.01.2022. Интернет-ресурс: <https://www.fontanka.ru/2022/01/23/70395272/> (Дата обращения: 24.04.2023).

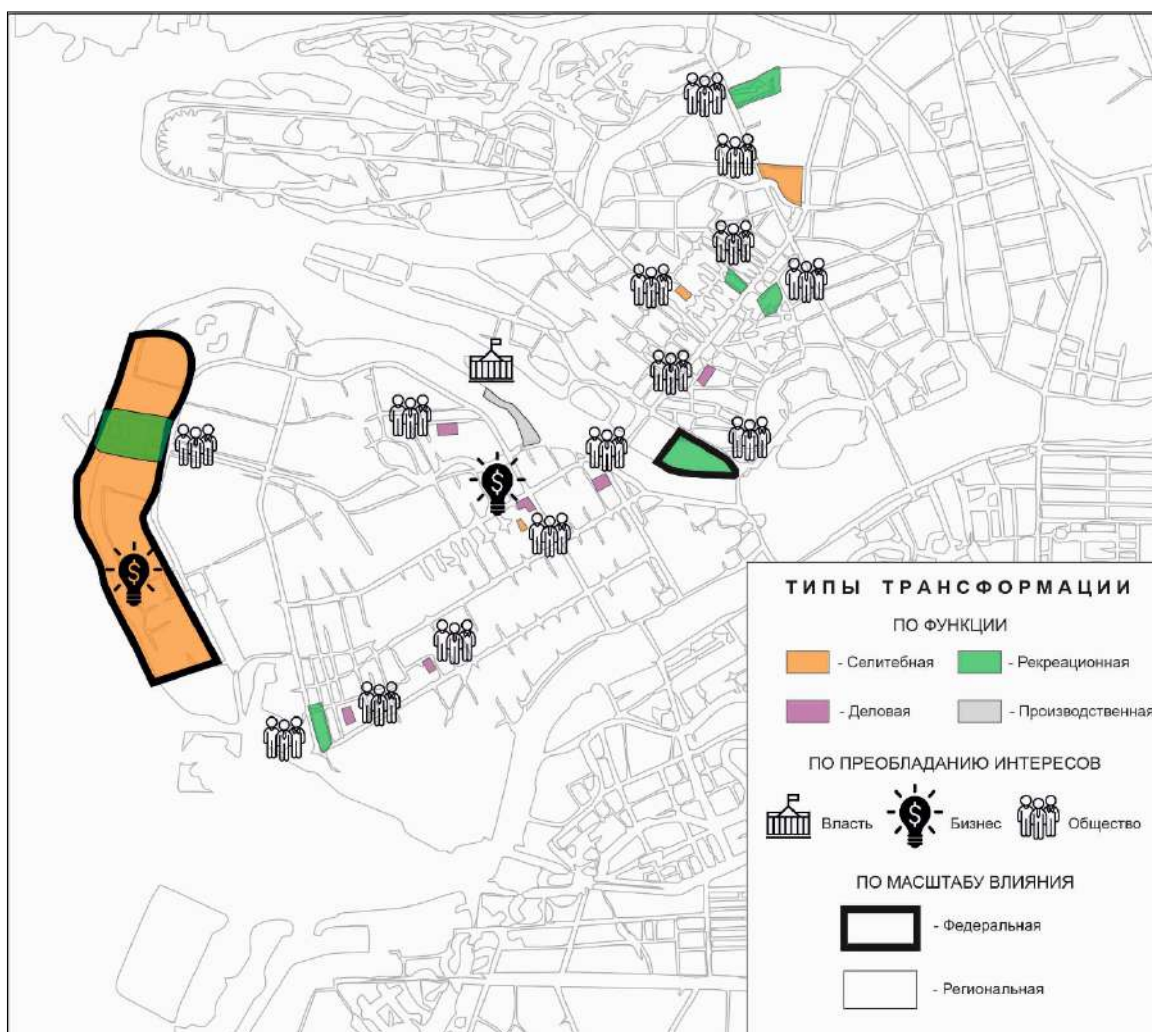

Рис. 2.11. Карта итогов трансформации в Василеостровском и Петроградском районах Санкт-Петербурга (составлено автором)

На Рис. 2.11 мы видим итоги (результаты) трансформации городского пространства под воздействием городского режима. Очевидно, что на городской территории произошли существенные изменения. В 11 случаях произошла **трансформация функционального назначения** территории. В 14 случаях функция пространства была изменена под воздействием общественного активизма. В обоих случаях федерального вмешательства («Морской фасад» и Тучков буян) произошло изменение функционального назначения.

По итогам трансформации в 6 случаях из 14 установилась рекреационная функция, в других шести – деловая (из них в 4 уже существовавшая деловая функция сохранилась), в 4 появилась селитебная функция и в одном – производственная. В целом, число объектов деловой функции упало примерно в 2 раза, рекреационной – выросло в 3 раза, селитебной и производственной осталось на прежнем уровне.

Число случаев преобладания интересов бизнеса сократилось с 13 до 2, власти с 3 до 1, а влияние общества выросло с 1 до 14. Из этих 14 примеров преобладания интересов общества в 6 случаях появилась рекреационная функция, в 5 – деловая, в 2 – селитебная. Под

воздействием властей появился проект инженерно-производственного использования территории, а бизнес сумел добиться делового и селитебного функционала территорий.

Власти отдали контроль за одним случаем бизнесу («Морской фасад»), за двумя – обществу (Больница св. Марии Магдалины и Матвеевский сад). Однако, были и случаи, когда интересы власти возобладали (строительство продолжения набережной Макарова на месте парка «Заросли»)⁴¹. Интересы бизнеса здесь были второстепенны, но в случае с реализацией проекта «Морской фасад» и Бизнес-центра «Соверен» именно интерес бизнеса сыграл решающую роль в появлении проектов в настоящем виде.

На основе исследования трансформации в Петроградском и Василеостровском районах мы обнаруживаем, что в разных местах и районах трансформация городского пространства может иметь разные сценарии, неоднородный характер и скорость изменения функции, преобладание интересов разных акторов и отличия в масштабе значимости. Трансформация имеет различные типологические характеристики в зависимости от места, уровня участия и интересов акторов. Некоторые трансформации очень похожи друг на друга по пространственно-временным характеристикам, а некоторые существенно разнятся. Для вывода общих принципов и закономерностей трансформации, зная свойства каждого кейса, целесообразно рассмотреть возможность формирования типологии этого процесса и его результатов. Проблема типологизации трансформации городского пространства и поиска её универсальных принципов и закономерностей является предметом финальной главы настоящего исследования.

⁴¹ Прим. автора. Несмотря на принятое властями решение о строительстве продолжения набережной, на 2023 год строительных работ не начиналось. Можно предположить, что это также происходит под воздействием общественного активизма и трудности достижения межакторного консенсуса. Если существенная часть общества не заинтересована в строительстве дороги, встаёт вопрос о её принципиальной целесообразности. Аналогичные случаи неоднократно происходили и в других локациях (строительство магистрали через Химкинский лес в Московской области, 2011; строительство Западного скоростного диаметра через Юнтоловскую лесную дачу, 2014).

Глава 3. Типы, принципы и закономерности трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов

3.1. Типология трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов

Данный раздел фокусируется на систематизации и обобщении исследования трансформации городского пространства под воздействием городских режимов. Рассмотренные выше примеры воздействия городских режимов (общественно значимые проекты трансформации городской среды и городские конфликты) являются основой для создания типологии. Типологию можно условно разделить на две смысловые части, проистекающие из структуры исследования:

- 1. Процесс трансформации городского пространства.** Процесс трансформации городского пространства в целом рассматривается на базе итогов исследования общественно значимых проектов трансформации городской среды (Раздел 2.2). Процесс трансформации исследуется на основе критериев оценки, которые прямо или косвенно связаны с воздействием городских режимов. Оценивается как процесс, так и результат трансформации пространства для каждого кейса с учётом подробного знания о количестве фаз-смен концепций проекта и его реализации в другой локации (Аксёнов и Галустов, 2023).
- 2. Результативность трансформации городского пространства.** Кейсы из раздела 2.4 в силу их репрезентативности использованы для анализа результативности (итогов) трансформаций городского пространства и построения табличных материалов. Глубина такой типологии менее выражена, но статистически более значима. Типология оценивает только характер функциональных изменений, преобладание интересов акторов, масштаб значимости события в пространстве.

Первой частью типологии является комплексная оценка процесса трансформации городского пространства. В качестве кейсов для типологии использованы ОЗП. Данная типология универсальна и имеет единое основание. На основе комбинированной оценки результатов исследовательской работы определены ключевые критерии трансформации.

По преобладанию интересов акторов:

- Власть
- Бизнес
- Общество

По местоположению:

- Центр
- Полупериферия
- Периферия

По характеру смены функции на:

- Селитебную
- Деловую
- Рекреационную
- Производственную
- Специальную

По числу смен направленности трансформации:

- Однофазная
- Двухфазная
- Многофазная

По продолжительности:

- Менее 1 года
- До 5 лет
- От 5 лет и более

По масштабу влияния:

- Глобальная
- Федеральная
- Региональная

По резонансу в СМИ:

- Высокий
- Средний
- Низкий

Преобладание интересов акторов является важнейшим показателем воздействия городского режима. Именно изменение возможностей влияния акторов отражает процесс локального режимного воздействия. Поскольку говорить о полной трансформации городского режима на одном кейсе не представляется возможным, предлагается оценить именно перетекание интересов акторов в ходе трансформации пространства.

Местоположение указывает на локацию городского пространства в системе «центр – периферия». Этот показатель определяется аналогично методике, описанной в разделе 2.3. Уровень резонанса в СМИ устанавливается аналогично методике, описанной в разделе 2.2.

Изменение функционального назначения пространства является важнейшим критерием трансформации (Gotham, 2001; Weber, 2002; Аксёнов, 2011). Для корректной типологизации следует учитывать не только конечную функцию, но и ту, которая существовала в начале трансформации.

Временными критериями, используемыми в методике оценки процесса трансформации, является продолжительность трансформации и число смен её направленности. Все общественно значимые проекты трансформации городской среды являются многофазными долгосрочными событиями с регулярной сменой концепции реализуемых проектов. В случае экологических и экокультурных конфликтов нами рассматривались и краткосрочные, однофазные случаи, где можно установить только одно изменение вектора трансформации.

Как мы отмечали выше, конфликтные для акторов проекты трансформации часто не позволяют разрешить конфликт на региональном уровне, требуется федеральное (международное) вмешательство. Причём для сужения базы исследования мы выводим за рамки исследования муниципальный масштаб, фокусируясь на глобальных и федеральных проектах на уровне всей Российской Федерации, и, оценивая также трансформации регионального уровня на примере Санкт-Петербурга.

Так, например, исходя из представленной типологии, пример «Охта-центра» является примером *многофазной длительной общественной полупериферийной трансформации городского пространства глобального масштаба*. Проект находится в полупериферийном кольце Санкт-Петербурга, несколько раз менялась концепция реализации проекта (многофазность), он длится уже более 17 лет, а также имели место случаи вмешательства всевозможных акторов, включая федеральную власть (Президент РФ) и глобальных участников (ЮНЕСКО). Другой случай – застройка полей Тимирязевской академии же будет случаем *двухфазной длительной общественной периферийной трансформации городского пространства федерального масштаба*. В данном случае было лишь два пути развития проекта – строительство жилых домов, а затем общежитий и новых зданий для ВУЗа. Трансформация получила отклик на федеральном уровне (Президент РФ), находится на периферии Москвы. Подробный анализ трансформаций городского пространства на примере общественно значимых проектов трансформации городской среды представлен в Приложении Ж.

На взгляд автора, используемая методология, несмотря на достаточно подробное описание характера трансформации пространства под воздействием городского режима, не является универсальным подходом к изучению трансформации. Прежде всего потому, что такой подход требует очень подробных данных по каждому кейсу (см. Раздел 2.2). Стремясь

представить типологию трансформации в максимально наглядном виде и опираясь на исследование в Разделе 2.4, автор оценивает **результативность трансформации городского пространства** по трём индикативным параметрам. Эти параметры отражают изменение функционального назначения и морфологии городского пространства, воздействие городского режима и уровень влияния акторов. В совокупности результативность трансформации пространства отражает итоговое направление и результат трансформации городского пространства. Для типологизации трансформации городского пространства по данному методу были выбраны нижестоящие критерии.

I. По преобладанию интересов акторов:

- Было
- Стало

II. По функции:

- Было
- Стало

III. По масштабу влияния:

- Глобальная
- Федеральная
- Региональная

Как и при оценке процесса трансформации, сначала оценивается изначальный актор-интересант (власть, бизнес или общество) и тот актор, который в результате больше всех выиграл от трансформации. Переход интересов к обществу мы условно называем *общественной* трансформацией городского пространства, переход к бизнесу – *коммерческой*, переход к власти – *административной*. Эти два состояния до перехода и после него можно сформулировать как «Было – Стало».

Аналогичным образом оценивается изначальная и конечная функции пространства в результате трансформации. Как говорилось выше, вопросы функционального зонирования рассматриваются во множестве документов территориального планирования (Генеральные планы, схемы территориального планирования, Правила землепользования и застройки). Трансформация имеет условное название, согласно своему результату. Например, в случае Парка «Зарядье» в Москве изначально существовала деловая функция и преобладали интересы бизнеса. По итогам трансформации появилась рекреационная функция и возобладал общественный интерес. Такую трансформацию мы назовём *общественно-рекреационной трансформацией*. Если же в результате трансформации возобладала деловая

функция (как в случае с застройкой полей Тимирязевской академии в Москве), то такая трансформация называется *общественно-деловой*.

Единственный параметр, который мы не оцениваем на предмет динамики – это масштаб влияния трансформации. Масштаб влияния определяется в ходе трансформации и чаще всего нарастает – от муниципального к региональному, от регионального к федеральному, от федерального к глобальному (см. Главу 2). Масштаб влияния можно установить с помощью публикаций в СМИ, публичных комментариев акторов разного уровня. Для типологии мы используем тот масштаб, который достигнут на пике внимания к трансформации городского пространства. Например, в случае «Охта-центра» вмешательство федеральных властей и ЮНЕСКО в 2010 году (на 4-ый год реализации проекта) приостановило реализацию деловой функции (строительство бизнес-центра).

Каждый тип трансформации кодируется при помощи специально созданного индекса, который возможно использовать на любых кейсах трансформации городского пространства в любом городе. При выборе условных обозначений индекса мы исходили из идеи неповторяемости буквенных символов, они универсальны, интернациональны и могут использоваться на любом примере. В Таблице 3.1 представлен кодификатор результатов трансформации.

Таблица 3.1. Кодификатор трансформации городского пространства

1	Показатель	Преобладание интересов акторов				
	Значение		Власть	Бизнес	Общество	
	Условное обозначение		G	B	P	
<hr/>						
2	Показатель	Функция				
	Значение	Селитебная	Деловая	Рекреационная	Производственная	Спец. назначения
	Условное обозначение	L	C	R	I	S
<hr/>						
3	Показатель	Масштаб влияния				
	Значение		Глобальный	Федеральный	Региональный	
	Условное обозначение		w	f	d	

Составлено автором.

Для того, чтобы продемонстрировать принцип работы кодификатора, рассмотрим один из примеров исследования. Петербургский проект Театра Аллы Пугачёвой на Смоленке был примером того, как бизнес собирался реализовать деловую функцию в пространстве. Однако, в результате воздействия городского режима возобладали интересы общества,

появился проект реализации рекреационной функции – Парк на Смоленке. Мы обозначаем интерес общества как P – public (в переводе с английского «общественный»), а рекреационную функцию как R – recreational (в переводе с английского «рекреационный»). С учётом того, что данная трансформация по масштабу своего влияния не вышла за пределы Санкт-Петербурга и внутригородских межакторных взаимодействий, то такой трансформации присвоен индекс d – domestic или regional (в переводе с английского «местный, региональный»). Для формирования индекса используется следующая последовательность – сначала упоминается масштаб (строчной буквой), затем преобладающий актор-интересант (заглавной буквой), потом функция (также заглавной буквой). Таким образом, код трансформации городского пространства «Парк на Смоленке» – **dPR**, что соответствует типу – **общественно-рекреационная трансформация регионального масштаба**. В Таблице 3.2 представлена полная расшифровка значений кодификатора с переводом. Итоговая типология трансформации городского пространства апробирована в Таблицах 3.2 и 3.3 на примере кейсов исследования – российских ОЗП, а также на кейсах в Василеостровском и Петроградском районах Санкт-Петербурга, исследованных в Разделе 2.4. На основе типов трансформации определён индекс трансформации для каждого случая.

Таблица 3.2. Расшифровка кодификатора трансформации городского пространства

Критерий	Литера	Расшифровка	Перевод
Преобладание интересов акторов	G	Government	Власть
	B	Business	Бизнес
	P	Public	Общество
Функция	L	Living	Селитебная
	C	Commercial	Деловая
	R	Recreational	Рекреационная
	I	Industrial	Производственная
	S	Special	Специального назначения
Масштаб влияния	w	World (Global)	Глобальный
	f	Federal	Федеральный
	d	Domestic (Regional)	Региональный

Составлено автором.

Таблица 3.3. Типология трансформации городского пространства на примере ОЗП

№	Пример трансформации	По преобладанию интересов акторов		По функции		По масштабу влияния	Тип трансформации	Индекс трансформации
		Было	Стало	Было	Стало			
1	«Охта-центр»	Бизнес	Общество	Производственная	Деловая	Глобальная	Общественно-деловая глобального масштаба	wPC
2	Парк «Зарядье»	Власть	Общество	Деловая	Рекреационная	Глобальная	Общественно-рекреационная глобального масштаба	wPR
3	Храм Святой Екатерины	Власть	Общество	Деловая	Рекреационная	Федеральная	Общественно-рекреационная федерального масштаба	fPR
4	Тучков буян	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Федеральная	Общественно-рекреационная федерального масштаба	fPR
5	Бетонирование набережных р. Вологда	Власть	Общество	Рекреационная	Рекреационная	Федеральная	Общественно-рекреационная федерального масштаба	fPR
6	Застройка полей Тимирязевской академии в Москве	Бизнес	Общество	Деловая	Деловая	Федеральная	Общественно-деловая федерального масштаба	fPC

Составлено автором.

Таблица 3.4. Типология трансформации городского пространства под воздействием городского режима на примере Василеостровского и Петроградского районов г. Санкт-Петербурга

№	Пример трансформации	По преобладанию интересов акторов		По функции		По масштабу влияния	Тип трансформации	Индекс трансформации
		Было	Стало	Было	Стало			
ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАЙОН								
1	Биржа на Большом пр. В.О.	Бизнес	Общество	Деловая	Деловая	Региональная	Общественно-деловая регионального масштаба	dPC
2	Больница Св. Марии Магдалины	Власть	Общество	Деловая	Деловая	Региональная	Общественно-деловая регионального масштаба	dPC
3	Гаванские бани	Бизнес	Общество	Деловая	Деловая	Региональная	Общественно-деловая регионального масштаба	dPC
4	Дом Чубакова	Бизнес	Общество	Селитебная	Селитебная	Региональная	Общественно-селитебная регионального масштаба	dPL
5	Здание медсанчасти № 1 завода им. М.И. Калинина	Бизнес	Общество	Селитебная	Деловая	Региональная	Общественно-деловая регионального масштаба	dPC
6	«Морской фасад»	Власть	Бизнес	Деловая	Селитебная	Федеральная	Бизнес-селитебная федерального масштаба	fBL
7	Опочининский сад	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Региональная	Общественно-рекреационная	dPR

							регионального масштаба	
8	Парк «Заросли»	Общество	Власть	Рекреационная	Инженерная / Производственная	Региональная	Административно-инженерная регионального масштаба	dGI
9	Парк на Смоленке	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Региональная	Общественно-рекреационная регионального масштаба	dPR
10	Сквер на 9 линии В.О. (бизнес-центр «Соверен»)	Бизнес	Бизнес	Рекреационная	Деловая	Региональная	Бизнес-деловая регионального масштаба	dBC
ПЕТРОГРАДСКИЙ РАЙОН								
1	Дом Басевича	Бизнес	Общество	Деловая	Деловая	Региональная	Общественно-деловая регионального масштаба	dPC
2	Дом Лишневецкого «Мефистофель»	Бизнес	Общество	Селитебная	Селитебная	Региональная	Общественно-селитебная регионального масштаба	dPL
3	Лопухинский сад	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Региональная	Общественно-рекреационная регионального масштаба	dPR
4	Матвеевский сад	Власть	Общество	Деловая	Рекреационная	Региональная	Общественно-рекреационная регионального масштаба	dPR
5	Подковыровский сад	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Региональная	Общественно-рекреационная регионального масштаба	dPR

6	Тучков буян	Бизнес	Общество	Деловая	Рекреационная	Федеральная	Общественно-рекреационная федерального масштаба	fPR
7	Фабрика Мельцера	Бизнес	Общество	Производственная	Селитебная	Региональная	Общественно-селитебная регионального масштаба	dPL

Составлено автором.

Важно отметить, что используемая типология является применимой к любому городскому пространству. Вместе с тем, автор убеждён, что потенциальное применение типологии для анализа трансформации городского пространства других российских городов может дать ценный эмпирический материал, связанный с проявлением изменений на уровне разных городских пространств. Практическая значимость разработанной типологии состоит в возможности её инструментального использования с целью анализа и снижения общей конфликтогенности пространства, просчёта возможностей созидательной деятельности акторов на территориях. Подробнее принципы и закономерности полученных изменений городского пространства рассмотрены в Разделе 3.2.

3.2. Принципы и закономерности трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов

Задачей последнего раздела было обобщение исследовательской части работы и выявление общих принципов и закономерностей трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов. Согласно определению И. Ньютона, «**принцип** – это утверждение, сформированное на основе экспериментов и наблюдений за каким-либо явлением, используемое как отправная точка для дальнейших выводов и умозаключений» (Walsh, 2017). В таком понимании принцип является условной посылкой, указанием, которое обобщает результаты наблюдений и на основе которого могут быть впоследствии созданы теории и законы. Принципы не являются абсолютно универсальными, в большинстве случаев они проявляются, но в определённых ситуациях могут существовать и отклонения от принципа. **Закономерность** же – это относительно устойчивая и регулярно проявляющаяся взаимосвязь между явлениями и объектами реальности, которая обнаруживается в процессах изменения и развития⁴². Для существования закономерности необходимо существование как минимум двух разных явлений и зависимости между ними, обоснованной при помощи эмпирических результатов.

Воздействие городского режима оставляет существенные «следы» в городском пространстве (Paradopoulos, 1996; Tretter, 2016). Городские режимы, являясь системами отношений и взаимодействий акторов, **воздействуют на направления трансформации пространства** российских городов, меняют его функциональную структуру. Под воздействием городских режимов могут меняться и направления трансформации

⁴² Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». Интернет-ресурс: <https://iphlib.ru/library/> (Дата обращения: 07.06.2023).

городского пространства (Аксёнов и Галустов, 2022). Как мы обнаруживаем, преобладание интересов какого-либо из акторов над другими является важнейшим фактором изменений функции и морфологии городского пространства. Более того, как мы выяснили из типологии, для разных кейсов могут наблюдаться **общие географические и хронологические особенности** проявления трансформации. Это можно считать первыми общими принципами трансформации городского пространства.

Детальный анализ функциональной трансформации городского пространства в разделах 2.4 и 3.1 демонстрирует, что **бизнес чаще всего заинтересован в возникновении селитебных и деловых пространств**, то же относится и к власти, но она лоббирует ещё и строительство инженерно-производственных объектов (например, дорог, транспортно-пересадочных узлов). В свою очередь, рассмотрение трансформации в масштабе районов Санкт-Петербурга показало, что **общественное воздействие приводит к созданию или сохранению рекреационных объектов**, а компромисс с властью и бизнесом приводит к сохранению общественно-деловых функций (Больница Св. Марии Магдалины, Медсанчасть на ул. Одоевского, Дом Басевича и др.).

Разные кейсы доказывают, что, даже если городская власть полагает, что всё ещё осуществляет прямой контроль над ситуацией, на самом же деле вынуждена **реагировать на общественный активизм** и корректировать изначальные проекты трансформации территорий. Таблица 3.4 и Рис. 2.11 это отчётливо демонстрируют. В Санкт-Петербурге в результате такого процесса вместо инвестиционных проектов (например, Театр Аллы Пугачевой, застройка Опочининского сада) появились/сохранились рекреационные зоны. В целом, происходит **общее увеличение числа свободных пространств и незастроенных территорий вместо изначальных проектов застройки** (парк «Зарядье» в Москве, площадь Труда в Екатеринбурге, парк на Тучковом буяне и Удельный парк в Санкт-Петербурге, Баболовский парк в Пушкине).

Согласно позиционному принципу Б.Б. Родомана, уровень развития пространства определяется его оптимальным положением, в котором объекты функционируют лучше всего. «Давление места» ведёт к тому, что одни объекты формируют себе новое положение, а неспособные к изменениям деградируют (Родоман, 1979). Конфликтные пространства («яблоки раздора» для разных акторов) часто становятся именно такими примерами – их ожидает либо **релокация** (Лахта-центр в Петербурге, Парламентский центр в Мневниках), либо **деградация** (Конюшенное ведомство, Аракчеевские казармы в Санкт-Петербурге и др.).

Как мы видим, на первоначальных этапах трансформации основными акторами-интересантами, как правило, являются власть и бизнес, тогда как к завершению

трансформации уже начинают преобладать интересы общества, что, как мы отмечали выше, является одной из отличительных черт прогрессивного режима среднего класса. Для городского пространства в частности это ведёт к замечаемому в 2010-е годы (Захарова, 2017) **росту числа общественных пространств** в городе по отношению к коммерческим и административным пространствам. В целом, существенная часть рассматриваемых в исследовании трансформаций связана с тенденцией к увеличению числа и роли общественных пространств (Вендина, 2009; Масталерж, 2013). Их быстрый рост проистекает из неолиберального нарратива, выраженного в желании органов власти разделить расходы на организацию городского пространства с бизнесом (Власова, 2021). **Фронтами** между представителями муниципальной власти, бизнеса и общества в таких случаях, по мнению Абрамова и Зупана, как раз становятся **парки** (Абрамов и Запорожец, 2014; Zupan & Budenbender, 2019) и **исторические кварталы** (Гладарев, 2013).

Истоки конфликтов вокруг парковых территорий и культурных объектов состоят, прежде всего, в предсказуемых последствиях ликвидации данных объектов. Власова указывает, что на месте снесённой старой застройки или парков начинают появляться коммерческие объекты, чаще всего торговые центры (Власова, 2021). Однако, такой подход постепенно перестал удовлетворять потребности общества и стали появляться новые запросы – на благоустройство, общедоступность территории, иное соотношение городских функций в пользу общественно-делового и рекреационного типа.

Сегодня современное российское городское пространство стало ареной столкновений акторов в результате **массированной застройки и «обкусывания» зелёных зон** (Махрова и Голубчиков, 2012). Основной вклад в сжатие общественного пространства и повышение конфликтогенности вносит строительство элитных жилых кварталов, торгово-развлекательных центров, так как негативные внешние эффекты от строительства для местных сообществ зачастую перевешивают изначальные дивиденды.

Корни такой ситуации состоят в том, что пространство современного российского города после советского опыта получило опыт стремительного обособления жилых кварталов, школ, дворовых территорий, усилилась внутренняя разобщённость между акторами. В результате воздействие городского режима воздействовало на появление сегрегационных эффектов на городских территориях. Многие бизнес-комплексы, социальные объекты (школы, сады, поликлиники) были обнесены по периметру заборами (Исаченко и Григорьева, 2012; Савоскул и Гаврюшов, 2021). Те же процессы стали происходить в районах жилой малоэтажной застройки. По мнению Махровой и Голубчикова (2012) аналогом американской «машины роста» в России стал переход от модели **«городского менеджизма»** (с ориентацией на создание общего благополучия) к

модели «городского антрепренерства», направленной на привлечение инвестиций в ущерб широким слоям городского населения. Они указывают на особую форму **аффилиации власти и крупного бизнеса в российских городах**, которая предполагает краткосрочную ответственность инвесторов за выполненные проекты и не предполагает широкой ответственности застройщика за состояние городского пространства (Голубчиков и др., 2010). Резкое увеличение объёмов освоения городского пространства в 2000-е годы вследствие такой коалиции и последующий спад в строительстве наглядно прослеживается в тенденции сдачи домов и квартир, ниже показан график по Санкт-Петербургу.

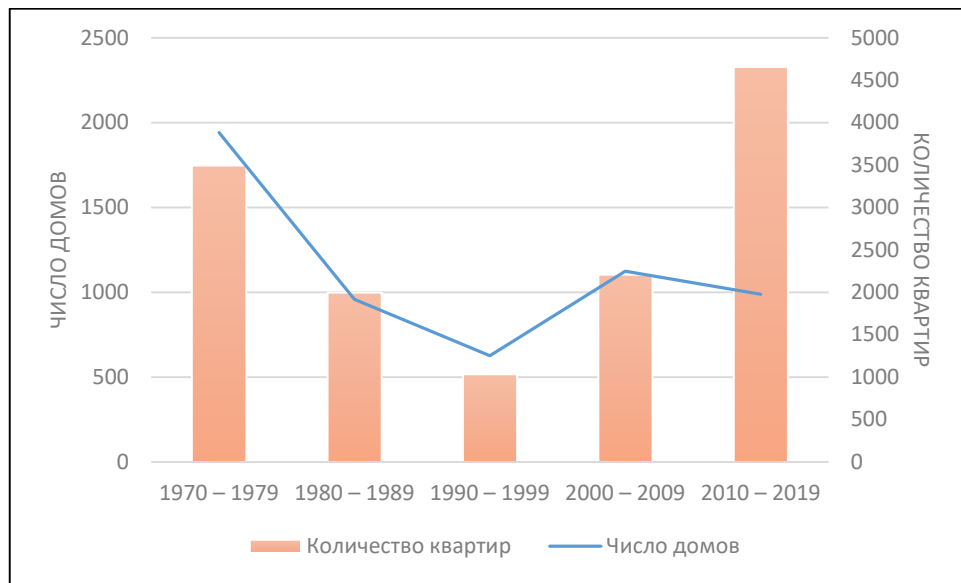

Рис. 3.1. Соотношение количества домов и числа квартир в Санкт-Петербурге⁴³
(составлено автором на основе Приложения И)

После значительных объёмов многоэтажного строительства в поздние годы социализма наблюдается нисходящая тенденция, достигшая низшей точки в 1990-е годы. «Машина роста» 2000-х годов привела к резкому росту объёмов строительства (Браде и др., 2005), фактически было построено в 2 раза больше домов и сдано в 2 раза больше квартир, чем за аналогичный период 1990-х. Однако, уже в 2010-е годы происходит снижение общего числа построенных домов, но с увеличением многоэтажности и сданных площадей. На смену т.н. «уплотнительной» застройке пришла многоэтажная застройка периферии (Парнас, Лахта, Мурино, Шушары). Зоны конфликтных взаимодействий в центре города сокращаются и размываются в периферии (Каганский, 2011).

С уходом Валентины Матвиенко с поста Губернатора Санкт-Петербурга в 2011 году крупнейший девелоперский проект «ВТБ-Девелопмент» по реализации

⁴³ По оси ординат указано общее число домов. Количество квартир отнормировано для наглядности отображения.

строительства Набережной Европы на Тучковом буяне был немедленно свёрнут (Аксёнов и Галустов, 2023), а скандал со строительством «Охта-центра» предопределил проблемы компании «Газпром» с освоением пространства Охты на годы вперёд (Верёвкин и Соколов, 2012; Вишнеvский, 2021). К концу 2010-х годов сложилась такая модель взаимоотношений власти и бизнеса, которая привела к **нежеланию** инвесторов ввязываться в крупные инфраструктурные и девелоперские проекты в Санкт-Петербурге, так как вероятность общественного внимания и нереализации проекта становится слишком высокой⁴⁴.

С учётом замедления экономического развития (Замараев и др., 2013; Орлова и Егиев, 2015), отмены проектов Орловского тоннеля (Николаев, 2013), моста в створе 22-ой линии Васильевского острова⁴⁵, магистрали через Удельный парк⁴⁶ и многих других можно было бы предположить о проявлении воздействия режима статус-кво. Однако, в случае существования данного режима были бы невозможны мусорная, транспортная реформы, рост числа общественных пространств, изменение правил составления Генерального плана, Правил землепользования и застройки и прочие тенденции, заметно трансформирующие городское пространство. Особенно важно отметить, что существование подобного городского режима не может сопровождаться ростом побед общественности в городских конфликтах вокруг использования пространства (см. Таблица 1.1; Галустов, 2016; Стурейко, 2016).

Примеры, которые Тыканова и Хохлова (2015) приводят в качестве доказательства функционирования режима «машины роста» в Петербурге, вполне уместны (снос дома Рогова, снос гаражей в Парнасе, уничтожение берёзовой рощи в Александрино и многие другие). Однако, на наш взгляд, тезис авторов, что *«формирование симбиотических комплексов более вероятно в тех случаях, когда бизнес представлен крупными строительными компаниями; напротив, ограниченный инвестиционный потенциал среднего бизнеса не отвечает финансовым интересам властей, которые в ситуациях конфликта с населением могут предпочесть снижение социальных и репутационных издержек»* (Тыканова и Хохлова, 2015) уже работает немного иначе и даже проекты крупных строительных компаний уже не могут рассчитывать на такую безоговорочную поддержку власти, какой они пользовались в 2000-е годы.

⁴⁴ «Продать нельзя сдать: почему инвесторы не спешат занимать исторические здания Петербурга», 30.07.2019. Интернет-ресурс: <https://nevnov.ru/22350968-prodat-nelzya-sdavvat-pochemu-investory-ne-speshat-zanimat-istoricheskie-zdaniya-peterburga/> (Дата обращения: 28.02.2023).

⁴⁵ «Ново-Адмиралтейский мост уперся в мнение горожан», 8.04.2011. Интернет-ресурс: <https://www.fontanka.ru/2011/04/08/151/> (Дата обращения: 26.04.2022).

⁴⁶ «Удельный парк выстоял», 28.02.2020. Интернет-ресурс: <https://nsp.ru/1225-udelnyi-park-vystoyal> (Дата обращения: 26.04.2022).

В совокупности событий мы приходим к тому, что ко второй половине 2010-х годов **сложившийся прежде режим роста стал давать существенные сбои**. Поэтому процесс замедления роста доходов населения, усиление гражданского участия и последующие изменения городского пространства в 2010-е годы позволяют говорить о формировании элементов **«прогрессивного режима среднего класса»**, который даёт обществу возможность стать крупным и самостоятельным актором (Шуровьески, 2014) и иметь полноценные рычаги влияния на использование городского пространства (Stone, 1989; Ледяев, 2008). Рассмотренные в исследовании кейсы демонстрируют существование если не прогрессивного, то **переходного режима** от режима роста к прогрессивному.

Заметим также, что, начиная с 2010-х годов, достаточно сильно **возросло влияние общественных движений и сообществ** на градостроительную политику («Живой город», «Красивый Петербург», «Друзья Карповки» и т.п.) (Тыканова и Хохлова, 2017). Власть вынуждают реагировать под давлением многочисленных обращений жителей и прочих форм общественного протеста. Быстрый рост усиления гражданского участия во многом связан с улучшением экономического благосостояния по итогам 2000-х годов, увеличением потребности общества в комфортной городской среде (Тев, 2006) – этот процесс **универсален для большинства российских крупных городов**. Это наиболее соответствует стоуновскому определению прогрессивного режима (Stone, 1989).

В ситуации противостояния вокруг сноса исторического наследия «машине роста» легче сформироваться, так как власть и бизнес часто преследуют единый интерес максимизации прибыли. Однако, тезис Власовой (2021), что в ситуациях противостояния вокруг сноса исторических построек власти находятся на стороне застройщиков, уже не является универсальным. Действительно, на ранних этапах возникновения конфликтов такая ситуация является нормой. Однако, в случае появления общественного активизма власть может **выходить из «коалиции роста»**, начинать играть роль **арбитра**, а в некоторых ситуациях напрямую **солидаризироваться с обществом** против застройщика, **формируя новую коалицию** (например, кейс Блокадной подстанции, парк «Малиновка», Сквер Агрофизического института). Как мы увидели в разделе 2.2, внутри самой власти могут существовать разные группы интересов – городская власть может поддерживать проект бизнеса, а федеральная власть, внешние игроки или надзорные органы указывать на нецелесообразность проекта. Эта закономерность обнаруживается неоднократно. Так, в 2022-2023 годах уничтожение культурного наследия моментально становилось предметом интереса Следственного комитета России⁴⁷. Достаточно вспомнить сносы манежа

⁴⁷ «Следственный комитет градозащиты», 13.10.2022. Интернет-ресурс: <https://retrogradu.net/ekskljuziv/sledstvennyj-komitet-gradozashhity/> (Дата обращения: 12.01.2023).

Финляндского полка (20-я линия В.О., 19), бань Екимовой (Малый пр. П.С., 4), корпусов «Ленэкспо» в Гавани, включая здание Опытной авиационной станции (Наличная ул., 6), Васильевского винного городка (Уральская ул., 1) и дома Шагина (наб. реки Фонтанки, 1456)⁴⁸. Можно сказать, что участие этого крупного федерального актора со стороны власти является ещё одним примером особой конфигурации прогрессивного городского режима, в рамках которого общество, не добиваясь своих целей напрямую, получает в своём желании поддержку вышестоящей федеральной власти в противовес коалиции региональной власти и строительного бизнеса. Такой специфический режим близок к «прогрессивному» с точки зрения общественного участия и к «статус-кво» с позиции нежелания власти осуществлять значительные изменения в городском пространстве. Общественный активизм мотивирует федеральную власть на вмешательство, после чего региональная власть выходит из борьбы за интересы бизнеса – **увеличивается число замороженных и приостановленных инвестиционных проектов.**

Особая ситуация сложилась в Москве. Проект парка «Зарядье» появился после многократного пересмотра девелоперского освоения очень дорогой земли, и только федеральное политическое решение поставило в этом процессе точку⁴⁹. Был реализован проект, пользующийся спросом общества и определивший характер развития всего городского пространства центра Москвы (Ткаченко, 2019).

Таблица 3.5. Трансформация пространства Зарядья, г. Москва

	Фаза 1 (2006 - 2010) Строительство многофункционального гостиничного комплекса малой этажности	Фаза 2 (2010 - 2012) Строительство парламентского центра, гостинично- делового квартала, жилого квартала)	Фаза 3 (2012 - 2017) Создание парка
Основные функции проекта	Гостиница, офисы, парковка	Здание парламентского центра, общественно- деловой центр	Пешеходная зона, парковая зона, сохраняются исторические здания, зеленая зона, парковочная зона, филармония, концертный зал, гостиница

⁴⁸ «Поднажали сверху: СКР превзошёл градозащитников по активности в Петербурге», 27.12.2022.

Интернет-ресурс: https://www.dp.ru/a/2022/12/26/Podnazhali_sverhu (Дата обращения: 12.01.2023).

⁴⁹ «На месте гостиницы "Россия" построят аналог площади Сан-Марко», 19.04.2013. Интернет-ресурс: https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2013/04/19/na_meste_gostinicy_rossiya_postroyat_analog_ploschadi (Дата обращения: 06.05.2023).

Кто принимает решение о функции	Город	Федерация, Город	Федерация, Город
Кто согласует	Город	Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город (Премьер-министр РФ)
Кто собирается финансировать проект	Бизнес («СТ Девелопмент»)	Город	Город
Кто возражает	Бизнес («Монабу») (недовольство проведением конкурса)	Архитекторы, Федерация (Премьер-министр), Город (Мэр Москвы)	Архитекторы, экологи
Способ проявления недовольства	Суд	Медиа, принятие альтернативного решения	Медиа

Составлено автором на основе Приложения Е.

Вместе с тем, по-прежнему существенная часть пространства Москвы, например, между Остоженкой и Пречистенкой, «приватизирована» небольшой группой состоятельных людей (Вендина, 2005). Рост селитебной застройки в Москве, связанный с повышением спроса на жильё в постсоветский период, привёл к очень высокой конкуренции за городское пространство. В отличие от Санкт-Петербурга в Москве произошла элитизация центральных кварталов и частичная маргинализация периферии (Аксёнов, 2009).

В Москве по-прежнему, исходя из уровня общественного вовлечения и существенного количества отрицательных для общества результатов городских конфликтов, можно говорить о продолжении функционирования локальных режимов роста (Гельман и Рыженков, 2010; Усс, 2022). Отдельные элементы общественного активизма вокруг трансформации города присутствуют (реконструкция Сыромятнического тоннеля, застройка парка на Торфянке) (Aidukaite & Fröhlich, 2015), однако нельзя говорить, что они оказывают существенное влияние на изменение городского режима и градостроительной политики в целом (Рис. 3.2).

Рис. 3.2. «Реконструкция Сыромятнического тоннеля». А – Вид тоннеля (до реконструкции). Б – Изначальный проект по расширению тоннеля. В – Альтернативный проект под воздействием общественного активизма. Г – Этап реконструкции на 2022 г. (составлено автором на основе: Усс, 2022)

Согласно Махровой и Голубчикову (2012), жизнеспособный тандем власти и бизнеса вокруг вопроса застройки и реновации территории укладывается в рамки элитарной модели городской политики, когда изменение городского пространства часто отражает амбиции и представления «машины роста», что актуально для любого крупного российского города. Участие общества же имеет более сложный характер, порой как отражая амбиции активистов, так и направленное исключительно на гармонизацию развития городской среды. Поэтому общественные градозащитные движения вне зависимости от своих конечных целей подчёркивают свою аполитичность, чтобы не растерять доверие общества (Клеман и др., 2010; Гладарев, 2013). В результате в сфере активизма доминируют **краткосрочные и ситуативные социальные связи**, тогда как во взаимоотношениях власти и бизнеса отношения чаще рассчитаны на более долгий срок, взаимную выгоду и перспективные проекты (Власова, 2021).

Напоследок стоит упомянуть и о том, что в современном российском обществе существуют первичные институты, предусматривающие участие населения в выработке градостроительной политики (Ходачек и др., 2020; Галустов и др., 2021b). По мнению Махровой и Голубчикова (2012), это в принципе означает постепенный переход к модели **«плюралистской городской политики»**, что в рамках нашего исследования

соответствует тезису о росте участия и учёта мнений всех акторов. Но, несмотря на общественный контроль через механизмы общественного участия и публичных слушаний, власть научилась консенсусно преодолевать эти барьеры. Несмотря на неоднократно упомянутый перенос небоскрёба «Охта-центра» в Лахту, застройщик смог быстро пройти необходимые процедуры, получив согласие на отклонение от высотного регламента (Махрова и Голубчиков, 2012). Поэтому говорить о полном переходе к общественному доминированию в принятии ключевых градостроительных решений нельзя.

Также во второй половине 2010-х годов в российских городах начинают распространяться новые форматы межакторного взаимодействия. Появляется программа «Формирование комфортной городской среды»⁵⁰, которая сместила акценты градостроительной политики от сферы жилого строительства в пользу благоустройства (Черешнев и др., 2022). В городах и сельских поселениях появились слабовыраженные локальные формы соучаствующего проектирования и партисипаторного бюджетирования (Проекты поддержки местных инициатив, «Твой бюджет», «Народный бюджет») (Галустов и др., 2021а). Все эти инициативы были призваны реализовать возросший общественный запрос в благоустройстве территории, привлечь внимание к проблеме невысоких городских стандартов жизни. На эту же проблему со временем стал ориентироваться и бизнес⁵¹. В 2010-е годы в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани произошёл бум креативных индустрий (Масталерж, 2013), сформировавших совершенно новый тип общественного пространства (Новая Голландия, Севкабель порт, ГЭС-2, Стрелка, набережная озера Нижний Кабан и др.). Появление этих объектов во многом стало реакцией на **нереализованный запрос среднего класса на качественную городскую среду** (Власова, 2021). Качество городской среды и уровень человеческого потенциала становятся факторами дифференциации траекторий трансформации российских городов и увеличивают общее расслоение между крупными и малыми городами. Согласно Голубчикову и Махровой (2010), сегодня именно качество городской среды и человеческого потенциала наряду с городским планированием и административно-рыночной инфраструктурой становится наиболее важным и высокомаржинальным⁵² фактором трансформации российского города.

⁵⁰ «Комфортная городская среда и ЖКХ». Интернет-ресурс: <https://gorodsreda.ru/> (Дата обращения: 03.05.2023).

⁵¹ «Открытый остров». «Новая Голландия» стала общедоступным парком», 03.09.2016. Интернет-ресурс: <https://archi.ru/russia/70321/otkrytyi-ostrov/> (Дата обращения: 03.05.2023).

«В поисках «третьего места», 25.11.2021. Интернет-ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/5087656> (Дата обращения: 03.05.2023).

⁵² Прим. автора. «Высокомаржинальный» - т.е. высокодоходный, с высокой потенциальной нормой прибыли.

По итогам работы автор предлагает систематизировать общие принципы и закономерности трансформации городского пространства под воздействием городских режимов. В ходе исследования было упомянуто преобладание режимов роста в российских городах (Махрова и Голубчиков, 2012; Бедерсон и др., 2021), приведены примеры существования локальных режимов, отличных от общегородских тенденций (Paradopoulos, 1996), описаны конфликты как проявления переформатирования городских режимов (Желнина и Тыканова, 2019). Настоящее исследование позволило внести дополнительный теоретический вклад и сформулировать новые принципы и закономерности, по которым развивается изменение городских пространств под влиянием городских режимов.

Принципы трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов:

- **Принцип режимного воздействия.** Городские режимы, являясь системами отношений и взаимодействий акторов, **воздействуют на направления трансформации** пространства российских городов, изменяя его урбанистическое, градостроительное наполнение. Каждому типу городского режима соответствует определённый набор инструментальных возможностей влияния акторов на изменение пространства. Под воздействием городских режимов изменяется функциональная структура городского пространства. Преобладание интересов какого-либо из акторов над другими является важнейшим **фактором изменений функции и морфологии городского пространства.**
- **Принцип универсальности пространственно-временных особенностей проявления городских режимов.** Городские режимы (роста, прогрессивный, статус-кво) имеют общие географические и хронологические особенности проявления в крупных российских городах, заданные рамками и направлениями поведения власти, бизнеса и общества в разных российских городах.
- **Принцип смены проекта трансформации пространства как реакции на воздействие городского режима.** Изменение проекта трансформации городского пространства под влиянием межакторных взаимодействий является важнейшей реакцией, демонстрирующей высокую общественную значимость и воздействие меняющихся городских режимов. Изменение проекта происходит в направлении усиления консенсуса между сторонами – интересантами трансформации пространства.

- **Принцип переноса проекта трансформации как пространственного способа разрешения конфликта интересов акторов.** Ещё более явным географическим проявлением трансформации при её высокой общественной значимости является релокация проекта трансформации с отводом его изначальной функции на иную территорию (перенос «Охта-центра» в Санкт-Петербурге, храма в Екатеринбурге, комплекса зданий Верховного суда в Санкт-Петербурге, Парламентского центра в Москве).
- **Принцип полимасштабности уровня вовлечения акторов.** Масштаб значимости трансформации в городском пространстве связан с уровнем вмешательства акторов и их способности договариваться между собой. Неразрешимые на региональном уровне режимные взаимодействия, как правило, со временем приводят либо к их «заморозке», либо к вмешательству вышестоящих акторов (федеральная власть, международные организации). Именно подобное вмешательство часто становится фактором изменения изначальной концепции трансформации, отмены или переноса трансформации в другую локацию. Если конфликт акторов не разрешается на определённом уровне, он замораживается, либо экстраполируется на более высокий уровень разрешения. В таком случае городское пространство эволюционирует под влиянием внешних факторов, экзогенного вмешательства.
- **Принцип постепенного перехода к прогрессивному городскому режиму среднего класса.** В современном российском городе регулярным фактором воздействия городских режимов становится наличие **общественного активизма**, способного влиять **на направление изменений городского пространства**. Смещается акцент на социальную, экологическую функцию пространства вместо коммерческой, снижаются темпы делового строительства. Такая ситуация характеризует становление элементов **прогрессивного режима среднего класса**, являясь наиболее заметным трендом для современного российского городского пространства. Важно отметить, что в отличие от американских и европейских практик, существование прогрессивного режима среднего класса в российском городе связано не столько с наличием «среднего класса», сколько с результативным вовлечением общества в городскую повестку. Вместе с тем, как показано в исследовании, в некоторых локальных случаях, где роль гражданской активности низкая или недостаточная для преодоления интересов власти и бизнеса, может сохраняться тенденция к сохранению режима роста.

- **Принцип взаимосвязи реализации интересов актора и функции пространства.** Если в трансформации пространства преобладают интересы бизнеса, то заметно чаще пространство приобретает деловую (реже селитебную) функцию. В случае доминирования общественных интересов пространство получает рекреационный или общественно-деловой функционал.
- **Принцип оптимальности места трансформации.** Согласно позиционному принципу Б.Б. Родомана, уровень развития пространства определяется его оптимальным положением, в котором объекты функционируют лучше всего. Под «давлением места» одни объекты формируют себе новое положение, а неспособные к изменениям, деградируют (Родоман, 1979). Конфликтные пространства зачастую становятся именно такими примерами – их ожидает либо **релокация** (Лахта-центр в Санкт-Петербурге, Парламентский центр в Мневниках), либо **деградация** (Конюшенное ведомство, Аракчеевские казармы в Санкт-Петербурге и др.).

Закономерности трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов:

- Столкновения интересов всех трёх основных акторов приводят к существенным изменениям городского пространства. В частности, участие вышестоящих уровней власти способно существенно изменять направление трансформации городского пространства. Базируясь на принципе масштабирования уровня вовлечения акторов, определена следующая закономерность – **чем выше уровень вовлечения и участия акторов, тем больше вырастает вероятность изменения/отмены проекта трансформации пространства.**
- Если различия позиций власти, бизнеса и общества критичны, то это **препятствует реализации множества городских проектов.** В большинстве исследуемых случаев трансформация тесно связана не просто с конфликтом интересов акторов, а с формированием прогрессивного режима среднего класса, основанного на общественном противодействии стратегиям роста власти и бизнеса. Если на ранних этапах в исследуемых кейсах, как правило, высоко влияние власти и бизнеса, то в ходе реализации проекта заметно вырастает роль общества. Сценарии городского развития меняются, **уменьшается общее количество реализованных изначальных градостроительных замыслов.**

- Как следствие, **если уменьшается процент реализации изначальных проектов редевелопмента, то увеличивается количество пространств рекреационного назначения («зелёных зон»)** вместо застройки (парк «Зарядье» в Москве, площадь Труда в Екатеринбурге, парк на Тучковом буяне в Санкт-Петербурге). С переходом к прогрессивному режиму среднего класса растёт число сохраняемых **объектов культурного наследия**, которые при режиме роста в 2000-е годы подвергались заметно более значительным и противоречивым реконструкциям (примеры: Дом на Невском, 112 «Стокманн» и Дом Рогова в Санкт-Петербурге). Такие реконструкции стали приобретать более «мягкую» форму в 2010-е годы. Объекты исторического центра стали реконструироваться с заметно большей культурно-исторической точностью (примеры: Аракчеевские казармы, Дом Штакеншнейдера, Дом Юргенса в Санкт-Петербурге), либо консервироваться (отмена реконструкции Конюшенного ведомства). Релокация проектов открывает потенциал развития новых городских периферийных территорий, ранее не задействованной городской среды (Лахта в Петербурге, Мневники в Москве, территория бывшего приборостроительного завода в Екатеринбурге). Ещё одной закономерной тенденцией является общее **увеличение количества замороженных проектов** (возникают временные пустыри, свободные от застройки территории).
- **Если происходит рост числа конфликтов и общественно значимых проектов в центре внутригородского пространства, то со временем может наблюдаться диффузия конфликтных трансформаций на периферию.** **Местоположение** является важным фактором воздействия городского режима, подход «центр – периферия», в целом, отражает распределение такого воздействия. Сам городской режим, согласно Пападопулосу (1996), может складываться как совокупность локальных (районных) режимов. Если общее количество конфликтных трансформаций пространства в центре и прилегающей к нему полупериферии концентрировано, то на периферии заметно более дисперсно. Однако, на примере Санкт-Петербурга продемонстрировано, что столкновения акторов вокруг использования городского пространства становятся всё острее за пределами внутригородского ядра, смещаясь к восточной периферии – в районы плотной застройки советского времени и низкой мобильности населения (Рис. 2.6). Присутствует и определённый **«эффект соседства»** административных районов, наиболее

подверженных конфликтным трансформациям. Вместе с тем, трансформация городского пространства под воздействием городского режима не всегда подчиняется строгим административно-территориальным закономерностям протекания, может сопровождаться кластеризацией акторных интересов и режимных воздействий, возникновением районов с выраженным доминированием общественного активизма в принятии решений (прогрессивный режим), а также районов с сохранившимися локальными «машинами роста».

Заключение

Итоги исследования демонстрируют, что городские режимы способны влиять на направления трансформации городского пространства. Различные комбинации режимных взаимодействий (по А. Пападопулосу «*городской софт*») изменяют сущность и наполнение городских пространств. Меняются форма и содержание редевелопмента пространства, возникают и замораживаются проекты, появляются и исчезают зелёные зоны, строятся и сносятся дома, в городах появляются новые функции и морфологические особенности – под действием городских режимов происходит процесс переосмысления городского пространства.

Синтезируя исследования К. Стоуна, А. Пападопулоса, Э. Треттера, В. Ледяева, А. Махровой, Е. Тыкановой, О. Голубчикова, Б. Родомана и других исследователей, автор внедряет проблематику городских режимов в отечественную городскую географию, концептуализирует связь городских режимов с городским пространством. Комбинируя количественные и качественные методы социологических исследований, моделирование, пространственный и типологический анализ, автор выходит на новые научные обобщения. С помощью анализа общественно значимых проектов трансформации городской среды и градостроительных конфликтов выявляются взаимоотношения акторов, появляется возможность их исследования вне отрыва от городского пространства. Новый взгляд на сочетание географических и социологических подходов позволил составить пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города, методика создания которых может быть реплицирована на примере любого города. Для получения моделей автор собрал собственную уникальную базу экологических и экокультурных конфликтов последних лет в Санкт-Петербурге, верифицировал модельные критерии с помощью экспертного опроса. Полученные модели демонстрируют локальные воздействия городского режима на пространство Санкт-Петербурга, общие направления функциональных изменений в городском пространстве, уровень и результат вовлечения акторов в каждый кейс.

В работе впервые составлена типология процесса и результативности трансформации городского пространства под воздействием городских режимов. Для создания типологии используются такие критерии как преобладание интересов акторов, местоположение, характер смены функции, число смен направленности трансформации, продолжительность, масштаб влияния акторов и резонанс в СМИ. Типология является применимой к любому пространству современного российского города. Используемая типология может дать научную основу для модернизации показателей Минстроя

(например, Индекса качества городской среды), лучшего и ещё более полного представления о ролях, возможностях и инструментах акторов в городском пространстве. Индекс трансформации городского пространства позволяет оперативно оценивать глубину и характер изменений в городах, сопоставлять трансформации пространства между собой.

В результате исследования были выявлены следующие основные **принципы** трансформации пространства под воздействием городских режимов: 1) Режимного воздействия; 2) Универсальности пространственно-временных особенностей проявления городских режимов; 3) Смены проекта трансформации пространства как реакции на воздействие городского режима; 4) Переноса проекта трансформации пространства как пространственной формы разрешения конфликта интересов акторов; 5) Полимасштабности уровня вовлечения акторов; 6) Постепенного перехода к прогрессивному городскому режиму среднего класса; 7) Взаимосвязи реализации интересов актора и функции пространства; 8) Оптимальности места трансформации. Автор подчёркивает, что следствием воздействия городского режима является пространственная реакция, «географическое отражение трансформации» – переносы проектов на другое место, изменение масштаба вовлечения участников от малого к большому, определение **оптимума** – консенсусной точки, где развитие пространства будет удовлетворять интересам всех акторов.

Также были обнаружены следующие **закономерности**: 1) Повышения вероятности изменения (отмены) проекта трансформации пространства с увеличением уровня вовлечения акторов; 2) Уменьшения доли реализованных градостроительных замыслов при росте конфликтных взаимодействий акторов и формировании прогрессивного режима среднего класса; 3) Увеличения процента рекреационных зон и незадействованных территорий освоения вследствие уменьшения реализованных проектов; 4) Диффузии внутригородских конфликтных трансформаций с центра на периферию.

Устойчивый городской режим роста ведёт к увеличению деловой функции, а прогрессивный режим среднего класса – к росту рекреационной и общественно-деловой компоненты. Черты становления прогрессивного режима всё чаще проявляются в российских городах. Внутригородские географические особенности воздействия городского режима связаны с диффузией конфликтных зон взаимодействия акторов от центра к периферии с усиливающимся процессом децентрализации, выражающимся в расширении конфликтных явлений на городской периферии. Таким образом, столкновения акторов за контроль над пространством в течение времени становятся всё острее за пределами делового и историко-культурного ядра городов. В целом, работа

демонстрирует, что исследуемые общественно-географические процессы в разных городских локациях проявляются неоднородно, характер воздействия городских режимов во внутригородском пространстве может изменяться в зависимости от местоположения, масштабов общественно-географических событий.

Материалы данной работы могут быть использованы органами власти, бизнесом, общественными организациями для осмысления городских процессов и укрепления институтов взаимодействия акторов. Исследование может стать концептуальной и идейной основой законопроектов в области устойчивого развития городов, градостроительного планирования, реновации и защиты зелёных насаждений. Комплексный характер исследования даёт новые методологические возможности для исследования различных городских процессов – активизма, городских конфликтов, мегапроектов, редевелопмента, ревитализации, джентрификации, общественного участия в управлении городской средой.

С точки зрения практических перспектив исследования мы полагаем, что существуют значительные резервы снижения конфликтогенности городского пространства. Внимание к мнениям различных акторов критично для сбалансированного и устойчивого развития российских городов. Предварительное изучение мнения всех акторов позволяет более тщательно планировать решения по использованию и изменению городских пространств. Это даёт возможность экономить средства на этапе начального планирования использования городской территории, так как предотвращение конфликта акторов в истоке позволяет не тратиться на его разрешение в будущем. Учёт мнений всех сторон с усилением инструментов их рационального взаимодействия формирует существенный созидательный эффект для городского развития.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н., Запорожец О.Н. Царицыно: аттракцион с историей. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 273-302.
2. Агеева А. Ф. Анализ подходов к оценке общественно значимых инвестиционных проектов в условиях российской экономики // Вестник Академии. 2019. № 2. С. 40-51.
3. Академический толковый словарь русского языка // Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Под ред. Л. П. Крысина. М.: ЯСК. 2016. 668 с.
4. Аксёнов К. Э. Системообразующие свойства пространства-времени при трансформации общественно-географического пространства // Известия Русского географического общества. 2014. Том 146, № 4. С. 69-80.
5. Аксёнов К. Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Известия Русского географического общества. 2009. Т. 141, № 1. С. 9.
6. Аксёнов К. Э. Трансформация городских пространственно-временных систем (на примере влияния ритейла на районы массовой жилой застройки в Ленинграде-Санкт-Петербурге, 1989-2016 гг.) // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151. № 1. С. 29-44.
7. Аксёнов К. Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса: Санкт-Петербург и Москва, 1989-2011. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2012. 493 с.
8. Аксёнов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области. СПб: Петрополис, 1993, 35 с.
9. Аксёнов К.Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. Санкт-Петербург. 2011. 38 с.
10. Аксёнов К.Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России: диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук. Санкт-Петербург. 2011. 368 с.
11. Аксёнов К.Э., Галустов К.А. Влияние общественно значимых проектов изменения городской среды на трансформацию городских режимов в Российской Федерации.

- В сборнике: Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Под ред. А.Г. Дружинина, Д.А. Дирина. Тюмень: ТюмГУ-Press. 2022. С. 115-119.
12. Аксёнов К.Э., Галустов К.А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (1). С. 4–28. doi: 10.21638/spbu07.2023.101.
 13. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. СПб: Норма. 2010. Том 2. 568 с.
 14. Ансберг О.Н., Марголис А.Д. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки, 1985–1991: сборник материалов. СПб. 2009. 784 с.
 15. Артёмов Г.П. Политическая социология: учебное пособие. М: Логос. 2002. 280 с.
 16. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 3. С. 140-164.
 17. Бахарев В.В., Демина В.А. Участие сетевых сообществ в формировании социального капитала в процессе партисипативного проектирования архитектурно-ландшафтного пространства города // Регионоведение. 2019. № 2 (107). С. 354-381.
 18. Бедерсон В. Д., Желнина А. А., Запорожец О. Н., Минаева Э. Ю., Семенов А. В., Тыканова Е. В., Хохлова А. М., Чернышева Л. А., Шевцова И. К. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России: монография. Под ред. Е. В. Тыкановой. СПб: ФНИСЦ РАН. 2021. 194 с.
 19. Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. Горожане и девелоперы: стратегические взаимодействия в городских конфликтах // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V международной научно-практической интернет-конференции. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 2020. С. 99-104.
 20. Белобрагин В. В., Грошева Л. Н. Имидж представителей современной музыкальной культуры // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14, № 5. С. 77-85.

21. Борисова Н.В. Городские политические режимы и пространство символической политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 48-55.
22. Борисова Н.В. Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 1. 2011. С. 5-14.
23. Борисова Н.В. Теория городских политических режимов и возможности ее применения для анализа Российской локальной политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 2. 2010. С. 5-12.
24. Бороноев А. О., Тхакахов В. Х. Концепция пространства мест в социальных науках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 1. С. 91-105.
25. Браде И., Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 2. С. 19-29.
26. Бурлина Е.Я. Индустриальный город как философско-культурологическая проблема: от советского Магнитогорска до культурной столицы Европы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. № 21 (65). С. 11-15.
27. Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. Том 2, № 70. С. 73-82.
28. Вендина О. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 2. С. 28-38.
29. Вендина О. Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений // Муниципальная власть. 2008. № 3. С. 19-43.
30. Веревкин А. И., Соколов А. В. Протестные кампании в субъектах Российской Федерации: пример протестной кампании против строительства ОДЦ «Охта-Центр» в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 2. С. 109-125.
31. Вишневский Б. Л. Башне – нет! Петербург против «Газоскреба». Litres, 2021. 560 с.

32. Власова Т. А. Программы формирования городской среды: проблема привлечения ресурсов в объекты символической инфраструктуры Ижевска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 82-95.
33. Галустов К.А. Влияние городского режима на использование городского пространства Санкт-Петербурга на пример экологического и экокультурного активизма в период 2006-2022 гг. В сборнике материалов участников XIX Большого географического фестиваля, посвящённого 220-летию со дня начала первой русской кругосветной экспедиции под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803-1806 гг.). Санкт-Петербург: Своё издательство. 2023. С. 1062-1066.
34. Галустов К.А. Идеологизация городского пространства в топонимике Ленинграда - Санкт-Петербурга // Студенческие чтения памяти И.Г. Москаленко «Азимут на будущее» (Материалы ежегодной межвузовской научной конференции). СПб, 2013. С. 29-31.
35. Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда-Санкт-Петербурга // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163-176.
36. Галустов К.А. Трансформация городского режима и её влияние на использование городского пространства Санкт-Петербурга (на примере экологических и экокультурных конфликтов). В сборнике: Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность: материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ. Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина. СПб: изд-во ВВМ. 2022. С. 420-427.
37. Галустов К.А., Андреев М.В. К вопросу о современном представлении общественного пространства. В сборнике: Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз. Материалы XII Ежегодной международной научной Ассамблеи АРГО. 2021. С. 278-282.
38. Галустов К.А., Дельва К.И., Ходачек И.А. Региональные практики соучастия граждан в контексте развития муниципалитетов Северо-Западного федерального округа в 2010-е годы. В сборнике: Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность: материалы Международной научной

- конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург. 2021. С. 487-499.
39. Галустов К.А., Дельва К.И., Ходачек И.А. Четыре города – две перспективы. В сборнике: Сборник материалов участников XVII Большого географического фестиваля, посвященного 195-летию российского кругосветного путешествия Ф. П. Литке (1826-1829 гг.). Санкт-Петербург. 2021. С. 849-853.
40. Галустов К.А., Ходачек И.А. За пределами статистики: качественное исследование трансформации первичного сектора экономики в постсоветской российской Арктике // Арктика и Север. 2021. № 42. С. 60–80. doi: 10.37482/issn2221-2698.2021.42.60
41. Гейл Я. Города для людей. Москва: Крост. 2012. 276 с.
42. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политэкс. 2010. Т. 6, № 4. С. 130–151.
43. Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6., № 2. С. 91-105.
44. Гладарев Б. «Это наш город»: анализ Петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия. Глава в книге: Городские движения России в 2009-2012 гг.: на пути к политическому. Под ред. К. Клеман. М.: НЛЮ, 2013. С. 23-145.
45. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. О. Хархордин (ред.) От общественного к публичному. СПб: Изд-во ЕУСПб. 2011. С. 71-304.
46. Глазьев С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике // Международная экономика. 2010. № 5. С. 5-27.
47. Голубчиков О. Ю., Махрова А.Г. Современные процессы урбанизации в Подмоскovie: феномен «окраинного города» // Academia. Архитектура и строительство. 2010. № 4. С. 63-68.
48. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семёнов В. А. Западная теоретическая социология. СПб: Ольга. 1996. 286 с.
49. Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры. Москва: Молодая гвардия. 1990. 351 с.

50. Дементьева И.Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. 2013. Том 6, № 68. С. 73-82.
51. Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: ИСЭРТ РАН. 2013. № 4 (116). С. 3-12.
52. Евплова И.Б., Митягин С.Д. Экологические задачи развития планировочной сети Санкт-Петербурга // Вестник «Зодчий XXI век». 2014. С. 80-83.
53. Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования. I. Виды и пределы пространств // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. География. 2012. № 2. С. 126-135.
54. Желнина А.А. Трансформация пространств потребления в современном российском городе на примере Санкт-Петербурга: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Моск. высш. школа соц. и экон. наук. Москва. 2011. 24 с.
55. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–184. doi: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
56. Закирова М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2. С. 217-240.
57. Залыгин С. Экология и культура // Новый мир. 1992. Т. 9. С. 3-12.
58. Замараев Б.А., Киюцевская А.М., Назарова А.Г., Суханов Е.Ю. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. Т. 8. С. 4-34.
59. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. №3. С. 126-138.
60. Замятин Д.Н. Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления. Человек в зеркале географии // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34-45.

61. Замятина Н.Ю. Модели политического пространства. В книге: Политическая география: Современная российская школа: Хрестоматия, Москва. 2022. С. 512-527.
62. Захарова Е. Е. Общественные пространства как факторы социокультурного развития локальных территорий // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 122-127.
63. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. СПб: СПбГУ. 1990. № 7. С. 88-94.
64. Зеленов А.А. Социология города // Социологический журнал. М.: ВЛАДОС. 2000. № 1. С. 145-147.
65. Зелинская М. В. Параметры мезо-уровня организации экономических отношений // Психология. Экономика. Право. 2012. № 1. С. 65-76.
66. Зимин С.М., Сендер А.В., Галустов К.А. Проблемные аспекты управления агломерациями: Санкт-Петербург vs Париж. Глава в монографии: Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации. Межмуниципальное сотрудничество как механизм управления городскими агломерациями. Под ред. К.А. Ивановой и Э. Маркварта. М.: Проспект. 2021. С. 276-293.
67. Зубарев И. В. Проблемы экономического роста российской экономики // Евразийский процесс и цифровая трансформация хозяйственных систем: материалы научной конференции. 2019. С. 79-82.
68. Зубаревич Н.В. Страна городов: теория и практика российской урбанизации. Глава в книге «Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов». Под ред. В. Аузана. М.: Strelka Press. 2015. 224 с.
69. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития российских городов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15-26.
70. Иванова В.В., Зыкова М.А. Городская архитектура как способ конструирования и деконструирования социальных практик горожан // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 150-159.
71. Ильченко М. С. Глобализация изнутри: исследования городов Саскии Сассен. Антиномии. 2013. № 13 (4). С. 101-106.

72. Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1996. 406 с.
73. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование: учебник. М.: Высш. шк. 1991. 366 с.
74. Исаченко Т. Е., Григорьева Е. Д. Эволюция природно-культурных комплексов пригородных зон и городов-спутников (на примере Сестрорецка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2012. № 1. С. 73-85.
75. Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 26-40.
76. Каганский В.Л. Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 26-36.
77. Калущков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №1. С. 57-69.
78. Капри Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. Пер. с англ. Г. Карпова; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Издательство Института Гайдара. 2021. 328 с.
79. Карпов А.С. Социальные особенности дифференциации городского пространства. Новосибирск: ИЭОПП, 2008. С. 1-2.
80. Карпов Ю.В. Капиталистическая реконструкция исторического центра Саратова: эволюция властного дискурса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 124-136.
81. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. С. 299-305.
82. Ключанова Л.Г. Устойчивые города: комплексное развитие урбанизированных территорий и правовые механизмы обеспечения реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1. С. 213-219.
83. Колодий В.В., Колодий Н.А., Чайка Ю.А. Активизм и партисипаторность: социальные технологии сотрудничества с городским населением в процессе

- «Производства» городского пространства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 175-185.
84. Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. Политические исследования. 1996. № 4. С. 33-46.
85. Колосов В.А., Бородулина Н.А. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость // Полис: Политические исследования. 2004. № 4. С. 70-79.
86. Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93-101.
87. Королева М.Н., Чернова М.А. Тактики реализации городских проектов в условиях современных управленческих практик и законодательства // Городские исследования и практики. 2017. № 3. С. 28-41.
88. Коськин А.А, Красс В.М, Манёров М.Р. Экокультурный городской протест в Санкт-Петербурге в параметрах теории городских политических режимов: анализ конфликта вокруг здания медико-санитарной части № 1 Завода имени Калинина // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2021. № 1. 13 с.
89. Куричева Е.К., Куричев Н.К. Механизмы экстенсивного и интенсивного развития Московской агломерации на макро-и микроуровнях // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 90-106.
90. Лаппо Г.М. География городов: учебное пособие для географических факультетов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1997. 480 с.
91. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее М.: Издательский дом «Мысль». 1987. 236 с.
92. Лаппо Г.М., Лухманов Д.Н., Нефёдова Т.Г., Полян П.М., Попов Р.А., Сафронов С.Г., Титков А.Н., Трейвиш А.И. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монография. Под ред. Т.Г. Нефёдовой, П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. М. 2001. 558 с.
93. Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32-60.
94. Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Россия и мир в XXI веке. М.: НИУ ВШЭ. 2008. С. 129-143.

95. Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ. 2012. 469 с.
96. Лисовский В.Г. Санкт-Петербург. Очерки архитектурной истории города. СПб: Коло. 2009. 23 с.
97. Малышева Е. Г., Чернышев В. А. О некоторых проблемах охраны культурного наследия Санкт-Петербурга // Сохранение историко-культурного наследия - будущее Санкт-Петербурга: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2013. С. 41-47.
98. Марченко А. Н. Государственный строй и политический режим: к вопросу о соотношении понятий // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. № 1. С. 1-21.
99. Масталерж Н.А. Формирование концепции общественного пространства как структурного элемента городской среды // Архитектон: известия вузов. 2013. № 3 (43). С. 61-73.
100. Матвеев И.А. Конец «Стабильности»: политическая экономия пересекающихся кризисов в России с 2009 года // Социологическое обозрение. 2017. №2. С. 29-53.
101. Матвеев И.А. Крупный бизнес в путинской России: старые и новые источники влияния на власть // Мир России. Социология. Этнология. 2019. № 1. С. 54-74.
102. Махотин Д. А. Развитие технологического образования школьников на переходе к новому технологическому укладу // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 7. С. 25-40.
103. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 26-31.
104. Медведев И.Р. Право на город // Закон. 2015. № 6. С. 181-195.
105. Медведев И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) // Арбитражный и гражданский процесс. № 1. 2016. С. 57-64.
106. Метелева Е.Р. Уточнение содержания понятий «Город», «Городское развитие» и «Управление городским развитием» // Известия БГУ. 2011. №3. С. 160-164.
107. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия. 1998. 264 с.
108. Мокроусова А. К. Социальные перемены и городское пространство: взаимовлияние и трансформации // Социология города. 2012. № 4. С. 36-45.

109. Николаев А. Отменить нельзя построить // Путевой навигатор. 2013. № 16. С. 58-63.
110. Орлова И. А., Селихов В. С., Чесноков Н. Н. Особенности проектирования городских общественных пространств // Наука и Образование. 2019. Т. 2, № 1. С. 1-7.
111. Орлова Н. В., Егиев С. К. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 69-84.
112. Парк Р. Город как социальная лаборатория. Социологическое обозрение, Т. 2, № 3. 2002. С. 3-12.
113. Перцик Е. Н. Геоурбанистика: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт. 2018. 481 с.
114. Петров А. А. Анализ приоритетных факторов развития строительной сферы в России и выявление возможных направлений нейтрализующих воздействий // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. № 2 (18). С. 56-62.
115. Полян П. М. Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения: монография. Под ред. Белозерова В., Глезер О., Трейвиша А. М.: Новый Хронограф. 2014. 788 с.
116. Попова Ю. В. К вопросу о понятии «политический режим» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 381-389.
117. Примаков Е.М. Мысли вслух. Litres, 2022. 207 с.
118. Пустовойт Ю. А. Модернизация, городской режим и протесты: опыт транзактного анализа дискурса власти и протестных сообществ в сибирских городах // Развитие территорий. 2019. № 1 (15). С. 6-14.
119. Пустовойт Ю.А. «Земля» и «воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // Власть и элиты. 2018. № 5. С. 295-330.
120. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 46. С. 85-106.
121. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: типология, причины формирования и возможности акторов // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 9-16.

122. Разинский Г. В. Факторы, определяющие социальное благополучие/неблагополучие в современном городе // Власть. 2014. № 6. С. 136-140.
123. Родоман Б. Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4-12.
124. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
125. Рубинин П.Е. Двадцать два отчёта академика П.Л. Капицы // Химия и жизнь. 1985. № 3-5. С. 50-61.
126. Савоскул М. С., Гаврюшов А.О. Страх перед городом у жителей закрытых жилых кварталов Москвы, 2021. С. 138-147.
127. Савоскул М.С., Мозгунов Н.А., Пивовар Г.А. Социально-экономическая трансформация малых городов Нечерноземья (на примере Калужской области) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. №2. С. 62-67.
128. Саматарёва К.А. Методология исследования городского политического режима // Политическая концептология. 2017. № 4. С. 252-256.
129. Санофф Г.Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов (перевод с англ. Н. Снигирева, Д. Смирнов). Вологда: Проектная группа 8. 2015. 169 с.
130. Свищев Г.П. Авиация: Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. 766 с.
131. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 189-204.
132. Семёнов Тян-Шанский В.П. Район и страна. Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
133. Слука Н.А. Глобальные города // Эксперт. 2008. № 15. С. 68-74.
134. Страбон. География Страбона в семнадцати книгах: Пер. с греч. с предисл. и указ. Ф.Г. Мищенко. 1879. 856 с.
135. Стурейко С. Градозащитные движение в постсоветских городах: между маргинальностью и национальным интересом // Перекрёстки. 2016. № 1-2. С. 33-51.
136. Тев Д.Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2006. №2. С. 99-121.

137. Тер-Восканян О.Ш. Закономерности формирования пешеходной среды в городе // *Academia. Архитектура и строительство*. 2018. № 3. С. 94-99.
138. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // *Россия реформирующаяся*. 2012. № 11. С. 62-81.
139. Ткаченко С.Б. Концепции застройки Зарядья: от гостиницы до парка // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2019. №1 (28). С. 196-213.
140. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935-1940. 4 т. 1562 с.
141. Трейвиш А.И. Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир: диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук. М.: Ин-т географии РАН. 2006. 309 с.
142. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. М: Новый хронограф. 2009. 369 с.
143. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. № 1. С. 176-179.
144. Тхакахов В. Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 17-25.
145. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Между политическим и аполитичным: формы участия локальных сообществ в защите городских территорий // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2017. Т. 1. С. 218-236.
146. Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. № 3. С. 112-122.
147. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 2. С. 241-253.
148. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов в Нижнем Новгороде: стратегическая интеракционная перспектива: доклад на VI Всероссийском социологическом конгрессе *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов* (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.). М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 2774–2785.

149. Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. Проблемы экономического роста территории: монография. Под ред. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 2013. 170 с.
150. Усс В.В. Сыромятнический тоннель. Описание конфликта. Презентация защиты проекта в рамках курса «Политическая география города». СПбГУ. 2022. Дата: 18.04.2022.
151. Федорова В. А., Сафина Г. Р. Преодоление дефицита территории в крупных городах как фактор улучшения городской среды // Региональные географические и экологические исследования: актуальные проблемы. 2016. С. 448-456.
152. Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141-152.
153. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 440 с.
154. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2014. 456 с.
155. Ходачек И.А., Дельва К.И., Галустов К.А. Умные города на Крайнем Севере: сравнительный анализ Архангельска, Будё, Мурманска и Тромсё // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 57–79. doi: 10.17323/usp51202057-79
156. Хохлова А.М., Тыканова Е.В. Между политическим и аполитичным: формы участия локальных сообществ в защите городских территорий: материалы академического проекта «Современный город: власть, управление, экономика». Под ред. Ю. Белоногова, А Зуйкиной, Д. Семеновй. Пермь: Пермский нац. исслед. политех. ун-т. 2017. С. 218-236.
157. Черепанов К. А. Градостроительные конфликты: определение, причины и следствия, участники, разрешение // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 7. С. 18-25.
158. Черешнев И. В., Черешнева Н. В., Кусков Е. Д. Формирование комфортной городской среды: к вопросу об оценке проектов благоустройства // Вестник Волгоградского архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2022. № 86. С. 338-347.

159. Чернышева Л. А., Хохлова А. М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 223-238.
160. Чистобаев А. И., Висленева О. А. Градостроительное освоение территорий городских округов России: опыт, проблемы, решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2014. № 1. С. 159-166.
161. Чистобаев А. И., Висленева О. А. Есть ли в России дефицит территории для развития городов? // Региональная экология. 2013. № 1-2. С. 46-50.
162. Шамсунова Э.Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург. 2001. 10 с.
163. Шанин А. А. Международный политический режим как элемент современной «Планетарной политической системы». Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 408-411.
164. Шарыгин М.Д., Чупина Л.Б. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним // Географический вестник, Пермь. 2013. № 2. С. 4-8.
165. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. У власти точка зрения - молчание: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Полит. наука. 2017. № 4. С. 111-136.
166. Шмелева И.А. Проблемы глобальной окружающей среды и развития в современном российском политическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 174-188.
167. Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №2 (138). С. 160-177.
168. Шуровьески Д. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. Пер. с англ. И. Д. Вильямса. 2014. № 4. С. 112-121.

169. Щипанов Н.И. Социология города // Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С. 493.
170. Юсим В. Н., Быстров А. В., Фиалковский Д. Г. Текущие константы макроэкономического развития стран-технологических лидеров // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 157-171.
171. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. Глава в книге: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук. 2001. С. 310-319.
172. Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбургский А.В., Топалов М.Н., Клемент К.М. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М., Институт социологии РАН. 2008. 101 с.
173. Aidukaite J., Fröhlich C. Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius // International Journal of Sociology and Social Policy, 2015. Vol. 35 (7/8). P. 565-580.
174. Akkermans B. Sustainable Obligations in (Dutch) Property Law. Maastricht Law. 2020. № 4. P. 1-14.
175. Akkermans B. Sustainable Property Law: Towards a Revaluation of Our System of Property Law. Maastricht University - Maastricht European Private Law Institute. 2020. P. 37-58.
176. Almond G. and Verba S. The Civic Culture // Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston-Toronto. 1965. 392 p.
177. Altshuler A. and Luberoff D. Mega-Projects: The Changing Politics of Urban Public Investment. Brookings Institution Press. 2003. 352 p.
178. Andersen N. The urban community: a world perspective. Routledge. 2013. P. 1-5.
179. Anderson E. Streetwise: Race, class, and change in an urban community. University of Chicago Press. 2013. P. 52-60.
180. Andersson C. Public space and the new urban agenda // Public Space Reader. Routledge. 2021. P. 420-425.

181. Åslund A. Russia's Crony Capitalism. The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven and London: Yale University Press. 2019. 336 p.
182. Axenov K., Brade I., Bondarchuk E. The Transformation of Urban Space in Post-Soviet Russia: monography. Routledge. New York. 2006. 200 p.
183. Axenov K., Timoshina A., Zemlyanova A. Commercial redevelopment of industrial and residential periphery of Russian metropolis: St. Petersburg, 1989-2017 // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12. № 4. P. 705-722.
184. Barney J. B., Ketchen Jr D. J., Wright M. The future of resource-based theory: revitalization or decline? // Journal of management. 2011. Vol. 37 (5). P. 1299-1315.
185. Beaverstock J.V., Smith R.G., Taylor P.J. A roster of world cities // Cities, 1999. P. 445-458.
186. Bell A. Property as the Right to Be Left Alone. In book: A. Bell, G. Parchomovsky. Legal Studies Research Paper Series. 2018. № 18-336. P. 1-58.
187. Bin Li, Axenov K.E., Golubchikov O.V. Adaptive Management of Urban Redevelopment: A Comparative Study of Guangzhou, China and St. Petersburg, Russia. Presentation at the BRICS Municipal Forum. 2021. Date: 05.11.2021. Sponsored by Chinese National Natural Science Foundation, id: 41871154.
188. Borén T., Young C. Conceptual export and theory mobilities: exploring the reception and development of the "creative city thesis" in the post-socialist urban realm // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57 (4-5). P. 588-606.
189. Brown L. D., Timmer V. Civil society actors as catalysts for transnational social learning // Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations. 2006. Vol. 17. P. 1-16.
190. Bryman A. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 4th ed. 2012. 766 p.
191. Burns L. R. The Chicago school and the study of organization-environment relations // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1980. Vol. 16. № 4. P. 342-358.
192. Burns P. Regime theory, state government, and a takeover of urban education // Journal of Urban Affairs. 2003. Vol. 25 (3). P. 285-303.
193. Byron A. M. Geography and Social Movements: Comparing Antinuclear Activism in the Boston Area. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 224 p.

194. Cabannes Y. Participatory budgeting: a significant contribution to participatory democracy // *Environment & Urbanization*. 2004. Vol. 16 (1). P. 27-46.
195. Calhoun J.B. *The Social Use of Space*. 1963. 187 p.
196. Cugurullo F. The business of Utopia: Estidama and the road to the sustainable city // *Utopian Studies*. 2013. Vol. 24 (1). P. 66-88.
197. Davidson M., Iveson K. Recovering the politics of the city: From the 'post-political city' to a 'method of equality' for critical urban geography // *Progress in Human Geography*. 2015. Vol. 39 (5). P. 543-559.
198. Davies J. S. Partnerships versus regimes // *Journal of Urban Affairs*. 2003. Vol. 25 (3). P. 253-269.
199. Davies J. S. Urban regime theory: A normative-empirical critique // *Journal of Urban Affairs*. 2002. Vol. 24 (1). P. 1-17.
200. De Socio M. Regime network restructuring in Akron, Ohio, 1975–2009: A longitudinal social network analysis // *Growth and Change*. 2012. Vol. 43 (1). P. 27-55.
201. Della Porta D., Diani M. *Social Movements: An Introduction* // Blackwell Publishing. 2006. 360 p.
202. DiGaetano A. A. J. K. Urban regimes in comparative perspective // *Urban Affairs Quarterly*. 1993. Vol. 29 (1). P. 54-83.
203. Dixon M. Gazprom versus the Skyline: Spatial Displacement and Social Contention in Saint Petersburg // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2010. Vol. 34, Issue 1. P. 35-54.
204. Docherty I. Institutional geography and regime governance – The case of local rail transport policy // *Space and Polity*. 2000. Vol. 4 (2). P. 109-130.
205. Dowding K. Explaining urban regimes // *International journal of urban and regional research*. Oxford, Cambridge. 2001. Vol. 25 (1). P. 7-19.
206. Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y. Regime Politics in London Local Government // *Urban affairs rev.* Chicago. 1999. Vol. 34 (4). P. 515-545.
207. Elkin S. L. *City and Regime in the American Republic* // Chicago. 1987. 227 p.
208. Elkin S. L. Twentieth century urban regimes // *Journal of urban affairs*. 1985. Vol. 7 (2). P. 11-28.

209. Fainstein S. *City Builders: Property, Politics and Planning in New York and London*. Oxford. 1994. 312 p.
210. Ferenčuhová S. and Gentile M. Introduction: Post-socialist cities and urban theory // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57 (4-5). P. 483-496. doi: 10.1080/15387216.2016.1270615
211. Ferman B. *Challenging the Growth Machine: Neighborhood Politics in Chicago and Pittsburgh (Studies in Government & Public Policy)*. 1996. Vol. 31 (3). P. 425-427.
212. Forrest R., La Grange A., Yip N. Hong Kong as a global city? Social distance and spatial differentiation // *Urban Studies*. 2004. Vol. 41. № 1. P. 207-227.
213. Frye T. *Property Rights and Property Wrongs: How Power, Institutions, and Norms Shape Economic Conflicts in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 256 p.
214. Gaddy C.G. and Ickes B. *The Bear's Traps of Russia's Road to Modernization*. London: Routledge. 2013. 144 p.
215. Galustov K. Statistical analysis of the primary sector in the Russian Arctic // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Том 10, № 4 (41)*. СПб: СЗИУ РАНХиГС. 2019. С. 9-34.
216. Gel'man V. *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. 2015. 208 p.
217. Gold T. B. *Urban private business and social change. Chinese society on the eve of Tiananmen*. Brill. 1990. P. 157-178.
218. Goldstone J. *States, Parties, and Social Movements*. Cambridge University Press. 2004. 287 p.
219. Golubchikov O. The urbanization of transition: ideology and the urban experience, *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57 (4-5). P. 607-623. doi: 10.1080/15387216.2016.1248461
220. Golubchikov O. World-city entrepreneurialism: globalist imaginaries, neoliberal geographies, and the production of new St. Petersburg // *Environment and Planning*. 2010. Vol. 42 (3). P. 626-643.
221. Goodey B., Gold J.R. Environmental Perception: The Relationship with Urban Design // *Progress in Human Geography*. 1987. Vol. 11 (1). P. 126-133.

222. Goodwin J., Jasper J. M. *Rethinking Social Movements: Structure, Culture, and Emotion*. MD: Rowman and Littlefield. 2004. 320 p.
223. Gotham K. F. *Urban redevelopment, past and present. Critical perspectives on urban redevelopment*. Emerald Group Publishing Limited. 2001. P. 1-31.
224. Grossi G., Meijer A., Sargiacomo M.A. Public management perspective on smart cities: 'Urban auditing' for management, governance and accountability // *Public Management Review*. 2020. Vol. 22(5). P. 633-647.
225. Grossi G., Pianezzi D. Smart cities: Utopia or neoliberal ideology? // *Cities*. 2017. Vol. 69. P. 79-85.
226. Haggett P. *Geography: a global synthesis*. Pearson Education. 2001. 833 p.
227. Haggett P., Cliff A.D., Frey A. *Locational analysis in human geography*. Arnold 2. 1977. 605 p.
228. Hall P. *Cities in civilization*. New York: Pantheon Books. 1998. 1169 p.
229. Hankins K. B. Regime Politics in Geography // *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51 (1). P. 150-160.
230. Harvey D. *Justice, Nature and the geography of Difference*. Blackwell. Oxford. 1996. 480 p.
231. Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press. 2003. 288 p.
232. Harvey D. The Right to the City // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27 (4). P. 939-941.
233. Hillier B. and Hanson J. *The Social Logic of Space*. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. 281 p.
234. Hirt S. Whatever happened to the (post) socialist city? // *Cities*. 2013. Vol. 32 (1). P. 29-38.
235. Hobor G. Surviving the era of deindustrialization: The new economic geography of the urban rust belt // *Journal of Urban Affairs*. 2013. Vol. 35. № 4. P. 417-434.
236. Hughes G. Urban revitalization: The use of festive time strategies // *Leisure studies*. 1999. Vol. 18 (2). P. 119-135.
237. Hutton T. A. Post-industrialism, Post-modernism and the Reproduction of Vancouver's Central Area: Retheorising the 21st-century City // *Urban studies*. 2004. Vol. 41. № 10. P. 1953-1982.

238. Imbroscio D. L. Overcoming the neglect economics in urban regime theory // *Journal of Urban Affairs*. 2003. Vol. 25. P. 271-284.
239. Jensen P. A., Maslesa E. Value based building renovation. A tool for decision-making and evaluation // *Building and Environment*. 2015. Vol. 92. P. 1-9.
240. John P., Cole A. Urban Regimes and Local Governance in Britain and France: Policy Adaptation and Coordination in Leeds and Lille // *Urban Affairs Quarterly*. 1998. Vol. 33 (3). P. 633-651.
241. Kaplan, D. H. Holloway S. R. *Urban geography*. Wiley: 3d ed. 2014, 512 p.
242. Kent S. *Domestic architecture and the use of space: an interdisciplinary cross-cultural study* // *New Directions in Archaeology*. Cambridge University Press. 1993. 204 p.
243. Kessler Z., Wagner R.E. *Property Rights Within a Theory of Entangled Political Economy*. George Mason University Department of Economics Working Paper. 2020. P. 20-38.
244. Kinossian N., Morgan K. Development by Decree: The Limits of “Authoritarian Modernization” in the Russian Federation // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. Vol. 38 (5). P. 1678-1696.
245. Kirdina-Chandler S. G., Maevsky V. I. Meso-economics from the heterodox perspective and its structure // *Journal of Institutional Studies*. 2020. Vol. 12, № 2. P. 6-24.
246. Kirsch D. The intelligent use of space // *Artificial Intelligence*. 1995. Vol. 73 (1-2). P. 31-68.
247. Knox P. *Atlas of Cities*. Princeton University Press. 2014. P. 8-9.
248. Krasner S. *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press. 1983. 368 p.
249. Kronenberg J., Haase A., Łaszkiwicz E., Antal A., Baravikova A., Biernacka M., Onose D. A. Environmental justice in the context of urban green space availability, accessibility, and attractiveness in postsocialist cities // *Cities*. 2020. Vol. 106. P. 1-13.
250. Lauria M. *Reconstructing urban regime theory: Regulating urban politics in a global economy*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1997. 288 p.
251. Lees L., Slater T., Elvin K. Wyly. *Gentrification*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2008. 310 p.
252. Lefebvre H. *La production de l'espace* (перевод с фр. С.А. Эфирова) // *Социологическое обозрение*. 2002. Том 2, № 3. 485 p.

253. Lefebvre H. *The Production of Space*. Blackwell, 1991. 464 p.
254. Lifshitz Yael R. *Geometry of Property* // *University of Toronto Law Journal*. 2020. 41 p.
255. Listengurt F.M. *Criteria for delineating large urban agglomerations in the USSR* // *Soviet Geography*. 1975. P. 41-50.
256. Logan J.R., Molotch H.R. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkley: University of California Press. 1987. 383 p.
257. Lynch K. *The city image and its elements*. MIT Press Cambridge. 1960. 103 p.
258. Martinaitis V., Rogoža A., Bikmanien I. *Criterion to evaluate the “twofold benefit” of the renovation of buildings and their elements* // *Energy and buildings*. 2004. Vol. 36 (1). P. 3-8.
259. Marx K. *Capital*. Volume I. Penguin UK. 2004. Vol. 1. 547 p.
260. McAdam D. *Dynamics of Contention*. Cambridge University Press. 2004. 412 p.
261. McShane C. *Transforming the use of urban space: A Look at the Revolution in Street Pavements, 1880-1924* // *Journal of urban history*. 1979. Vol. 5 (3). P. 279-307.
262. Molotch H. *The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place* // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82 (2). P. 309-332.
263. Müller M. *Goodbye, Postsocialism!* // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71 (4). P. 533-550. doi: 10.1080/09668136.2019.1578337
264. Neumann T. *Remaking the rust belt: The postindustrial transformation of North America*. University of Pennsylvania Press, 2016. 280 p.
265. Offe Cl. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Social Research*. 1991. Vol. 58 (4). P. 865-892.
266. Pacione, M. *Urban geography: a global perspective*. 3d ed. New York: Routledge. 2009. 736 p.
267. Papadopoulos A. G. *Urban Regimes and Strategies: Building Europe’s Central Executive District in Brussels*. 1996. 290 p.
268. Parchomovsky G. *Land Burdens in the Service of Conservation*. In book: G. Parchomovsky, A. Bell. *Towards a Unified System of Land Burdens?* Oxford. 2006. P. 137-162.

269. Peters B. Guy and Jon Pierre. Urban Governance, in Peter John, Karen Mossberger, and Susan E. Clarke (eds) // *The Oxford Handbook of Urban Politics*. Oxford Handbook. 2012. P. 71-86.
270. Rossi A. *The architecture of the city*. MIT press. 1984. 208 p.
271. Rudolph R. Stadtzentren Russischer Grosstadte in der Transformation – St. Petersburg und Jekaterinburg. *Beitrage zur regionalen Geographie*, 54. Leipzig: Leibniz-Institut fuer Laenderkunde. 2001. P. 91-93.
272. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press. 2001. 480 p.
273. Sassen S. The global city: Strategic site, new frontier // *Managing urban futures*. Routledge. 2016. P. 89-104.
274. Schipperijn J., Stigsdottera U.K., Randrup T.B., Troelsen J. Influences on the use of urban green space – A case study in Odense, Denmark // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2010. Vol. 9, Issue 1. P. 25-32.
275. Schweitzer L., Stephenson M. Jr. Right answers, wrong questions: Environmental justice as urban research // *Urban Studies*. 2007. Vol. 44 (2). P. 319-337.
276. Shaw K. Culture, economics and evolution in gentrification // *Just Policy: A Journal of Australian Social Policy*. 2002. № 28. P. 42-50.
277. Sjöberg Ö. Cases onto themselves? Theory and research on ex-socialist urban environments // *Geografie*. Vol. 119 (4). 2014. P. 299-319.
278. Smelser N., Baltes P. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Elsevier. 2001. P. 3-15.
279. Smith K. E. I. What is globalization? // *Sociology of Globalization*. Routledge. 2018. P. 3-10.
280. Soja E. *Postmodern geographies. The reassertion of space in critical social theory*, London: Verso. 1989. 266 p.
281. Stoker G., Mossberger K. The Evolution of Urban Regime Theory: the Challenge of Conceptualization // *Urban Affairs Review*. 2001. Vol. 36 (6). P. 810-835.
282. Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective // *Government and Policy*. 1994. Vol. 12. P. 195-212.

283. Stoker R. P. A regime framework for implementation analysis: Cooperation and reconciliation of federalist imperatives // *Review of Policy Research*. 1989. Vol. 9 (1). P. 29-49.
284. Stone C. N. Looking Back to Look Forward: Reflections on Urban Regime Analysis // *Urban Affairs Review*. 2005. Vol. 40 (3). P. 309-341.
285. Stone C. N. Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order // *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51 (1). P. 101-137.
286. Stone C. N. Urban regimes and the capacity to govern: A political economy approach // *Journal of urban affairs*. 1993. Vol. 15. № 1. P. 1-28.
287. Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence. 1989. 328 p.
288. Sýkora L., Bouzarovski S. Multiple transformations: conceptualising the post-communist urban transition // *Urban Studies*. Vol. 49. 2012. P. 43-60.
289. Tardieu A. *Géographie de Strabon: Traduction Nouvelle: Deuxième Édition: Tome Premier (φp.)*. Paris: Librairie Hachette. 1886. Book I. 592 p.
290. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd ed. Cambridge University Press. 2011. 354 p.
291. Tolley G. S. The welfare economics of city bigness // *Journal of Urban Economics*. 1974. Vol. 1. № 3. P. 324-345.
292. Treivish A., Brade I., Nefedova T. Russian cities at a crossroads // *GeoJournal*. 1999. Vol. 49. P. 117-129.
293. Tretter E. M. Scales, regimes, and the urban governance of Glasgow // *Journal of Urban Affairs*. 2008. Vol. 30. (1). P. 87-102.
294. Trumbull N. Challenges to western participation in shaping the urban landscape of Post-Socialist St. Petersburg: The failure of international competitions for iconic architectural projects // *Eurasian Geography and Economics*. 2010. Vol. 51. P. 788-802.
295. Trumbull N. S. Redevelopment and conservation in the built fabric of post-socialist St. Petersburg // *Urban Geography*. 2012. Vol. 33 (3). P. 370-400.
296. Vorobyev D., Shtiglitz M. Industrial heritage issues in a conflict case: Okhta Center in Saint Petersburg, Russia. *Industrial Heritage Sites in Transformation*. Routledge. 2014. P. 120-135.

297. Waddell S., Brown L. D. Fostering intersectoral partnering: A guide to promoting cooperation among government, business, and civil society actors // Institute for Development Research Reports. 1997. Vol. 13 (3). P. 1-26.
298. Wallerstein I. World-Systems Analysis, Social Theory Today. Edited by A. Giddens & J. H. Turner. Cambridge: Polity Press. 1987. 128 p.
299. Walsh K. The Idea of Principles in Early Modern Thought: Interdisciplinary Perspectives Edited by Peter R. Anstey. Routledge. 2017. 320 p.
300. Ward K. Re-reading urban regime theory // Geoforum. 1996. Vol. 27 (4). P. 427-438.
301. Webber M. Order in diversity: community without propinquity // Cities and Space: The Future Use of Urban Land. Edited by: Wingo. Baltimore: J. Hopkins Press. 1963. 33 p.
302. Weber R. Extracting value from the city: neoliberalism and urban redevelopment. Antipode. Blackwell. 2002. Vol. 34 (3). P. 519-540.
303. Wilkinson I. With and beyond Mills: Social suffering and the sociological imagination // Cultural Studies Critical Methodologies. 2012. Vol. 12 (3). P. 182-191.
304. Zald M., McCarthy J. Social Movement Industries. Resources, Social Movements, Conflict and Change. In book: Research in Social Movements. Conflicts and Change. Edited by L. Kriesberg. Vol. 111. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1980. P. 1-20.
305. Zupan D., Budenbender M. Moscow urban development: Neoliberal urbanism and green infrastructures // Post-Socialist Urban Infrastructures. Publisher: Routledge. 2019. P. 125-141.

Список сокращений

АИЖК	Агентство по ипотечному жилищному кредитованию
АРИК	Агентство по развитию имущественного комплекса Санкт-Петербурга
АТЭС	Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество»
БЦ	Бизнес-центр
ВАК	Высшая аттестационная комиссия
ВНИИБ	Всесоюзный научно-исследовательский институт целлюлозно-бумажной промышленности
ВООПИиК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСД	Восточный скоростной диаметр (также – Широтная магистраль скоростного движения)
ВУЗ	Высшее учебное заведение
Га	Гектары
ГБУ	Государственное бюджетное учреждение
ГИС	Геоинформационная система
ГК	Группа компаний
ГМИ СПб	Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМП	Государственный музей-памятник

Группа ЭРА	Группа «Экология рядовой архитектуры»
ГЭС	Гидроэлектростанция
Др.	Другие
ЖК	Жилой комплекс
ЖКХ	Жилищно-коммунальное хозяйство
ЗАО	Закрытое акционерное общество
ИКОМОС	Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест
ИФ РАН	Институт философии Российской академии наук
Лин.	Линия
Минсельхоз	Министерство сельского хозяйства РФ
Млн.	Миллионы
Мосгордума	Московская городская дума
МСХА	Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева
МФЦ	Многофункциональный центр
Н.в., н/вр	Настоящее время
НПО	Неправительственная организация
ОАО	Открытое акционерное общество

ОЗП	Общественно значимый проект трансформации городской среды
ООН	Организация Объединённых Наций
ООО	Общество с ограниченной ответственностью
Пл.	Площадь
Пр.	Проспект
Р.	Река
Ред.	Редактура
Рис.	Рисунок
РИНЦ	Российский индекс научного цитирования
РМК	Русская медная компания
РФ	Российская Федерация
РЦНИ	Российский центр научной информации
СКК	Спортивно-концертный комплекс
СМИ	Средства массовой информации
СПб	Санкт-Петербург
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединённые Штаты Америки
Тыс.	Тысячи

УГМК	Уральская горно-металлургическая компания
Ул.	Улица
Фонд РЖС	Фонд развития жилищного строительства
ФРГ	Федеративная Республика Германия
Ш.	Шоссе
ЮНЕСКО	Специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, включающее достопримечательности в список Всемирного наследия

Список рисунков

1.1. Процесс трансформации места	17
2.1. Моделирование потенциального влияния Охта-Центра на «небесную линию» Санкт-Петербурга	52
2.2. Двухакторная схема конфликта	71
2.3. Примеры местоположения городских конфликтов	75
2.4. Пространственно-временные модели воздействия городского режима на трансформацию городского пространства на примере итогов экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге	76
2.5. Вовлечённость власти в экологические и экокультурные конфликты в Санкт-Петербурге	78
2.6. Итоги побед актора «общество» в районах Санкт-Петербурга	79
2.7. Внешний вид Дома Басевича на 2020 г. и изначальный проект реконструкции	83
2.8. Тучков буян	85
2.9. «Парк на Смоленке»	87
2.10. Карта начальной фазы трансформации в Василеостровском и Петроградском районах Санкт-Петербурга	89
2.11. Карта итогов трансформации в Василеостровском и Петроградском районе Санкт-Петербурга	90
3.1. Соотношение количества домов и числа квартир в Санкт-Петербурге	105
3.2. «Реконструкция Сыромятнического тоннеля»	110

Список таблиц

1.1. Признаки наличия городского режима	33
2.1. Общественно значимые проекты трансформации городской среды и публичный дискурс	51
2.2. Оценка критериев общественной значимости проектов трансформации городской среды	56
2.3. Шкала оценки роли и результативности участия акторов в ОЗП	60
2.4. Трансформация пространства Тучкова буяна	84
2.5. Кейс «Парк на Смоленке»	87
3.1. Кодификатор трансформации городского пространства	96
3.2. Расшифровка кодификатора трансформации городского пространства	97
3.3. Типология трансформации городского пространства на примере ОЗП	98
3.4. Типология трансформации городского пространства под воздействием городского режима на примере Василеостровского и Петроградского районов г. Санкт-Петербурга	99
3.5. Трансформация пространства Зарядья, г. Москва	108

Список приложений

А. Таблица публичных экологических и экоккультурных конфликтов в Санкт-Петербурге с 2006 года по н.в.	152
Б. Система баллов для построения пространственно-временных моделей	159
В. Число конфликтов и процент побед общественности по районам Санкт-Петербурга	166
Г. Анкета для экспертного опроса	167
Д. Результаты экспертного опроса	169
Е. Кейсы общественно значимых проектов трансформации городской среды	171
Ж. Типология процесса трансформации городского пространства на примере ОЗП	190
З. Примеры трансформации пространства в Центральном районе Санкт-Петербурга	192
И. Статистика общего числа построенных домов и сданных квартир в Санкт-Петербурге	194

Приложения

Приложение А. Таблица публичных экологических и экокультурных конфликтов в Санкт-Петербурге с 2006 года по н.в.

№	Наименование конфликта	Район	Итог протеста	Масштаб территории конфликта	Уровень решения/освещения проблемы	Длительность конфликта	Местоположение конфликта	Упоминания конфликта (контент-отклик)
1	Английский парк	Петродворцовый	Победа	Средний	Муниципальный	2 мес.	Периферия	200
2	«Аракчеевские казармы», дома на Шпалерной ул.	Центральный	Победа	Малый	Региональный	1 год	Центр	25 тыс.
3	Баболовский парк	Пушкинский	Победа	Крупный	Федеральный	7 лет	Периферия	29 тыс.
4	Биржа на Большом пр. В.О.	Василеостровский	Компромисс	Малый	Региональный	2 года	Полу периферия	80 тыс.
5	Блокадная подстанция	Центральный	Победа	Малый	Региональный	7 лет	Центр	120 тыс.
6	Больница Св. Марии Магдалины	Василеостровский	Поражение	Малый	Региональный	7 лет	Центр	3 тыс.
7	Бульвар на ул. Крыленко	Невский	Компромисс	Средний	Региональный	7 лет	Периферия	20 тыс.
8	БЦ «Монблан»	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	6 месяцев	Полу периферия	20 тыс.
9	Военно-медицинская академия им. Кирова	Выборгский	Победа	Крупный	Федеральный	3 года	Полу периферия	73 тыс.
10	Воскресенская церковь, пос. Металлострой	Колпинский	Поражение	Средний	Региональный	5 лет	Периферия	2,5 тыс.
11	Гаванские бани	Василеостровский	Компромисс	Малый	Региональный	2 месяца	Полу периферия	35 тыс.

12	ГМП «Исаакиевский собор»	Центральный	Победа	Малый	Федеральный	1 год	Центр	380 тыс.
13	Дёминский сад	Невский	Победа	Малый	Региональный	9 лет	Полу периферия	900
14	Дом Art View House на наб. р. Мойки, 102	Адмиралтейский	Поражение	Малый	Региональный	1 год	Центр	170 тыс.
15	Дом Абазы	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	9 лет	Центр	60 тыс.
16	Дом Басевича	Петроградский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Центр	86 тыс.
17	Дом Книги	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	6 месяцев	Центр	120 тыс.
18	Дом Литераторов (Невский пр., 68)	Центральный	Компромисс	Малый	Региональный	2 года	Центр	300 тыс.
19	Дом Лишневого «Мефистофель»	Петроградский	Победа	Малый	Региональный	7 лет	Центр	150 тыс.
20	Дом на Невском, 112 «Стокманн»	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	2 года	Центр	90 тыс.
21	Дом на пр. Бакунина, 33	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	2 месяца	Центр	25 тыс.
22	Дом Рогова	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	8 лет	Центр	450 тыс.
23	Дом Чубакова	Василеостровский	Компромисс	Малый	Федеральный	1 год	Центр	30 тыс.
24	Дом Шагина (Зыкова)	Адмиралтейский	Промежуточное решение	Малый	Федеральный	10 лет	Центр	33 тыс.
25	Дом Штакеншнейдера	Центральный	Победа	Малый	Региональный	6 лет	Центр	7 тыс.
26	Дом Юргенса	Центральный	Победа	Малый	Региональный	2 года	Центр	120 тыс.
27	ЖК «Аврора»	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	3 месяца	Полу периферия	15 тыс.

28	Здание ВНИИБ (2-й Муринский пр.)	Выборгский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Периферия	27 тыс.
29	Здание медсанчасти № 1 завода им. М.И. Калинина	Василеостровский	Промежуточное решение	Малый	Региональный	4 года	Полупериферия	40 тыс.
30	Конюшенное ведомство	Центральный	Победа	Средний	Федеральный	11 лет	Центр	155 тыс.
31	«Лахта-центр»	Приморский	Поражение	Крупный	Федеральный	5 лет	Полупериферия	380 тыс.
32	Лопухинский сад	Петроградский	Победа	Средний	Региональный	10 лет	Центр	68 тыс.
33	Луговой парк	Петродворцовый	Промежуточное решение	Средний	Муниципальный	2 мес.	Периферия	140
34	Мартыновский сквер	Приморский	Победа	Крупный	Региональный	5 лет	Периферия	20 тыс.
35	Матвеевский сад	Петроградский	Победа	Средний	Муниципальный	2 года	Центр	3 тыс.
36	Митрофаньевское кладбище	Московский	Победа	Крупный	Региональный	6 лет	Периферия	19 тыс.
37	«Морской фасад»	Василеостровский	Поражение	Крупный	Федеральный	2 года	Полупериферия	800 тыс.
38	Музей Достоевского	Центральный	Победа	Малый	Региональный	2 года	Центр	607 тыс.
39	Муринский парк	Калининский	Победа	Средний	Региональный	1 год	Периферия	160 тыс.
40	Мусорный полигон на Левашовском ш.	Выборгский	Компромисс	Крупный	Федеральный	3 года	Периферия	30 тыс.
41	Намывной остров в Сестрорецке	Курортный	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	22 тыс.
42	Некрасовский сад (Греческая церковь)	Центральный	Промежуточное решение	Средний	Региональный	8 лет	Центр	35 тыс.
43	Обуховская	Адмиралтейский	Поражение	Средний	Региональный	2 года	Центр	20 тыс.

	больница							
44	Опочининский сад	Василеостровский	Победа	Средний	Региональный	2 года	Полу периферия	400
45	Орловский карьер и Новоорловский заказник	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	2 года	Периферия	700
46	«Охта-центр»	Красногвардейский	Победа	Малый	Глобальный	4 года	Полу периферия	2,5 млн.
47	Памятники Охтинского мыса	Красногвардейский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Полу периферия	105 тыс.
48	Парк «Александрино» (берёзовая роща)	Красносельский	Поражение	Средний	Региональный	3 месяца	Периферия	54 тыс.
49	Парк «Заросли»	Василеостровский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	1 год	Полу периферия	23 тыс.
50	Парк «Малиновка»	Красногвардейский	Победа	Средний	Региональный	9 лет	Периферия	68 тыс.
51	Парк 300-летия Санкт-Петербурга	Приморский	Поражение	Крупный	Региональный	5 лет	Периферия	1 млн. 100 тыс.
52	Парк 30-летия Октября	Невский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Периферия	10 тыс.
53	Парк Академика Сахарова	Калининский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	15 тыс.
54	Парк Воинской славы	Невский	Поражение	Средний	Муниципальный	10 мес.	Периферия	100
55	Парк имени Есенина	Невский	Победа	Средний	Муниципальный	4 месяца	Периферия	1 тыс.
56	Парк Интернационалистов	Фрунзенский	Победа	Крупный	Региональный	1,5 года	Периферия	420 тыс.
57	Парк на Смоленке	Василеостровский	Победа	Средний	Региональный	6 лет	Полу периферия	930 тыс.

58	Парк у Серебряного пруда	Выборгский	Поражение	Малый	Региональный	4 года	Периферия	20 тыс.
59	Парк «Тучков Буян»	Петроградский	Промежуточное решение	Крупный	Глобальный	9 лет	Центр	24 тыс.
60	Площадь Мужества	Выборгский	Победа	Средний	Федеральный	3 года	Периферия	10 тыс.
61	Подковыровский сад	Петроградский	Победа	Малый	Региональный	3 года	Центр	25 тыс.
62	Пулковская обсерватория – ЖК «Планетоград»	Московский	Компромисс	Крупный	Глобальный	3 года	Периферия	200 тыс.
63	Ржевский лесопарк	Красногвардейский	Победа	Крупный	Региональный	7 лет	Периферия	80 тыс.
64	Сад Ивана Фомина	Выборгский	Победа	Малый	Региональный	4 года	Периферия	180 тыс.
65	Сад на Неве	Центральный	Промежуточное решение	Средний	Федеральный	1,5 года	Центр	460 тыс.
66	Сестрорецкий курорт	Курортный	Поражение	Крупный	Региональный	2 года	Периферия	27 тыс.
67	Сквер 2А и 2Г в Ульянке	Красносельский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	8 лет	Периферия	10 тыс.
68	Сквер Бенуа	Калининский	Победа	Крупный	Региональный	1 год	Периферия	900
69	Сквер на 6-ой Советской ул.	Центральный	Поражение	Малый	Региональный	10 лет	Центр	70 тыс.
70	Сквер на 9 линии В.О. (бизнес-центр «Соверен»)	Василеостровский	Поражение	Малый	Муниципальный	2 года	Центр	200
71	Сквер на Долгоозёрной ул.	Приморский	Поражение	Средний	Региональный	2 года	Периферия	25 тыс.
72	Сквер на Канонерском острове	Кировский	Победа	Средний	Региональный	4 года	Периферия	4 тыс.

73	Сквер на Комендантском пр., д. 40	Приморский	Победа	Малый	Региональный	1 год	Периферия	210 тыс.
74	Сквер на пр. Энгельса	Выборгский	Победа	Средний	Региональный	2,5 года	Периферия	30 тыс.
75	Сквер на ул. Верности	Калининский	Победа	Средний	Муниципальный	2 года	Периферия	50
76	Сквер на ул. Гастелло (Чесменский дворец)	Московский	Поражение	Малый	Глобальный	5 лет	Полу периферия	30 тыс.
77	Сквер на ул. Демьяна Бедного	Выборгский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	10 мес.	Периферия	26 тыс.
78	Сквер на ул. Савушкина 112 (МФЦ «Астана»)	Приморский	Победа	Средний	Федеральный	6 лет	Периферия	7 тыс.
79	Сквер на ул. Савушкина 145	Приморский	Промежуточное решение	Малый	Муниципальный	1,5 года	Периферия	7 тыс.
80	Сквер на Школьной ул.	Приморский	Поражение	Малый	Муниципальный	1 год	Периферия	150
81	Сквер Подводников	Калининский	Поражение	Средний	Региональный	1 год	Периферия	7 тыс.
82	Сквер у Большеохтинского пр. (дома Верховного суда РФ)	Красногвардейский	Промежуточное решения	Крупный	Федеральный	2 года	Полу периферия	120 тыс.
83	Сквер у СКК «Петербургский»	Московский	Промежуточное решение	Крупный	Федеральный	2 года	Полу периферия	42 тыс.
84	«Собачье сердце», дом на Дегтярном пер.	Центральный	Промежуточное решение	Малый	Региональный	2 мес.	Центр	800

85	Старопарголовский массив (пр. Мориса Тореза)	Выборгский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	3 года	Периферия	13 тыс.
86	Технопарк «Ингрия», Кудровский лес	Невский	Компромисс	Крупный	Муниципальный	7 мес.	Периферия	130
87	Удельный парк	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	9 лет	Периферия	70 тыс.
88	Фабрика Мельцера	Петроградский	Промежуточное решение	Средний	Региональный	3 года	Центр	19 тыс.
89	Фарфоровское кладбище	Невский	Победа	Средний	Региональный	1 год	Периферия	80 тыс.
90	Храм на Матисовом канале	Красносельский	Компромисс	Малый	Региональный	5 лет	Периферия	45 тыс.
91	Широтная магистраль (ВСД)	Красногвардейский/Невский	Промежуточное решение	Крупный	Региональный	4 года	Периферия	242 тыс.
92	Южно-Приморский парк	Красносельский	Промежуточное решение	Крупный	Муниципальный	4 года	Периферия	2 тыс.
93	Юнтоловский заказник	Приморский	Промежуточное решение	Крупный	Федеральный	12 лет	Периферия	160 тыс.
94	Яблоновский сад	Невский	Победа	Средний	Региональный	3 года	Периферия	32 тыс.

Составлено автором.

Приложение Б. Система баллов для построения пространственно-временных моделей

№	Наименование конфликта	Итог протеста	Масштаб территории конфликта	Уровень решения/освещения проблемы	Длительность конфликта	Местоположение конфликта	Упоминания конфликта (контент-отклик)	Сумма баллов
1	«Охта-центр»	5	2	5	4	2	5	23
2	Конюшенное ведомство	5	2	4	4	3	4	22
3	Парк «Тучков Буян»	3	3	4	4	3	4	21
4	Баболовский парк	5	3	4	4	1	3	20
5	Военно-медицинская академия им. Кирова	5	3	4	2	2	3	20
6	Парк «Малиновка»	5	2	4	4	1	4	20
7	Парк на Смоленке	5	2	3	4	2	4	20
8	Блокадная подстанция	5	1	3	4	3	4	20
9	Дом Лишневого «Мефистофель»	5	1	3	4	3	4	20
10	Митрофаньевское кладбище	5	3	3	4	1	3	19
11	Удельный парк	5	3	3	4	1	3	19
12	Парк Интернационалистов	5	3	3	3	1	4	19
13	Ржевский лесопарк	5	3	3	4	1	3	19
14	Лопухинский сад	5	2	3	4	3	2	19
15	Подковыровский	5	1	3	4	3	3	19

	сквер							
16	«Аракчеевские казармы», дома на Шпалерной ул.	5	1	3	4	3	3	19
17	Дом Юргенса	5	1	3	3	3	4	19
18	Музей Достоевского	5	1	3	3	3	4	19
19	Юнтоловский заказник	3	3	4	4	1	4	19
20	Сквер у Большеохтинского пр. (дома Верховного суда РФ)	3	3	4	3	2	4	19
21	Пулковская обсерватория – ЖК «Планетоград»	3	3	5	3	1	4	19
22	Сад на Неве	3	2	4	3	3	4	19
23	Мартыновский сквер	5	2	3	4	1	3	18
24	Сквер на ул. Савушкина, д. 112 (МФЦ «Астана»)	5	2	4	4	1	2	18
25	Сад Ивана Фомина	5	1	3	4	1	4	18
26	Мусорный полигон на Левашовском ш.	3	3	4	4	1	3	18
27	Широтная магистраль (ВСД)	3	3	3	4	1	4	18
28	Памятники	3	2	3	4	2	4	18

	Охтинского мыса							
29	Некрасовский сад (Греческая церковь)	3	2	3	4	3	3	18
30	«Лахта-центр»	1	3	4	4	2	4	18
31	Матвеевский сад	5	2	2	3	3	2	17
32	Сквер на пр. Энгельса	5	2	3	3	1	3	17
33	Яблоновский сад	5	2	3	3	1	3	17
34	Площадь Мужества	5	2	4	3	1	2	17
35	Муринский парк	5	2	3	2	1	4	17
36	Сквер на Канонерском острове	5	2	3	4	1	2	17
37	ГМП «Исаакиевский собор»	5	1	4	3	3	4	17
38	Дёминский сад	5	1	3	4	2	1	17
39	Намывной остров в Сестрорецке	3	3	3	4	1	3	17
40	Парк Академика Сахарова	3	3	3	4	1	3	17
41	Сквер у СКК «Петербургский»	3	3	4	3	1	3	17
42	Фабрика Мельцера	3	2	3	3	3	3	17
43	Дом Басевича	3	1	3	4	3	3	17
44	Дом Шагина (Зыкова)	3	1	3	4	3	3	17
45	Дом Литераторов	3	1	3	3	3	4	17

	(Невский пр., 68)							
46	Парк 300-летия Санкт-Петербурга	1	3	3	4	1	5	17
47	«Морской фасад»	1	3	4	3	2	4	17
48	Фарфоровское кладбище	5	2	3	2	1	3	16
49	Опочининский сад	5	2	3	3	2	1	16
50	Сквер на Комендантском пр., д. 40	5	1	3	2	1	4	16
51	Сквер 2А и 2Г в Улянке	3	3	3	4	1	2	16
52	Старопарголово-Восточный массив (пр. Мориса Тореза)	3	3	3	3	1	3	16
53	Бульвар на ул. Крыленко	3	2	3	4	1	3	16
54	Здание медсанчасти № 1 завода им. М.И. Калинина	3	1	3	4	2	3	16
55	Дом Чубакова	3	1	4	2	3	3	16
56	«Дом Книги»	3	1	3	2	3	4	16
57	Дом Штакеншнейдера	3	1	3	4	3	2	16
58	Дом Рогова	1	1	3	4	3	4	16
59	Сквер на ул. Гастелло (Чесменский дворец)	1	1	5	4	2	3	16

60	Сквер Бенуа	5	3	3	2	1	1	15
61	Южно-Приморский парк	3	3	2	4	1	2	15
62	Сквер на Долгоозёрной ул.	3	2	3	3	1	3	15
63	Парк 30-летия Октября	3	2	3	3	1	3	15
64	Парк «Заросли»	3	2	3	2	2	3	15
65	Биржа на Большом пр. В.О.	3	1	3	3	2	3	15
66	«Дом Абазы»	3	1	3	4	3	1	15
67	Храм на Матисовом канале	3	1	3	4	1	3	15
68	Здание ВНИИБ	3	1	3	4	1	3	15
69	Обуховская больница	1	2	3	3	3	3	15
70	Сквер на 6-ой Советской ул.	1	1	3	4	3	3	15
71	Сквер на ул. Верности	5	2	2	3	1	1	14
72	Орловский карьер и Новоорловский заказник	3	3	3	3	1	1	14
73	Сквер на ул. Демьяна Бедного	3	2	3	2	1	3	14
74	Дом на пр. Бакунина, 33	3	1	3	1	3	3	14

75	Сестрорецкий курорт	1	3	3	3	1	3	14
76	Дом Art View House на наб. р. Мойки, 102	1	1	3	2	3	4	14
77	Дом на Невском, 112 «Стокманн»	1	1	3	3	3	3	14
78	Больница Св. Марии Магдалины	1	1	3	4	3	2	14
79	Гаванские бани	3	1	3	1	2	3	13
80	Воскресенская церковь, пос. Металлострой	1	2	3	4	1	2	13
81	Парк у Серебряного пруда	1	1	3	4	1	3	13
82	Парк имени Есенина	5	2	2	1	1	1	12
83	Луговой парк	3	2	2	1	1	3	12
84	Сквер на ул. Савушкина 145	3	1	2	3	1	2	12
85	«Собачье сердце», дом на Дегтярном пер.	3	1	3	1	3	1	12
86	БЦ «Монблан»	1	1	3	2	2	3	12
87	Технопарк «Ингрия», Кудровский лес	3	3	2	2	1	1	12
88	Сквер Подводников	1	2	3	2	1	2	11
89	Сквер на 9 линии В.О. (бизнес-центр «Соверен»)	1	1	2	3	3	1	11

90	ЖК «Аврора»	1	1	3	1	2	3	11
91	Английский парк	3	2	2	1	1	1	10
92	Парк «Александрино» (берёзовая роща)	1	2	3	1	1	2	10
93	Парк Воинской славы	1	2	2	2	1	1	9
94	Сквер на Школьной ул.	1	1	2	2	1	1	8

Составлено автором.

Приложение В. Число конфликтов и процент побед общественности
по районам Санкт-Петербурга

Районы	Число конфликтов, ед.	Победы общественности, %
Адмиралтейский	3	33
Василеостровский	10	20
Выборгский	11	36
Калининский	5	60
Кировский	1	100
Колпинский	1	0
Красногвардейский	6	50
Красносельский	4	0
Курортный	2	0
Московский	4	25
Невский	8	50
Петроградский	7	57
Петродворцовый	2	50
Приморский	11	27
Пушкинский	1	100
Фрунзенский	1	100
Центральный	17	41
Итого	94	

Составлено автором на основе Приложений А и Б.

Приложение Г. Анкета для экспертного опроса

Здравствуйте!

Меня зовут Кирилл Галустов, я являюсь аспирантом Санкт-Петербургского государственного университета. В рамках исследования по теме «Трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов» я провожу экспертный опрос в данной области.

Цель опроса – составление агрегированного показателя (определяемого как среднее арифметическое всех показателей, относящихся к конфликту) и построение карт конфликтной напряжённости, результатов протеста и пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга.

Прошу Вас принять участие в экспертном опросе и ответить на вопросы предлагаемой анкеты.

Для оценки критериев составлена система баллов – они отражают вес каждого показателя. Система баллов будет формировать агрегированный показатель. Прошу оценить значимость каждого пункта по сравнению с остальными с точки зрения *значимости критериев конфликта*. Оценку предлагается производить исходя из 5-балльной шкалы. Вы можете поставить собственный максимальный балл (3, 4, 5) в зависимости от значимости каждого критерия.

1. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Итог протеста»: 5 баллов – победа протеста, 3 балла – промежуточное решение/компромисс, 1 балл – поражение.

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

2. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Масштаб территории конфликта»: 3 балла – крупный, 2 балла – средний, 1 балл – малый.

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

3. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Уровень разрешения конфликта»:
5 баллов – федеральный, 3 балла – региональный, 1 балл – муниципальный.

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

4. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Длительность конфликта»:
5 баллов – 3 и более лет; 4 балла – 1-2 года; 3 балла – 0,5 – 1 год; 2 балла – от 3 до 6 месяцев; 1 балл – менее 3 месяцев.

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

5. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Местоположение конфликта»:
5 баллов – центр, 3 балла – полупериферия, 1 балл – периферия (окраина).

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

6. Согласны ли вы со следующей оценкой критерия «Упоминания конфликта в СМИ (контент-отклик)»:

5 баллов – более 1 млн., 4 балла – от 100 тыс. до 1 миллиона, 3 балла – от 10 тыс. до 100 тыс., 2 балла – от 1 до 10 тыс., 1 балл – менее 1 тыс.

- Да
- Нет (опишите вашу оценку критерия)

Ваше участие очень полезно для исследования!

Я благодарю Вас за то, что уделили время!

Составлено автором.

Приложение Д. Результаты экспертного опроса

В целях верификации оценки веса критериев экологических и экокультурных конфликтов проведён опрос среди экспертов:

- Амосов М.И., к.г.н., специалист по истории городских ландшафтов, экс-депутат Ленсовета и депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга;
- Аксёнов К.Э., д.г.н., вице-президент GS Group (до 2021 г.), профессор, специалист по геоурбанистике;
- Алфёрова М.В., писатель, градозащитник;
- Вишневский Б.Л., к.т.н., депутат Законодательного Собрания, градозащитник;
- Дубровская С.Е., социолог, специалист в области прикладных социальных исследований;
- Зиновьев А.С., специалист по политической географии и лимологии;
- Межевич Н.М., проф., д.э.н., директор Центра трансграничных исследований СПбГУ, специалист по Балтийскому региону;
- Миненко Е.С., журналист;
- Сивохина Н.П., градозащитник.

Для оценки предлагалось высказать предложения по предложенной автором шкале.

Итог протеста: 5 баллов – победа протеста, 3 балла – промежуточное решение/компромисс, 1 балл – поражение.

Масштаб территории: 3 балла – крупный, 2 балла – средний, 1 балл – малый.

Уровень разрешения конфликта: 5 баллов – федеральный, 3 балла – региональный, 1 балл – муниципальный.

Длительность конфликта: 5 баллов – 3 и более лет; 4 балла – 1-2 года; 3 балла – 0,5 – 1 год; 2 балла – от 3 до 6 месяцев; 1 балл – менее 3 месяцев.

Местоположение конфликта: 5 баллов – центр, 3 балла – полупериферия, 1 балл – периферия.

Количество публикаций в СМИ: 5 баллов – более 1 миллиона, 4 балла – от 100 тыс. до 1 миллиона, 3 балла – от 10 тыс. до 100 тыс., 2 балла – от 1 до 10 тыс., 1 балл – менее 1 тыс.

Анкета для экспертного опроса представлена в Приложении Г.

В ходе проведённого опроса были сделаны новые замечания и предложения.

Так, эксперт Амосов М.И. предложил понизить значимость критериев местоположения и уровня разрешения конфликта. Также эксперт подчеркнул особую значимость критерия количества публикаций в СМИ.

Эксперт Аксёнов К.Э. согласился с изначально предложенной шкалой, особенно подчеркнув роль критерия длительности конфликта.

Экспертом Алфёровой М.В. также было сделано предложение по понижению значимости критерия местоположения конфликта, а также замечены недочёты в критерии количества публикаций.

Экспертом Дубровской С.Е. высказано предложение по уменьшению значимости критерия длительности конфликта и сведению шкалы до 3-балльной с помощью сливания рассматриваемых интервалов. Также эксперт предлагает разграничивать объективные критерии, к которым относятся масштаб, длительность и местоположение конфликта, и имиджевые критерии (итог протеста, уровень разрешения, количество публикаций в СМИ).

Эксперт Зиновьев А.С. предложил увеличить интервалы длительности конфликтов, высказав предположение о том, что конфликты с точки зрения времени приобретают значимость, если длятся более года.

Эксперт Сивохина Н.П. высказала мнение о том, что иногда даже самые резонансные проблемы редко вызывают откликов в СМИ, поэтому следует понизить значимость критерия количества публикаций.

Остальные эксперты, в целом, согласились с методикой, предложенной изначально.

Итак, подводя итог, получились следующие показатели:

Итог протеста: 5 баллов – победа протеста, 3 балла – промежуточное решение/компромисс, 1 балл – поражение.

Масштаб территории: 3 балла – крупный, 2 балла – средний, 1 балл – малый.

Уровень разрешения конфликта: 5 баллов – глобальный, 4 балла – федеральный, 3 балла – региональный, 2 балла – муниципальный.

Длительность конфликта: 4 балла – более 3 лет; 3 балла – 1-3 года; 2 балла – 0,5 – 1 год; 1 балл – менее 0,5 года.

Местоположение конфликта: 3 балла – центр, 2 балла – полупериферия, 1 балл – периферия.

Контент-отклик в СМИ: 5 баллов – более 1 миллиона упоминаний, 4 балла – от 100 тыс. до 1 миллиона, 3 балла – от 10 тыс. до 100 тыс., 2 балла – от 1 до 10 тыс., 1 балл – менее 1 тыс.

Приложение Е. Кейсы общественно значимых проектов трансформации городской среды

Таблица Е.1. Кейс «Тучков буян»

	Фаза 1 (2006 - 2012) Набережная Европы	Фаза 2 (2012 - 2017) Судебный квартал	Фаза 3 (2019 - н/вр) Тучков Буян
Местоположение	Центр		
Масштаб	Крупный		
Основные функции проекта	Элитное жилье, гостиница, элитные торговые и сервисные объекты для коммерческих целей, Театр танца, общественная пешеходная набережная, без парка, одно историческое здание сохраняется	Здание Верховного суда, Театр танца, открытое общественное пространство, общественная или частная пешеходная набережная, парка нет. Статус исторического наследия снят, здания не сохраняются	Полностью открытое общественное пространство, парк, общественная набережная, Театр танца, одно историческое здание сохраняется
Кто принимает решение о функции	Город и федерация (под влиянием бизнеса)	Федерация	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Федерация, Город	Федерация, Город
Кто контролирует архитектурный конкурс	Город	Федерация	Федерация, Город
Кто собирается финансировать проект	Застройщик под гарантии Федерации, Федерация	Федерация	Федерация, Город

Кто возражает	Эксперты-градостроители, настоятель соседнего собора, работники снесенного предприятия, член правительства города, общественность города, несколько НПО	Общественность, градостроители, экологи, эксперты-	Архитекторы
Способ проявления недовольства	Медиа, пикет, открытое письмо губернатору, затем отставка члена правительства города, сбор подписей онлайн, митинги протеста	Медиа, сбор подписей онлайн	Медиа

Составлено автором.

Таблица Е.2. Кейс «Охта-центр»

	Фаза 1 (2006 - 2012) «Газпром-сити» (Охта-центр)	Фаза 2 (2010 - 2020) Крах проекта «Охта-центр», новые проекты реновации со стороны бизнеса	Фаза 3 (2020 - н/вр) Музей археологии
Местоположение	Полупериферия		
Масштаб	Средний		
Основные функции проекта	Деловой центр, штаб-квартира государственной корпорации «Газпром» Здания не сохраняются	Общественно-деловой центр со значительной культурной функцией Сохраняются частично территории археологических изысканий	Музейно-выставочное пространство с высокой долей общественных пространств Свободная от застройки территории, сохраняются массивы археологических раскопок
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Федерация (под влиянием ЮНЕСКО и общественного активизма), Город (под влиянием Федерации) – остановка Фазы 1 Бизнес	Федерация, Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	ЮНЕСКО, Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес при помощи Города	Бизнес, Город, Федерация	Федерация, Город

Кто возражает	Общественность, градостроители, движения, Законодательного ЮНЕСКО	эксперты-градоохранители, депутаты собрания,	Общественность, градостроители, экологи, депутаты Законодательного собрания	Бизнес
Основные способы проявления недовольства	Митинги протеста, блокирование публичных слушаний, публичные заявления представителей ЮНЕСКО, инициация референдума, обращение в суд		Сбор подписей, петиции, народные сходы, обращение в суд	Публикации в прессе

Составлено автором.

Таблица Е.3. Кейс «Намывной остров в Сестрорецке»

	Фаза 1 (2009 - н.в.) Попытки строительства намывного острова
Местоположение	Периферия
Масштаб	Крупный
Основные функции проекта	Жилое и деловое строительство
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес
Кто согласует	Федерация, Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес, Город
Кто возражает	Общественность, эксперты-экологи, архитекторы, проектировщики, депутаты Законодательного собрания
Основные способы проявления недовольства	Петиции, инициация референдума, митинги протеста

Составлено автором.

Таблица Е.4. Кейс «Парк Малиновка»

	Фаза 1 (2004 - 2010) Строительство торгового центра «Июнь» и ресторана быстрого питания	Фаза 2 (2010 - 2019) Строительство храмового комплекса на территории парка	Фаза 3 (2019 - н.в.) Формирование зелёной зоны
Местоположение	Периферия		
Масштаб	Средний		
Основные функции проекта	Использование небольшой части парка под общественно-деловые функции, появление нового гипермаркета, ресторана быстрого питания, кинотеатра	Храмовый комплекс с зимними садами и с православным центром	Реализация зелёной зоны для рекреации местных жителей
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Город и бизнес	Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Город	Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес	Церковь Город	Город
Кто возражает	Общественность	Общественность, градозащитные движения, депутаты Законодательного собрания	Церковь, депутаты Законодательного собрания

Основные способы проявления недовольства	Народные сходы, посты в социальных сетях	Суд, митинги протеста, петиции, участие в публичных слушаниях, публичные заявления представителей ЮНЕСКО, инициация референдума	Выступления отдельных политиков, депутатов и экс- депутатов Законодательного собрания, публикации в прессе
---	---	--	---

Составлено автором.

Таблица Е.5. Кейс «Медико-санитарная часть № 1 Завода им. Калинина»

	Фаза 1 (2005 - 2011) Приватизация, прекращение выполнения зданием изначальных функций, размещение объектов социального обеспечения	Фаза 2 (2014 - 2017) Строительство высотного жилья ЗАО «ГК «Синергия»	Фаза 3 (2019 - н.в.) Вторая волна попыток строительства жилья
Местоположение	Полупериферия		
Масштаб	Малый		
Основные функции проекта	Размещение объектов социального обеспечения, прекращение выполнения медицинских функций	Снос исторического здания, строительство высотного жилья	Строительство высотного жилья с учётом недочётов в первичной экспертизе, пересмотр проекта
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Город и бизнес	Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Город	Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес	Бизнес	Бизнес
Кто возражает	-	Общественность, градозащитные движения, депутаты Законодательного собрания	Общественность, градозащитные движения, депутаты Законодательного собрания, ИКОМОС

Основные способы проявления недовольства	-	Митинги протеста, суд, критические рецензии на экспертизу, встреча депутата ЗакСа с вице-губернатором	Суд, сбор подписей за сохранение медсанчасти, митинги протеста, письма губернатору, экспертиза
---	---	---	--

Составлено автором.

Таблица Е.6. Кейс «Конюшенное ведомство»

	Фаза 1 (2005 - 2010) Устройство досугово-развлекательной зоны	Фаза 2 (2010 - 2016) Апарт-отель Plaza Lotus Group	Фаза 3 (2016 - 2021) Музейно-выставочный комплекс, Государственный музей истории Санкт-Петербурга + ГБУ «АРИК»
Местоположение	Центр		
Масштаб	Средний		
Основные функции проекта	Элитное жилье, гостиница, элитные торговые и сервисные объекты для коммерческих целей, Театр танца, общественная пешеходная набережная, без парка, одно историческое здание сохраняется	Элитное жилье, апарт-отель. Статус исторического наследия снят, здания частично сохраняются	Культурно-просветительский центр с галереями, амфитеатром, зонами отдыха и общественного питания, выставочный зал, музей современного искусства, проведение мероприятий под открытым небом В 2021 году ГМИ СПб отказался от объекта, передан ГБУ «АРИК»
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Бизнес	Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	ЮНЕСКО, Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город
Кто собирается финансировать проект	Бизнес	Бизнес	Город

Кто возражает	Городские власти, предлагается передача объекта под более значимый инвестиционный проект	Общественность, градозащитники, эксперты-градостроители, архитекторы, депутаты Законодательного собрания	Бизнес, депутаты Законодательного собрания
Основные способы проявления недовольства	-	Митинги протеста, сбор подписей, петиции, обращения в органы власти	Публикации в прессе, обращения в органы власти

Составлено автором.

Таблица Е.7. Кейс «Парк на Смоленке»

	Фаза 1 (2011 - 2015) Театр Аллы Пугачёвой	Фаза 2 (2016 - 2018) Инвест-отель ООО «Новые территории-девелопмент»	Фаза 3 (2019 - н/вр) Парк на Смоленке*
Местоположение	Полупериферия		
Масштаб	Крупный		
Основные функции проекта	Театр, культурный комплекс, завершение перспективы реки Смоленки, которая была задумана как осевая линия Невского проспекта	Комплекс апартаментов	Свободное общественное пространство с организацией набережных, без застройки
Кто принимает решение о функции	Город и бизнес	Бизнес	Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Город	Город	Город
Кто собирает финансировать проект	Бизнес	Бизнес	Город
Кто возражает	Общественность района и города, депутаты Законодательного собрания	Общественность, архитекторы, экологи, депутаты Законодательного собрания, градозащитные движения	Бизнес, чиновники городского правительства

Способ проявления недовольства	Обращения жителей, митинг протеста, подача поправок к закону «О зелёных насаждениях общего пользования»	Сбор подписей, медиа, защита деревьев от расчистки строительной техникой, митинги протеста против строительства и за создание парка, инициация референдума, пикеты активистов, суды	Суды, споры, обращения в органы власти
---------------------------------------	---	---	--

Составлено автором.

Таблица Е.8. Кейс «Парк Зарядье»

	Фаза 1 (2006 - 2010) Строительство многофункционального гостиничного комплекса малой этажности	Фаза 2 (2010 - 2012) Строительство парламентского центра, гостинично-делового квартала, жилого квартала)	Фаза 3 (2012 - 2017) Создание парка
Местоположение	Центр		
Масштаб	Крупный		
Основные функции проекта	Гостиница, офисы, парковка	Здание парламентского центра, общественно-деловой центр	Пешеходная зона, парковая зона, сохраняются исторические здания, зеленая зона, парковочная зона, филармония, концертный зал, гостиница
Кто принимает решение о функции	Город	Федерация, Город	Федерация, Город
Кто согласует	Город	Федерация, Город	ЮНЕСКО, Федерация, Город (Премьер-министр РФ)
Кто собирается финансировать проект	Бизнес («СТ Девелопмент»)	Город	Город
Кто возражает	Бизнес («Монабу») (недовольство проведением конкурса)	Архитекторы, Федерация (Премьер-министр), Город (Мэр Москвы)	Архитекторы, экологи
Способ проявления недовольства	Суд	Медиа, принятие альтернативного решения	Медиа

Составлено автором.

Таблица Е.9. Кейс «Храм Святой Екатерины, г. Екатеринбург»

	Фаза 1 (2010) Проект строительства храма на площади Труда	Фаза 2 (2016 - 2017) Проект строительства храма в акватории городского пруда	Фаза 3 (2017 - 2019) Проект строительства храма в сквере у Театра Драмы	Фаза 4 (2019 - н/в) Опрос по месту строительства. Проект строительства на территории бывшего приборостроительного завода
Местоположение	Центр			
Масштаб	Малый			
Основные функции проекта	Воссоздание храма, исторически существовавшего на данной территории (на площади Труда храм был расположен до 1930 года)	Строительство храма в акватории городского пруда в самом центре города. Появление нового визуального символа города	Застройка храмовым объектом сквера на берегу пруда с обустройством культурной зоны для проведения мероприятий и размещением зоны отдыха	Проведение опроса из 13 новых площадок для строительства. Утверждение нового места строительства храма. Сохранение рекреационной зоны у театра Драмы
Кто принимает решение о функции	Регион, Город	Регион, Город	Федерация, Регион, Город	Федерация, Регион, Город
Кто согласует	Регион, Город	Регион (Рабочая группа при Губернаторе Свердловской области), Город (под влиянием общественного активизма)	Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)	Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)

Кто собирается финансировать проект	Бизнес (Уральская горно-металлургическая компания – УГМК)	Бизнес (Уральская горно-металлургическая компания - УГМК, Русская медная компания - РМК, меценаты от металлургии)	Город, Бизнес (ООО «Храм Святой Екатерины», Фонд Святой Екатерины)	Город, Бизнес (Фонд Святой Екатерины - учредители РМК и УГМК)
Кто возражает	Общественность, градостроительный совет, архитекторы	Общественность	Общественность	Общественность
Способ проявления недовольства	Митинги протеста, акции, медиа	Обращения жителей к Президенту РФ, Мэру Екатеринбурга, публичные слушания, медиа	Массовые несанкционированные властью акции протеста, инициация референдума, акция «Городская переключка»	Петиции за признание приборостроительного завода памятником

Составлено автором.

Таблица Е.10. Кейс «Бетонирование набережных р. Вологда»

	Фаза 1 (2011 - 2018) Реализация бетонирования набережных г. Вологда	Фаза 2 (2019 – н/вр) Остановка реализации первоначального проекта. Создание концепции зелёных благоустроенных набережных
Местоположение	Центр	
Масштаб	Крупный	
Основные функции проекта	Благоустройство набережных, защита от затопления и подтопления	Формирование зелёной благоустроенной набережной, создание новых зелёных зон
Кто принимает решение о функции	Регион, Город	Федерация, Регион, Город (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Федерация (Федеральное агентство водных ресурсов), Регион, Город	Федерация (Федеральное агентство водных ресурсов), Регион, Город
Кто собирается финансировать проект	Регион, Город, Бизнес (ОАО «Вологодавтодор»)	Регион, Город, Бизнес (ООО «Магистраль»)
Кто возражает	Местные жители, активисты, архитекторы, экологи, студенты и преподаватели местного университета	Местные жители, активисты, архитекторы, экологи, студенты и преподаватели местного университета, дизайнеры, историки и специалисты по охране наследия
Способ проявления недовольства	Многочисленные митинги, акции, медиа, выражения в СМИ, обращения к Президенту, заявления в полицию, в комитет природных ресурсов, обследование объекта, общественные обсуждения	Протестные акции, круглый стол с архитектурным бюро, обращения к Президенту, общественные обсуждения

Составлено автором при поддержке И. Котенко.

Таблица Е.11. Кейс «Застройка полей Тимирязевской академии в Москве»

	Фаза 1 (2016 - 2020) Строительство жилых домов на территории полей Тимирязевской академии	Фаза 2 (2020 – н/вр) Строительство общежитий, новых зданий для ВУЗа и жилая застройка
Местоположение	Периферия	
Масштаб	Средний	
Основные функции проекта	Жилая застройка 100 га, парковая зона	Жилая застройка, студенческие общежития, жилой дом для сотрудников вуза и другие здания для академии
Кто принимает решение о функции	Федерация (Правительственная комиссия по развитию жилищного строительства и оценке эффективности использования земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации), Город, Академия	Федерация (Президент РФ), Город, Академия (под влиянием общественного активизма)
Кто согласует	Федерация, АИЖК, Министерство сельского хозяйства РФ, Город, Росагропромсоюз, Академия	Федерация (Минсельхоз), Город, Академия
Кто собирается финансировать проект	Бизнес (Фонд РЖС)	Бизнес («Группа ЛСР»)

Кто возражает	Бывшие руководители Минсельхоза СССР и Российской Федерации, студенты, преподаватели и сотрудники ВУЗа, Минприроды, функционеры партии «Единая Россия», Минобрнауки, лидер «Справедливой России» Сергей Миронов	Местные жители, студенты, преподаватели, правозащитники, Архнадзор
Способ проявления недовольства	Петиция, митинги, сообщения в СМИ, обращения к президенту, публичные высказывания	Сбор подписей, сообщения в СМИ, публичные выступления

Составлено автором при поддержке И. Котенко.

Приложение Ж. Типология процесса трансформации городского пространства на примере ОЗП

№	Пример трансформации	По преобладанию интересов акторов			По местоположению			По характеру смены функции	По числу смен направленности трансформации		
		Власть	Бизнес	Общество	Центр	Полупериферия	Периферия		Одно фазная	Двух фазная	Много фазная
1	«Охта-центр»			+		+		Из производственной – в деловую			+
	Формула	БО			ПП			ПД	МФ		
2	Парк «Зарядье»			+	+			Из деловой – в рекреационную			+
	Формула	ВО			Ц			ДР	МФ		
3	Храм Святой Екатерины			+	+			Из деловой – в рекреационную			+
	Формула	ВО			Ц			ДР	МФ		
4	Тучков буян			+	+			Из деловой – в рекреационную			+
	Формула	БО			Ц			ДР	МФ		
5	Бетонирование набережных р. Вологда			+	+			Рекреационная сохранена (с элементами деловой)		+	
	Формула	ВО			Ц			РР	ДФ		
6	Застройка полей Тимирязевской академии в Москве			+			+	Деловая сохранена (научный вместо селитебно-делового)		+	
	Формула	БО			П			ДД	ДФ		

№	Пример трансформации	По времени			По масштабу влияния			По резонансу в СМИ		
		Менее 1 года	До 5 лет	От 5 лет и более	Глобальный	Федеральный	Региональный	Высокий	Средний	Низкий
1	«Охта-центр»			+	+			+		
	Формула	5+			Г			В		
2	Парк «Зарядье»			+		+				+
	Формула	5+			Ф			Н		
3	Храм Святой Екатерины			+				+		
	Формула	5+			Ф			В		
4	Тучков буян		+			+		+		
	Формула	5+			Ф			В		
5	Бетонирование набережных р. Вологда		+			+				+
	Формула	1-5			Ф			Н		
6	Застройка полей Тимирязевской академии в Москве			+		+				+
	Формула	5+			Ф			Н		

Приложение 3. Примеры трансформации пространства
в Центральном районе Санкт-Петербурга

Ярким примером трансформации пространства в Центральном районе следует назвать кейс Конюшенного ведомства. Большой квартал исторических зданий, включающий церковь, где в 1837 году отпевали А.С. Пушкина, оказался в запустении в постсоветские годы. Ввиду большого масштаба пространства его комплексная реновация была затруднена, а редевелопмент очень сильно ограничен из-за охранного статуса места. Тем не менее, проекты бизнеса по устройству досугово-развлекательной зоны, а затем Апарта-отеля Plaza Lotus Group оказались невостребованными. В качестве компромисса было предложено создание музейно-выставочного комплекса, однако и этой идее не суждено было сбыться (см. Таблица Е.6, Рис. 3.1).

Рис. 3.1. Конюшенное ведомство

А – Досугово-развлекательная зона (проект). Б – Апарта-отель (проект).

В – Музейно-выставочный комплекс (проект). Г – Реальность в 2021 г.

(составлено автором по Таблице Е.6., sanktpeterburg.bezformata.com, archi.ru, mr-7.ru)

Такую трансформацию можно назвать «нулевой», так как по её результатам никто из акторов не приобрёл желаемого результата. Власть не смогла приспособить историческое здание для использования, бизнес получил сначала неодобрение власти, а затем общественное сопротивление, а общество смогло лишь побороться за сохранение текущего состояния комплекса, но это не помогло приобрести ему новую функцию.

Например, кейс нового здания музея Достоевского демонстрирует случай несостоявшегося коммерческого проекта трансформации, который преподносился для общественных нужд. Опубликование проекта вызвало общественные протесты, которые привели к изменению властями своей позиции относительно выделения территории сквера под новое здание музея. В результате бизнес-проект был полностью отклонён, а взамен проекта застройки пространства возник проект благоустройства и улучшения уже существующей зелёной зоны. Таким образом, перспектива трансформации пространства в пользу одного из акторов привела к воздействию новых режимных факторов и улучшению пространства с сохранением его изначальной рекреационной функции (Рис. 3.2).

Рис. 3.2. Сквер у музея Достоевского.

А – Внешний вид сквера. Б – Проект нового здания. В – Проект благоустройства сквера
(составлено автором на основе vecherka.spb.ru, archi.ru)

Такой кейс демонстрирует, что намерения по изменению пространства со стороны одного из акторов могут приводить к вмешательству других акторов. Изменения функции пространства не происходит, однако его сущность меняется – возникает новая точка притяжения ввиду усилившейся общественной значимости.

Это позволяет нам говорить о том, что под воздействием городского режима сам процесс изначальной трансформации может завершиться уже в ходе проектной стадии и пойти совершенно в другом направлении. Режимные взаимодействия меняются и трансформация пространства развивается в ключе сохранения изначальной функции и даже её усиления.

Следует разграничивать преобладание интересов акторов и результаты трансформации. В случае Конюшенного ведомства в Санкт-Петербурге общество сумело остановить реализацию одобренного властью инвестиционного проекта, однако развития пространства не случилось, оно также, как и случае Конюшенного ведомства, Тучкова буяна, «Охта-центра» просто застыло в «нулевом положении». Аналогичным образом происходит и во многих других общественно значимых проектах. Они становятся фактором перехода к прогрессивному режиму, отменяют конфликтный проект, но взамен не приводят к позитивным трансформациям пространства, а лишь фиксируют статус-кво.

Приложение И. Статистика общего числа построенных домов и сданных квартир
в Санкт-Петербурге

Годы постройки	Число домов	Количество квартир
1970 – 1979	1941	349366
1980 – 1989	959	199615
1990 – 1999	625	103224
2000 – 2009	1124	220515
2010 – 2019	988	465575

Составлено автором на основе dom.mingkh.ru.